

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 1 (102)

Academic Journal

Series:

Political Science.

Social and Communicative Studies

Moscow 2013

ВЕСТНИК РГГУ

№ 1 (102)

Научный журнал

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Москва 2013

УДК 309
ББК 66.0я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Редколлегия серии:

А.П. Логунов – ответственный редактор

С.В. Клягин – заместитель ответственного редактора

Е.А. Архипова – ответственный секретарь

И.Б. Антонова

Н.А. Борисов

М.А. Гордеева

А. А. Калмыков

И.В. Логвинова

Е.С. Мелкумян

М.А. Штейнман

СОДЕРЖАНИЕ

Коммуникации и динамика разнообразия

<i>Клягин С.В.</i> Разнообразие как медиа социального.	11
<i>Лукьянов Д.В.</i> Исторические стратегии конструирования реальности современности	22
<i>Иллерицкая Н.В.</i> Конструирование прошлого в контексте интеллектуального многообразия	36
<i>Суший Е.В.</i> Глобальные трансформации в пространстве разнообразия как вызов стратегического управления	49
<i>Ирхин Ю.В.</i> Долгосрочное прогнозирование и проектирование глобального общественного развития	60
<i>Штейнман М.А.</i> Анатомия маски протеста: коммуникативный аспект	74

Политика в реальности разнообразия

<i>Литягин Н.Н.</i> Российское государство: моделирование реальности в пространстве разнообразия.	86
<i>Осавелюк А.М.</i> Форма правления и государственный режим: поиск оптимального сочетания.	97

<i>Бойко С.И.</i>	
Стабильность vs амбивалентность: варианты политических алгоритмов.	108
<i>Соколов Д.В.</i>	
Европейская интеграция и Восточная Европа: от унификации к многообразию.	119
<i>Мелкумян Е.С.</i>	
Арабские монархии: моделирование регионального пространства и «арабская весна»	126
<i>Соколова Е.Н.</i>	
«Дальневосточники»: роль идентичности в процессах развития макрорегиона	135

Практики исследований социально-политического разнообразия

<i>Антонова И.Б.</i>	
Президентская и политическая риторика как средство моделирования реальности: к постановке проблемы.	144
<i>Архипова Е.А.</i>	
М. Вебер в пространствах российского гуманитарного знания XX в.	155
<i>Долгова Е.А.</i>	
Споры о методе в российской исторической науке в 1920-е годы	166
<i>Кошелева А.Ю.</i>	
Язык права: формирование символов и влияние на реальность.	173
<i>Медушевский Н.А.</i>	
Фабрики мысли Тайваня как объект и субъект процесса моделирования политической реальности.	182
<i>Путьрский В.Е.</i>	
Моделирование в экополитологических исследованиях.	193

Исследование практик социально-политического разнообразия

<i>Барышев Е.В.</i> Интернет и перспективы демократии	207
<i>Гордеева И.А.</i> Возникновение независимого мирного движения в СССР в 1980-е годы	214
<i>Каминская Т.Л.</i> Приметы глобализации в социальном пространстве старорусских территорий	225
<i>Осолян Н.Г.</i> Концепция идентичностей и эффективные формы защиты прав человека	236
<i>Острирова Е.С.</i> Историческое прошлое Колумбии в идеологическом дискурсе XIX в.	248
<i>Гришачёв С.В.</i> Объект и пространство: геополитические традиции Японии в эпоху Токугава (1600–1867)	257
<i>Пичугина О.А.</i> Трансформация массовой коммуникативной реальности в эпоху социальных медиа	268
Абстракт	277
Сведения об авторах	289

CONTENTS

Communication and the Dynamics of Diversity

<i>Klyagin S.V.</i> On the media of diversity as the societal message	11
<i>Lukyanov D.V.</i> Historical strategy of constructing the nowadays reality	22
<i>Illeritskaja N.V.</i> Constructing the past in the context of the intellectual diversity.	36
<i>Sushyi E.V.</i> Global transformation as a challenge for strategic governance	49
<i>Irhin Y.V.</i> long-range forecasting and projecting of the global and social development	60
<i>Shteynman M.A.</i> Anatomy of protesting mask: communicative aspect	74

Politics in the Reality of Diversity

<i>Lityagin N.N.</i> Russian state: simulation of reality in the space of diversity	86
<i>Osaveliyuk A.M.</i> Form of government and state regime: search of optimum	97
<i>Boyko S.I.</i> Stability vs ambivalence: variants of political algorithms	108

<i>Sokolov D.V.</i> European integration and eastern europe: from unification to diversity	119
<i>Melkumyan E.S.</i> Arab monarchies: constructing of regional environment and “arab spring”	126
<i>Sokolova E.N.</i> “Far-easteners”: the role of identity in the processes of the macro-region’s development	135

Research Methods of Social and Political Diversity

<i>Antonova I.B.</i> Presidential and political rhetoric: the tool to mould political reality (the issue to be considered)	144
<i>Arkipova E.A.</i> M. Weber in the russian humanities of the xxth century	155
<i>Dolgova E.A.</i> Debating the diversity of methods in russian historical science (the 1920s)	166
<i>Kosheleva A.J.</i> Law language: symbol formation and influence upon reality	173
<i>Medushevsky N.A.</i> Taiwan think tanks as an object and subject of political reality modeling process	182
<i>Putyrskiy V.E.</i> Ekopolitological modeling studies	193

Researching Practices of Social and Political Diversity

<i>Baryshev E.V.</i> Internet and prospects of democracy	207
<i>Gordeeva I.A.</i> The emergence of the independent peace movement in the USSR in the 1980s.....	214
<i>Kaminskaya T.L.</i> Globalization signs in the social space of old russian territories	225
<i>Osoianu N.G.</i> Conception of identities and effective forms of human rights protection ...	236
<i>Ostrirova E.S.</i> Columbia's history in the ideological discourse of the XIX th century	248
<i>Grishachev S.V.</i> Object and space: traditions and geopolitics in japan during edo period (1600–1867).....	257
<i>Pichugina O.A.</i> Transformation of mass communication reality during the era of social media	268
Abstrakt.....	277
Jeneral data about the authors.....	289

Коммуникация и динамика разнообразия

С.В. Клягин

РАЗНООБРАЗИЕ КАК МЕДИА СОЦИАЛЬНОГО

В статье рассматривается феномен медиа как возможность для сообщения между собой различных социально-культурных субъектов. Показано, что общественное разнообразие в качестве медиа может выступать важным фактором интеграции социального целого. Медиа и медиальность трактуются в качестве предпосылочных относительно социальных взаимодействий, особого рода «проводящих» сред, которые поддерживают социальные интеракции, в том числе и коммуникацию как практику, выраженную в информационно-смысловых обменах и возможности взаимопонимания в обществе. На этой, медиальной, основе могут создаваться мощные «скрепы» социальной реальности, полнота которой обрывается внутри себя непрерывным согласованием разного.

Ключевые слова: медиа, медиальность, коммуникация, разнообразие, социальная реальность.

Динамика и содержание социально-культурного разнообразия изменяются под воздействием череды революционных сдвигов в производственных технологиях и в порождаемой ими информационно-коммуникативной сфере современного общества. Исследователями предлагаются различные определения происходящих под их влиянием общественных трансформаций, в том числе: «информационное общество», общество «коммуникативной революции» (Э. Гидденс), «многоканальное общество» (Э. Тоффлер), «общество риска» (У. Бек). Эти и другие трактовки выражают неустраимую множественность методологических подходов

к пониманию сложности социальной реальности в нынешних исторических условиях.

Особенности современной техногенной цивилизации состоят и в том, что предметом дивергенции становится также сама возможность социокультурного разнообразия на фоне усиливающихся тенденций к унификации и стандартизации общественной жизни под воздействием глобализации и технологических факторов. В нынешних условиях дополнительными возможными оппозициями относительно феномена разнообразия становятся не только социальный морфологический монизм и тотальность, но также социально-культурная анемия и даже «никтоиность», формируемые целым рядом факторов (массовизация, понижение уровня жизни, иждивенчество, клиентелизм и др.), воздействующих в настоящее время на социум.

С учетом сказанного видно, что актуальным является поиск адекватных идей и предложений о том, как реагировать на уникальную ситуацию, которую можно назвать своего рода «разнообразием разнообразия».

В современном обществе демаркация, (само)идентификация, интерпретации и регулирование социокультурного разнообразия преимущественным образом осуществляются в коммуникативном формате. Это означает, что необходимо принимать в расчет различные векторы межкультурной коммуникации, широкое распространение в жизни современного общества информационных и знаково-символических систем. Но не только. В широком содержательном формате коммуникативный аспект связан с признанием конституирующей, социально-конструктивной роли коммуникативных практик для социума в целом.

Примеров неуклонного повышения значимости практик коммуникации и коммуникативной методологии очень много¹. Вместе с тем необходимо отметить возможность дополнения коммуникативного подхода в изучении социокультурного разнообразия за счет обращения к понятиям «медиа» и «медиальность». При этом следует обратить внимание на две основные эвристические возможности.

Первая из них связана с рассмотрением новейших средств коммуникации, и прежде всего массмедиа. Социокультурное разнообразие в возрастающей степени проявляется в современном мире именно на основе широкого использования технологических инноваций в средствах коммуникации, их комплексирования и интеграции. Более важно, однако, сосредоточиться на второй возмож-

ности, когда могут быть рассмотрены предпосылки осуществления коммуникации как особого рода феномена, в котором порождающим образом для социокультурного разнообразия открывается множественная, в том числе дискретная, онтология социальной реальности.

Перспективы реализации указанных возможностей обусловлены особенностями трактовки понятия «медиа». Их можно обобщить на основе достаточно подробной библиографической эмпирики, собранной в исследованиях ряда авторов.

В целом на социологическом уровне доминируют объектный (что есть?) и институциональный (как используется и работает?) аспекты в рассмотрении понятия «медиа». Однако для адекватного понимания медийности, что особенно показательно для непредметных, например социокультурных, сущностей, важно отказаться от вещно-инструментальных редукций в понимании медиа. Они проявляются, когда медиа непосредственно отождествляются со средствами массовой коммуникации².

Более сложное понимание медиа связано с технократическим подходом к социальной коммуникации, с акцентом на исторической динамике технических средств коммуникации. В этом случае медиа отводится роль технических посредников (слова и жесты, сложные знаковые системы, телекоммуникации, компьютерные информационные инфраструктурные комплексы). Завершенное выражение такая точка зрения находит в концепции «медийного фундаментализма» (К. Вульф), где предполагается, что медиа становятся «первоисточником в производстве мира»³.

Дальнейшее проникновение в смыслы рассматриваемого понятия позволяет увидеть что медиа – это не только средство коммуникации, но одновременно также среда и посредник. Медиа, таким образом, всегда гибридно и потому интермедиально. Соответственно, появляется возможность для демаркации понятий, различения понятий «медиа» и «коммуникация». Актуальность коммуникации происходит от возможности, избытка процессуальности медиа. «Голос не просто говорит нечто, что имеет иную природу, чем он сам, скорее, тем, что он нечто показывает, голос, по сути, вносит вклад в “содержание” речи и одновременно превышает, выходит за пределы содержания речи» (К. Вульф)⁴.

Итак, специфика медиа в отличие от коммуникации на смысловом уровне выражается двумя аспектами: а) медиа создает основу для распространения, воспроизводства коммуникации; б) медиа есть всегда некая «метаобласть» для коммуникации, ее внутрен-

няя, предпосылающая сущность. Вот, например, как может проявляться медиа самой очевидной основы социальной коммуникации – языка: «В качестве образа надлежит ему смиренно превратиться в отображение, чтобы быть всей природой – отказаться от претензии ее познать»⁵.

Показанные характеристики медиа в социальной реальности осмысливаются в ряде концепций из области философии и теории социальной коммуникации. Основы для этого были созданы в первой трети XX в. в ходе реализации масштабных проектов общественно-производственной индустриализации и обнаружения нетривиальной подоплеки быстрого количественного роста и активной дифференциации социально-культурных интеракций. Еще в 1921 г. немецкий философ Фриц Хайдер, развивая идеи философии техники и философской антропологии в их приложении к осмыслению техногенных искусств, в эссе «Вещь и медиум» сформулировал ключевой вопрос для понимания медиа и роли этого феномена в понимании коммуникации: как происходит, что мы «через непосредственно данное можем узнать нечто Другое?»⁶. Материальная данность, которая осуществляет функции опосредования, обозначается Хайдером как медиум, опосредованная же данность – как вещь⁷. Эта концепция была воспринята позднее Н. Луманом, который разработал на ее основе теоретическую модель взаимодействия медиума и формы в актах коммуникации.

Луман приходит к идее медиа (медиума), разбираясь с тем, как возможна коммуникация в условиях ее уникальности и маловероятности ситуации ее реализации в системном взаимодействии. Он делает предположение о том, что для коммуникации должны иметься предпосылки, «определяющие ожидания вероятности»⁸. Причем такие предпосылки представлены системой более высокого порядка относительно коммуникативной ситуации и, что важно отметить, обеспечивают в отличие от «точной» природы коммуникативного взаимодействия перенос информации между системами, участвующими в коммуникации⁹. Должно быть нечто, что обеспечивает возможность коммуникации и позволяет ей длиться. Н. Луман утверждает: «Когда мы говорим о “медиа коммуникации”, мы всегда имеем в виду оперативное использование дифференциации медиального субстрата и формы. Коммуникация возможна лишь как процессирование этой дифференциации»¹⁰. В качестве медиа (медиума) может проявляться любая среда или системное состояние. Медиум «циркулирует» в системе. Система в зависимости от степени свободы, «сцепленности» составляющих

ее элементов может находиться в состоянии медиума или формы. Формы же как структуры порядка «способны подсоединяться друг к другу как отдельные операции системы»¹¹. Луман подробно описывает механизм взаимоперехода медиума и формы¹². В общем плане можно утверждать, что коммуникация, а также конституируемые ею социальные определенности есть результат своего рода «пульсации» медиального субстрата, который непрерывно движется, как бы «дышит» сменой состояний медиума и формы.

Развернутая концепция «медиа» представлена также в работе современного французского социолога Р. Дебрэ «Введение в медиологию»¹³. Феномен медиа в этом труде рассматривается как необходимое дополнение к коммуникации, призванное обеспечить именно передачу информации и в конечном итоге социально-культурную преемственность, в которой формируются «узы коммунитарной филиации»¹⁴. Медиа и медиасферы взаимодействуют с коммуникацией, создают для нее предпосылки, сопровождают и поддерживают коммуникативные интеракции: «Коммуникация и передача являются регистрами, которые надо не сопоставлять, но координировать»¹⁵.

В инструментальной реализации коммуникативных практик без достаточного внимания к сфере медиа происходит свертывание горизонтов социального действия, история разбивается на эпизоды, жизнь человека хаотизируется в отдельных ситуациях спорадической социальной активности. «В инверсии целого и части, или в подчинении длительному эфемерному, можно видеть признак подлинного кризиса цивилизации – а это официальное имя кризисов передачи»¹⁶.

В подробной характеристике медиа, представленной в труде Р. Дебрэ, могут быть выделены признаки медиа, существенные для понимания роли этого феномена в сохранении в обществе социально-культурного разнообразия.

Во-первых, Р. Дебрэ подчеркивает необходимость дополнения использования того или иного средства коммуникации социальными институтами и инфраструктурами. Коммуникация возможна только в организованной материи. Во-вторых, в медиа важна функция передачи (transmission), которая представляет собой «взаимодействие организованной материи и материализованной организации» (социального или технического устройства, инструмента и института)¹⁷. Так, например, алфавит и письменность для раскрытия и сохранения своего социального потенциала должны поддерживаться усилиями школы, системы образования,

хранением и распространением письменных текстов. В отличие от коммуникации, которая ориентирована на пространственный охват, медиа и медиасферы ориентированы во времени, формируют социальные сети, структуры и процессы, длинные схемы социально-культурного взаимодействия. В концепции медиологии отмечается значимость организационного оформления передачи как основы социально-культурной преемственности: «...передавать означает организовывать, а организовывать – волей-неволей создавать иерархию»¹⁸. В-третьих, для медиа как передачи имеет принципиальную значимость проясняющее, согласующее и «прочитывающее» развертывание преемственности в пространстве-времени субординированных социальных форм, в которых к тому же представлено символическое измерение: «Чтобы вступить в коммуникацию, достаточно заинтересоваться. Чтобы должным образом передавать, необходимо преобразовывать, а то и преобразжать»¹⁹. Развивая и всесторонне обсуждая в дальнейшем эту мысль, Р. Дебрэ, соглашаясь с позицией Э. Гуссерля, использует для характеристики медиасферы такой емкий образ, как «коалиция медиумов», а также «объект, наделенный духом»²⁰.

Проекция темы коммуникативных практик и опосредующих их сфер медиа на рассмотрение социально-культурного разнообразия достаточно актуальна в современных условиях. С одной стороны, «луженая глотка коммуникации» (Р. Дебрэ) способствует детализации, дроблению социальной реальности. С другой стороны, очевидные обстоятельства массовизации и стандартизации информации об интересах и позициях различных социально-культурных субъектов заставляют задуматься о природе и перспективах видимой множественности социальной реальности²¹. Наряду с расширением технологических возможностей для самовыражения различных социально-культурных общностей в настоящее время происходит концентрация мощи (политической, экономической, военной) в нескольких основных мировых центрах влияния. Коммуникация порождает социальное и культурное разнообразие, но не сохраняет и не продолжает его.

Таким образом, понимание разнообразия в современном мире предполагает именно широкую трактовку феномена и практик социальной коммуникации, их предпосылок, опосредований и последствий. В феноменах медиа и медиальности обнаруживается та область «дальнего действия», которая предшествует не только материально-вещественным социальным взаимодействиям, но и коммуникации как более «тонкому» относительно них

механизму информационно-смыслового взаимодействия. Медиа разнообразия «погружено» в конгломерат этих разноуровневых взаимодействий, порождается, сохраняется и устраняется ими. Декларации и описания разнообразия сами по себе являются важным сообщением, отправляемым социальными субъектами во внешнюю среду и используемыми для оправдания собственной идентичности и жизненной судьбы. Через разнообразие создается потенциал социальной общительности. В нем обнаруживается мощь объединяющей социум энергии, ибо действительное сосуществование инакового гораздо более показательно для общественной связности, чем компоновка пассивных социальных одинаковостей.

Трактовка разнообразия в качестве медиа социального включает в себя все основные характеристики, уже показанные в представленном кратком обзоре содержания понятий «медиа» и «медийность».

Основываясь на содержании этих характеристик, отметим, что *медиа разнообразия* может рассматриваться как комплексное *средство* социальной коммуникации, с помощью которого распространяется определенное *сообщение* о специфике и состоянии социокультурной общности. Коммуникативное средство и сообщение функционально сочетаются с «поддерживающей» их институциональной и социально-организационной *средой*. Медиальная устойчивость медиа, как бы напряжение его действительности, создается разностью потенциалов в упорядочении социально-коммуникативной среды, циклическим взаимодействием *медиального субстрата (медиума)* и *формы*. Сочетание в формате единого медиасредства и такой, «проводящей», среды коммуникации обеспечивает не только восприятие, но и сохранение, социальное «укоренение» сообщений, т. е. их *социально-культурную преемственность, передачу*. В формате медиа разнообразия эта преемственность осуществляется во взаимодействии между *иерархизированными*, связанными неслучайной субординацией социально-культурными образованиями, причем с учетом как *предметного*, фактуального, так и *знаково-символического* аспектов этого взаимодействия.

Такова в общем плане модель разнообразия как медиа социального.

Обратимся далее к прикладному содержанию феномена медиа относительно диверсифицированных социокультурных областей и общностей. Медиа разнообразия в общем плане зависит от того,

как может трактоваться феномен разнообразия в жизни человека и общества.

Демаркация этого общественного состояния и социального качества проводится обычно по различным основаниям: системно-организационному, синергетическому, культурологическому, социально-антропологическому, социологическому и др. Эти основания могут соответствовать определенным объектным областям социума, а также концептуальным, в том числе научно-дисциплинарным, ракурсам в их рассмотрении.

В характеристике содержания социокультурной множественности, ее места и роли в общественной жизни важно обратить внимание на то, что разнообразие является важнейшим диагностическим признаком уровня развития социально-культурной общности (системы) и ценностью, культивируемой и транслируемой в этой системе. Такой подход является общим философским, и его смысл может быть проиллюстрирован в качестве одного из возможных примеров пронизательными суждениями К.Н. Леонтьева, который еще в XIX в. заметил, что «...высшая точка развития не только в органических телах, но и вообще в органических явлениях, есть высшая степень сложности, объединенная внутренним деспотическим единством»²².

В самом процессе развития К. Леонтьев выделял три основных периода, вполне вписывающихся и в современные виталистские метафоры социальных процессов, которые отличаются чертами: «1) первичной простоты, 2) цветущей сложности, 3) вторичного смесительного упрощения». Причем мыслитель подчеркивал именно универсальность этого закона, которому подчинены и государственные организмы, и целые культуры мира, и жизнь человеческих сообществ вплоть вообще до всего существующего²³.

Исторический опыт и актуальные социальные траектории разнообразия позволяют наметить два основных стратегических вектора для формирования медиального компонента этого феномена.

Первая стратегия, назовем ее стратегией социального плюрализма, ориентирована на вариативность, сложность общественной жизни как некий идеал и желаемый принцип общественно-политического обустройства социума. Сообщением, которое транслируется в таком образом трактуемом медиа разнообразия, является множественность разного, основанная на равенстве образующих ее элементов. При этом равенство может проявляться даже в признании и утверждении уникальности частного, индивидуального как базового правила уравнивающего порядка. Распространение

и внедрение сообщений социального плюрализма поддерживается развитой институциональной средой (провозглашение разделения властей, равенства всех перед законом, признание неприкосновенности частной собственности) и информационно-коммуникативной инфраструктурой (наличие разветвленной системы СМИ, гомогенизирующих и направляющих распространения сообщений плюрализма). Медиальным субстратом как предпосылающей, проводящей средой для передачи такого сообщения является одинаковость, воспроизводимая совокупность единичного, самоподобного и самодостаточного своей инаковостью как таковой. Формой же, «сгустком» общительности, а также базой для создания и передачи сообщений в формате медиа социального плюрализма является разность, дробность как основа для индуктивного, идущего «снизу вверх» собирания и воспроизводства социальной общности. Преемственная социокультурная передача как результат действия медиа плюрализма осуществляется в пространстве однородной множественности, на обеспечение транспарентности, «прозрачности» которого и направляется соответствующая социально-институциональная активность. Механизмы трансляции медиа социального плюрализма основаны на использовании преимущественно смежных, «горизонтальных» социальных дискурсов, рационально нормированных и/или стандартизированных коммуникативными практиками социальных конвенций и компромиссов.

Вторая стратегия, назовем ее стратегией общественного разнообразия, ориентирована на формирование, сохранение и развитие органически целого ансамбля социально-культурных различий. Сообщением в таком медиа разнообразия является родственная слаженность в сосуществовании и взаимном обогащении социокультурных разностей, возможность развития и роста различного в рамках единого целого. Многоканальный, «пакетный» и сетевой, способ распространения такого сложного сообщения обеспечивает уже не просто среда, живая социальная телесность, «пористое» органическое пространство, пронизанное множеством социально-информационных сосудов-капилляров. Медиальной основой для передачи и укоренения такого сообщения является уже не разделение, но именно единство в полноте своего разнообразия. Формой же, обеспечивающей создание и «стыковку» отдельных сообщений в преемственной общительности, выступает сопряженная близость, которая обнаруживается в соединении неслучайных различий, причастных к явленности разного как отличного, т. е. сочетанных и со-*чин*-енных ликов, аспектов единого объеди-

няющего смысла-образа. Социокультурная преемственность, передача в медиа общественного разнообразия, является не только имущественно социальной, но преимущественно конфессиональной. Основным фактором социокультурной преемственности становится возрастание в уподоблении определенному образу мировоззренческих ценностей культуры. На уровне общинности это проявляется в повседневном труде осознания и принятия другого, а потом и себя как другого. Каждый такой акт является символическим событием, «ступенькой» смиренного и постепенного возвышения для человека и участвующих в общественной жизни общностей-ансамблей. Такое действие становится не только достижением, но и достоянием, результатом внутренней работы, в которой отдельное и частное восхищаются, т.е. возвышаются в становящейся полноте, в отличное и причастное. Разнообразие открывается как осуществовавшаяся временным человечеством вечность, расцветенная в многообразии общественного совместного строительства взаимодействием культур и людей от-важных.

В завершение предложенных рассуждений важно отметить, что в разнообразии как медиа социального находит выражение большая вариативность практических интерпретаций обозначенных стратегий медиативного подхода к процессам социальной дивергенции. Причем ни одну из обозначенных стратегий нельзя отнести и к определенному общественно-политическому или идеологическому лагерю. Для характеристики отличий между указанными стратегиями может быть предложен целый список разграничительных линий. К ним могут относиться такие содержательные оппозиции, как номинализм–реализм, светское–сакральное, собиранье единичного – воплощение единого, одинаковое–подобное, равное–родственное, отрытое–откровенное, познание–исповедание, дробность–изоморфизм, технология–традиция, цивилизация–культура. Соответственно, предложенная модель медиа разнообразия может содержательно наполняться по разным основаниям. И очевидно, что большинство указанных разграничений с уже сложившимися, привычными демаркациями социального плюрализма могут не совпадать. Важно подчеркнуть именно множественность, многообразие возможных интерпретаций социального многообразия в качестве медиа социального.

- ¹ Вопросам жизни современных обществ в условиях роста социально-культурного разнообразия были посвящены конференции Европейской коммуникативной и образовательной ассоциации (ECREA, <http://www.ecrea.eu>): «Коммуникативная политика и культура в Европе» (Барселона, 2008); «Транскультурная коммуникация – межкультурные сопоставления» (Гамбург, 2010).
- ² Федоров А.В. Терминология медиаобразования // Искусство и образование. 2000. С. 33; Кириллова Н.Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2005. С. 19.
- ³ Вульф К. Антропология: История, культура, философия. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. С. 156.
- ⁴ Там же. С. 156–159.
- ⁵ Хоркхаймер М. Диалектика просвещения: философские фрагменты. СПб.: Медиум, Ювента, 1997. С. 32.
- ⁶ Цит. по: Кузнецова Е.И. Медиакultura в коммуникативном пространстве цивилизация. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2008. С. 33.
- ⁷ Для исследовательской перспективы необходимо отметить потенциал в интерпретации медиа, который содержится в бытийной сообщительной онтологии вещи, что концептуально представлено М. Хайдеггером в его широко известной статье «Вещь».
- ⁸ Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005. С. 7.
- ⁹ Там же. С. 8, 11.
- ¹⁰ Там же. С. 11.
- ¹¹ Там же. С. 16.
- ¹² Там же. С. 7–21.
- ¹³ Дебрэ Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2009.
- ¹⁴ Там же. С. 19.
- ¹⁵ Там же. С. 32.
- ¹⁶ Там же. С. 21.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 27.
- ¹⁹ Там же. С. 29.
- ²⁰ Там же. С. 71.
- ²¹ См., например: Бергер П. Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2004.
- ²² Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Храм и Церковь. М., 2003. С. 75.
- ²³ Там же.

Д.В. Лукьянов

ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОСТИ

В статье анализируются исходные исследовательские практики исторического конструирования реальности в современном социально-гуманитарном знании. Современная историография рассматривается в качестве общей «среды» (М. Фуко) развития гуманитарных наук, центральным объектом которых является сегодня поиск «теории настоящего». Раскрываются содержательные характеристики используемых принципов исторического мышления, которые определяют практику конструирования реальности: историзация, репрезентация и перформативность.

Ключевые слова: историческая эпистемология, историографическое знание, историческое мышление, паттерны исторического сознания, историзация, репрезентация, перформативность, конструирование реальности.

На рубеже XX–XXI вв. историографическое знание становится показателем определенного качества саморефлексии профессионального сообщества гуманитариев, относящих себя к представителям широкого круга общественных наук. Не столько история, как отмечал М. Фуко¹, но история прежде всего в форме истории историографии образует сегодня привилегированную *среду* социальных и гуманитарных наук. Последнее обстоятельство во многом является результатом того, что науковеды уже давно отмечали: «Современный когнитивизм решительно переходит на позиции историзма в трактовке познания, признания и исследования эволюционно-исторической динамики познавательных структур, возникновения и смены парадигм, существования различных

исторических типов когнитивности, в том числе научной и вообще рациональной когнитивности»². Вариативность научного знания, наличие одновременно множества когнитивных структур и типов научно-познавательной деятельности делают все более необходимым обращение представителей различных научных сообществ к выработке историографических оснований и принципов изучения результатов развития теорий и практик их дисциплин³.

История ранее составляла единую среду для большинства социальных наук по вполне понятным основаниям, которые определялись складывающимися на протяжении большого периода времени представлениями о характере, принципах, формах и содержании взглядов на саму природу *исторического*⁴.

Переоценка фиксации на прошлом в исторической науке заставляет до сих пор отводить ей лишь место определенной и специализированной области знания в системе общественных наук⁵. Между тем развитие исторического знания в XX в. как преимущественно историографического познания не принимается в расчет и не рефлексивируется социологизирующими историей учеными как определяющее и значимое⁶. Не учитывается как раз то, что история, ранее понимаемая как наука – по методу, и знание о социальном мире – по предмету, преодолела свою локализацию в отношении социальных и гуманитарных наук по главному критерию – времени, что исключительная направленность исторической науки на «знание о прошлом» была нивелирована самим ее дальнейшим развитием как преимущественно на знание историографическое. Общий смысл и результат поворота исторической науки к историографии, как и прежде, представляет сегодня достаточный интерес, поскольку позволяет глубже проникнуть в содержательные и смысловые основания результатов развития научно-исторического знания и образования, которые вполне отчетливо определились за последние десятилетия. Можно со всей ответственностью констатировать, что на первый план для историков выступила абсолютная самоценность изучения современности.

Дискурсы или структуры социального знания согласно М. Фуко образуют «реальность» современности как определенного когнитивного феномена. Историографическая феноменология современности во многом отражает характер складывания «метадисциплинарных связей» в системе социальных и гуманитарных наук. Отсутствие приемлемого социального проекта будущего

рефлексируется сегодня в когнитивных науках как выработка определенной «теории настоящего»⁷, фрагменты которой представлены в форме различных конструкций социального познания (в том числе «конструкций прошлого»). В историческом конструировании реальности с профессионалами-историками, традиционно занимающимися различными стратегиями «присвоения прошлого», благополучно соседствуют представители социальных и гуманитарных наук, которые не менее активно «обращаются к прошлому»⁸. И во многом именно практики такого «обращения к прошлому» непрофессиональных историков задают современной историографии принципиально важное измерение как мульти-, транс-, междисциплинарного пространства исторического конструирования реальности⁹. В настоящее время историографический «тренд» междисциплинарных исследований, испытав на себе влияние множества методологических «поворотов», показывает, что существует фиксация на «историческом повороте» в социально-гуманитарных науках, и выражается это именно в возможности применения «исторического подхода к объяснению природы и сути любого социального явления или социального института»¹⁰. Несмотря на то что историческое сознание зачастую перестает компенсировать постоянно возрастающую утрату знакомых смыслов современности за счет опоры на ее прежний опыт в прошлом, феноменология исторического подхода к вариантам конструирования реальности «настоящего» является, на наш взгляд, определяющей¹¹. Зачастую, таким образом, историческое конструирование реальности прошлого и настоящего за счет трансгрессии границ понимания данных феноменов совпадает в установке ряда научных социально-гуманитарных дисциплин на «реализм» изучения современности¹².

На сегодняшний день подробно проанализированы основные стратегии изменений и перспективы развития историографической практики на рубеже предшествовавшего и нынешнего столетий¹³. Далее нам хотелось бы остановиться на анализе произошедших сдвигов, которые затронули практику использования принципов исторического конструирования реальности, и рассмотрении определенных тенденций, характеризующих современную историографическую ситуацию.

Представление о том, что в современной гетерогенной науке историография не является единым проектом, основанным на «единственном, автономном, историческом способе мышления» и соответствующем методе познания, достаточно распространен-

ный аргумент¹⁴ в обосновании причин уменьшения в целом влияния исторического знания на повседневность. Другим следствием данной аргументации, основанной на отсутствии в историографии сколько-нибудь разделяемого всеми историками собственного «гранд-нарратива»¹⁵, является констатация того, что результатом произошедшего отхода от «эссенциалистской» традиции в мировой историографии стало появление неопределенного множества областей исследований, «которые прежде расценивались как простые “упоминания”, не имеющие значения для генеральной сюжетной линии истории»¹⁶.

Фрагментированная история вызывает беспокойство разве что у философов, как традиционных «местоблюстителей истины» (Ю. Хабермас), которых не устраивает диссипация существующего историографического дискурса в различиях интерпретаций прошлого. Наличествующая ситуация конфликта исторических интерпретаций заставляет их ставить перед собой ряд острых и неудобных вопросов: есть ли в целом потребность в знании о прошлом у современного человека? являются ли когерентными истине высказывания и интерпретации относительно прошлого, предлагаемые в рамках различных конструктивистских подходов? не может ли и вовсе исчезнуть сама история, став наконец-то «строгой наукой»?¹⁷ Между тем в философском дискурсе о «познании истории в ускользающем мире» вполне спокойно выглядит общее утверждение о том, что «более или менее внятных, законченных и полностью признанных исторической наукой содержательно-сущностных концепций исторической эпистемологии пока нет»¹⁸.

Нельзя не согласиться с тем, что когнитивная институционализация исторической науки на уровне исторической эпистемологии представляет сегодня рискованную процедуру отыскания новой онтологии для истории, что неприемлемо, за редким исключением, для большинства практикующих историков¹⁹. Однако нельзя одновременно согласиться и с тем, что в современной историографии «ремесло историка» остается лишь прерогативой историков-архивистов и источниковедов, которые продолжают аутентично историзировать историю в исходных практиках реконструкции прошлого, «показывая его таким, каким оно было на самом деле». Историческое сознание в своей основе остается прежде всего интенциональным и темпоральным²⁰, но к данным традиционным атрибуциям можно добавить еще и третью – «спасиализированность» («опространственность»)²¹. Для понимания значимости существования исторической эпистемологии в современных

условиях это означает следующее. Во-первых, в изменившемся социокультурном контексте существования научного знания произошел «переход рациональности от объектно-констатирующего типа к проектно-конструктивному», и показателем здесь является прежде всего «конструктивная работа в пространстве коммуникации различных познавательных позиций»²². Во-вторых, произошла так называемая смена в парадигме историзации знания о прошлом, особый когнитивный поворот к современности как «сокращенному настоящему» (Г. Люббе)²³, когда настоящее – активно «музеефицируется», а будущее – «буквально» не определено как общая социальная стратегия. Все это сделало возможным говорить о том, что и «прошлое оказывается не менее проективным, чем будущее»²⁴. И наконец, в-третьих, «опространствование» исторического познания означает то, что направленность языковых стратегий исторического воображения предполагает легитимацию существующих представлений о конструируемой реальности и таким образом «закрепляется» в научном дискурсе как объективированная данность.

Отсутствие общей содержательно-сущностной генерализации в современной исторической эпистемологии – это тем не менее «присутствие в знаке» названных «трендов» и паттернов исторического сознания, которые, как писал Л. Февр, «куда сложнее увидеть» современной историографии, нежели просто «описать то, что видишь», как это делали «историзирующие историки»²⁵. Поэтому в пространстве конкурирующих идентичностей современной историографии можно говорить о тех научных практиках и стратегиях исторического конструирования дискурса настоящего, которые по-прежнему когерентны базовым атрибутам исторического сознания и представлены как определяющие принципы моделирования социальной реальности.

Среди наиболее часто применяемых практик исторического конструирования реальности (прошлого), в которых используются определяющие «паттерны»²⁶ исторического мышления, наиболее когерентными в современной историографии могут быть названы: *историзация, репрезентация и перформативность*.

Историзация как исходный принцип «исторического поворота» в социальных и гуманитарных науках считается *ad hoc* наиболее распространенным способом интеграции исторического (прежде всего темпорального) измерения в изучение и восприятие социальной реальности²⁷. Стратегию историзации можно по праву назвать универсальным механизмом развития большинства социально-исторических наук, которые по-разному и на различных стадиях

своего становления начинают отстаивать эпитет «исторический», активно примеряемый к своим инновационным интеллектуальным проектам (примерами здесь могут быть *исторические* – социология, антропология, экономика, психология, демография и т. д.) Так, до момента констатации «ситуации кризиса» исторической науки начала 1990-х годов в отечественной традиции историописания был распространен жанр так называемой историзирующей истории (термин Анри Берра)²⁸, в основе которой исключительная презумпция познания исследуемой реальности содержалась в наиболее полном описании исходной «истории событий».

Сегодня «историзирующее» направление в историографии основывается на критическом отношении к основам формирования «символического универсума» исторической науки (прежде всего понятий и представлений в языке историка, зависимых от идей Просвещения и историцистов XIX в.) и соответствующим формам производства исторического знания, понимая, что со сменной контекста в гуманитарном знании требуется тщательная «археология» (в смысле М. Фуко) всего арсенала понятийной структуры науки о прошлом²⁹. Прояснением традиционных понятий и смыслов в содержании исторического на новом этапе существования современного социума, который в своих социальных устремлениях не ориентируется уже на образ «должного будущего», и занимают такие историки, например, как Р. Козеллек, П. Нора, Н. Копосов, М. Кромм и др. В определенном смысле «темпоральная карта» *новых* «историзирующих историков» не детерминирована исключительно представлениями о прошлом, она раскрыта таким образом, что в ней присутствуют «топосы» и «настоящего прошлого» и «настоящего настоящего», – т. е. предполагает прежде всего реалистическую установку в выстраивании каузальной структуры самой социальной реальности исторического на фоне присутствия сложных конфигураций современности.

Ситуация «смены парадигм», как считают отдельные историки, изменила сегодня историографические установки и интенции нарративизма на формирование когнитивного репертуара теоретической истории³⁰. Такую ситуацию иногда строгие критики обозначают как «бегство от реальности» или как результат «колебания академической моды»: историки в большинстве своем достаточно осторожно относятся к изменению ориентаций в исследовательской практике гуманитарных наук с установки на объяснение эмпирического мира на установку, рассчитанную на его интерпретацию³¹. Но как раз такие принципы исторического конструирования

ния реальности в современной историографии, как репрезентация и перформативность, ближе всего, на наш взгляд, отражают проектно-конструктивистский тип рациональности современного научно-исторического познания.

Репрезентация как один из принципов исторического конструирования реальности наиболее адекватно отвечает самим задачам применения данного метода (конструирования): в самом широком смысле ее цель – организация оптимальных функциональных связей необходимых и достоверных элементов и представлений о прошлом в композиционной структуре восприятия исторического. Историографическая феноменология возникновения и эволюции взглядов на проблематику «репрезентация в истории» в зарубежной науке к настоящему времени достаточно подробно проанализирована³². Отметим лишь, что ранее проблему репрезентации в истории актуализировал выход в конце 1980-х годов книги Маркса Вартофского «Модели. Репрезентация и научное понимание»³³, в которой автор тематизировал данную проблематику применительно к решению актуальных задач современной «исторической эпистемологии» (кстати, он и является автором данного термина) и показал, что специфика репрезентации лежит в основе предлагаемого им метода моделирования исторической реальности³⁴.

В рассмотрении репрезентации как одного из базовых принципов исторического конструирования реальности в современной историографии можно выделить следующие моменты. Во-первых, процедуры исторической репрезентации непосредственно связаны с существующими вариантами интерпретаций прошлого в том, что они соединяют данные утверждения (о прошлом) с идеями настоящего для «производства эффекта *реального* проявления опыта истории настолько, насколько он может быть репрезентирован в истории»³⁵, чтобы стать средством познания и инструментом организации жизни реальных субъектов в наличной действительности. Во-вторых, репрезентация как определенный тип «наррации» является основанием для понимания специфики интеллектуального моделирования исторической реальности и методом историографического восприятия самого понятия «модель» в исторической науке³⁶. В-третьих, представление о результатах конструирования реальности как систематизированной репрезентации исследовательского опыта и соответствующей познавательной деятельности в процессе моделирования истории позволяет эксплицировать и проанализировать ключевые когнитивные установки, согласно которым была выстроена сама композиционная стратегия репрезентации.

Как отмечала в конце 1990-х годов А.Л. Ястребицкая, осознание в профессиональном сообществе существенной разницы между тем, «как история делается», как она «описывается историческими памятниками и документами, и тем, как она моделируется историком»³⁷, становится все более очевидным. Важным следствием из этого для современного историка является то, что перед ним тем самым «на передний план выходит проблема самой исторической реальности и ее репрезентации»³⁸, что, соответственно, требует выбора необходимой методики и приемов, с помощью которых данная «реальность» будет определяться и анализироваться. Существующая научная система, касающаяся представления об «исторической реальности», традиционно разделяемая многими историками, выражается на сегодняшний день в «исследовательских структурах и обусловленных ими системах знаков», «обнаруживается в языке» и таким образом для исследователя сводится к различению «незнаковой реальности» и форм ее репрезентации³⁹.

Также подчеркнем, что современная историографическая ситуация характеризуется *сознательным* исследовательским поиском именно «модельных отношений» с историческим развитием и построением интеллектуальных моделей исторического процесса. Именно в этом смысле собственная деятельность авторов данных моделей отличается особой исследовательской рефлексией и настойчивым стремлением преодолеть кризис собственной идентичности в условиях нынешнего разнообразия различных позиций научно-познавательной деятельности. В этом смысле модели репрезентируют не только внешний мир исторического, но и самого познающего субъекта – конкретного историка. Поэтому единственное, чего следует избегать историкам, так это унифицированные репрезентации прошлого, поскольку «посредством творимых нами репрезентаций мы трансформируем наши собственные формы восприятия и познания, способы видения и понимания»⁴⁰.

С последним принципом, который нам хотелось бы упомянуть в контексте исходной проблематики рассмотрения существующих в исследовательской практике оснований для исторического конструирования реальности, связан особый методологический «поворот» в современной историографии и гуманитарном знании, который и получил от него самого название – *перформативный*. Суть отношения к перформативности как очередному «вызову» современности, принявшему черты историографической определенности преимущественно в актуальном англо-американском новом гуманитарном знании, достаточно четко определена на

сегодняшний день Эвой Доманской⁴¹. (Хотя отметим, что внимание к анализу перформативности как атрибуции ряда текстов философской классики XX в. было проявлено в отечественной историографии еще в конце 1990-х годов в работах и диссертации Ю.Б. Грязновой⁴².)

Чем обосновывают исследователи актуальность перформативной теории и «перформанс-исследований» (performance-studies), продвигающих данную установку на перформанс как ведущую стратегию научно-познавательной практики конструирования исторического на современном этапе развития историографической рефлексии? Данное обстоятельство опирается на ряд размышлений, которые, на наш взгляд, весьма симптоматичны для анализа сложившейся историографической ситуации в отношении существующих когерентных форм проявления паттернов исторического сознания в современности.

Э. Доманска подчеркивает, что история как научная дисциплина «не предложила многих работ, выполненных в духе перформативного поворота»⁴³, тем самым отмечается, что современные историки, за редким исключением (автор приводит лишь одну статью из журнала «Rethinking History» – Петера Берка), остались равнодушными к новомодному гуманитарному тренду⁴⁴. Между тем у других исследователей «вопрос о перформансе и перформативности в исторической репрезентации» звучит «как один из ключевых, в котором указанные понятия создают новую методологию изображения прошлого в истории»⁴⁵. Таким образом, перформативный поворот – это «новая парадигма гуманитарного познания» и «новая методология науки», в основе которых в содержательном плане присутствует констатация «сдвига в нашей мотивации изучения истории» от прежних интеллектуальных практик созерцательно-рефлексивного ее «присвоения» в сторону реальной и радикальной включенности познающего актора в личную темпоритмику исторического посредством решительного действия, направленного на *конкретное* изменение современной социальной и политической реальности⁴⁶. Нужно отметить, что в целом анализ Э. Доманской значения и познавательных установок перформативного поворота для истории недвусмысленно отсылает к известному призыву К. Маркса не *объяснять*, но *изменять* мир⁴⁷: в особенности это становится ясным, когда сторонники «перформанс-исследований», пишет Э. Доманска, ратуют за возвращение в историю «сильного субъекта», напрямую отсылая к возрожденному и трансформированному марксистскому взгляду на историю⁴⁸.

Перформативный поворот как заявленный «тренд» в поле современной историографии, таким образом, предлагает переориентацию социально-гуманитарных наук на производство следующих познавательных инноваций, которые становятся приоритетными сегодня в понимании стратегий конструирования реальности настоящего. В чем же проявляется его своеобразие?

Первое. Дополнительное понимание междисциплинарности как «антидисциплинарности». Данный тезис, несмотря на свою тривиальность, в действительности расширяет классификацию междисциплинарных подходов, предлагаемую в историографии⁴⁹, наряду с «предикатами-приставками» о меж-, поли-, транс-, суб- и пр. Деструкция представлений о «дисциплине» связывается с разрушением привычного исторического дискурса в локусе трансгрессивного понимания социального, которое в действительности оказывается нелокализованным и безграничным, уловимым разве что в *ритуальных* практиках «повторения»-перформанса.

Второе. Сознательная установка на стратегию историзации, помимо прочих интеллектуальных трендов постмодернистского дискурса (в пику различным «смертям» и «исчезновениям» авторства, субъекта и т. д.), которая наряду с возвращением упомянутого выше сильного субъекта истории означает и своеобразное «постгуманистическое» измерение гуманизма⁵⁰. Это в традиции Б. Гройса означает переход к анализу «контекста контекста» человеческого и исторического в познании⁵¹.

Третье. Одновременное совмещение различных «историографических идиом»: презентация как тип новой историзации как «заглавная тема» включает в себя репрезентацию истории, совмещающая одновременно данные стратегии в одной – перформатизме. На наш взгляд, «новый историзм» перформатизма – это горизонт исследований влияния и значения современной так называемой медиаистории, который будет развитием и продолжением изучения данной темы.

Четвертое. Перформатизм необычайно реалистичен, «презентозен» – вернее, рассчитан на трансценденцию настоящего как исчезающую значимость смыслов, которая предполагает восстание против «реальности реального», данного вне перформативного действия: признание возможности создавать Другого и Другим себя, внимание к незначительным локусам реальности, меньшинствам и т. д. – новый тип «чувственной эпистемологии», когда прошлое говорит само за себя в повторяющихся перформативных ритуалах человека-актера.

Данные позиции, отмеченные нами в перформатизме как стратегии «схватывания» истории, являются скрытыми эквивалентами «социальной депривации»⁵², которую в историографии обычно именуют *кризисом*, но никак – «бегством от реальности в гуманитарных науках»⁵³. Как видно из изложенного выше, последнее – весьма категоричная точка зрения, напротив, принцип перформативности, как отмечает А. Мегилл, это «оптимизация работы системы»⁵⁴.

«Вместо заключения» – традиционная концовка современных исторических исследований, которая весьма показательна. Историки осторожны в силу их профессиональных предпочтений и навыков. Историзация, репрезентация и перформативность являются определяющими эпистемологическими конфигурациями исторического сознания, которые когерентны современной истории историографии как *среды* гуманитарного знания.

Радикальный взгляд на проблематику способов исторического конструирования реальности предполагает понимание того, что, во-первых, принципов конструирования реальности в современных социальных и гуманитарных науках, как мы показали, не так уж и много. Во-вторых, многообразие понимания социального вне контекста гуманистического измерения исторического затрудняет понимание границ рефлексии на историю, понятие и категория сознания недостаточно определены даже в когнитивной психологии⁵⁵, не говоря уже об исторической науке, хотя оптимизм последней – просто неисчерпаем⁵⁶. В-третьих, реальность конструирования исторического является изначально используемым в познании конструктором, инструментальная ценность которого заключается лишь в том, что, имея дело с реальностью, мы говорим о способах и стратегиях конструирования, элементы которого нам предзаданы извне источниками и потому предстают нам как изначально данности.

Такой эпифеноменальный аспект осуществления исторических стратегий конструирования реальности современности придает историографии статус определяющей гуманитарной технологии и науки.

Примечания

---

¹ См.: Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 389.

² Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. М., 2003. С. 143.

- ³ См.: *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра // Джохадзе И.Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001. С. 180–198; Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., 2001.
- ⁴ См.: *Лукьянов Д.В.* Историографическое знание и гуманитарные технологии современности // Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии: Научно-методические материалы. СПб., 2007. С. 80–87.
- ⁵ См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания: Учеб. пособие. СПб., 2008. С. 320.
- ⁶ См.: *Лукьянов Д.В.* Историографическое знание...
- ⁷ См.: *Гумбрехт Х.У.* В 1926 году: На острие времени. М., 2005. С. 477, 485.
- ⁸ См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История в системе социального знания // Способы постижения прошлого: методология и теория исторической науки. М., 2011. С. 76.
- ⁹ См.: *Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. Гл. 1.
- ¹⁰ См.: *Карнаухова О.С.* Введение в междисциплинарные исследования: Учеб.-метод. пособие. Ростов-н/Д, 2007. С. 2–3.
- ¹¹ О феноменологии и феноменологическом подходе как определяющем типе научной рефлексии и общей универсальной методологии гуманитарных и естественных наук см.: *Пружинин Б.И.* Ratio serviens?: Контуры культурно-исторической эпистемологии. М., 2009. С. 128.
- ¹² Не удивительно поэтому, что исторический подход наиболее эффективно применяется в таких сферах научного знания, как политология, социология, социология знания, культурная антропология, социальная психология и т. д.
- ¹³ См.: *Ретина Л.П.* Указ. соч.
- ¹⁴ См.: *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007. С. 297, 302.
- ¹⁵ См.: *Кукарцева М.А.* Трансформация эпистем: познание истории в ускользающем мире: Вместо введения // Способы постижения прошлого. С. 7.
- ¹⁶ *Мегилл А.* Указ. соч. С. 299.
- ¹⁷ См.: Знание о прошлом в современной культуре: Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 3–45.
- ¹⁸ См.: *Кукарцева М.А.* Указ. соч. С. 14.
- ¹⁹ На отсутствии необходимости выработки для истории какой-либо онтологии активно настаивают, например, представители так называемой новой культурной истории (Линн Хант и Виктория Боннел). Это также, отмечают исследователи, входит в установку и представление современной так называемой постнеклассической парадигмы истории, для которой ориентация на онтологию является анхронизмом предыдущего «неклассического» этапа.
- ²⁰ См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 39, 49.

- ²¹ См.: *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 33.
- ²² *Швырев В.С.* Указ. соч. С.151–152.
- ²³ См.: *Люббе Г.* В ногу со временем: О сокращении нашего пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113.
- ²⁴ *Ретина Л.П.* Указ. соч. С. 454.
- ²⁵ Л. Февр, в частности, писал: «Ибо в конце концов не так уж сложно описать то, что видишь; куда сложнее увидеть то, что должен описывать» (*Февр Л.* Историзирующая история: О чуждой для нас форме истории // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 69).
- ²⁶ О понятиях «паттерн» и «метпаттерн» исторического мышления см.: *Гречко П.К.* Концептуальные модели истории. М., 1995. С. 19–24.
- ²⁷ См.: *Романовский Н.В.* Историзация социологии – понятие и сущность // Вестник РГГУ. Серия «Социология». 2008. № 8; *Он же.* Историзация – закономерность развития социологической теории. http://www.isras.ru/files/File/Socis/2008-10/Romanovskiyy_1.pdf
- ²⁸ См.: *Февр Л.* Указ. соч. С. 67–71.
- ²⁹ См.: *Зарецкий Ю.П.* Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. С. 68.
- ³⁰ См.: *Медушевский А.Н.* Знание о прошлом в современной культуре: Материалы «круглого стола». С. 11.
- ³¹ См.: *Шапиро И.* Бегство от реальности в гуманитарных науках. М., 2011. С. 26, 35.
- ³² См.: *Кукарцева М.* Репрезентация в истории // Бенн С. Одежды Клио. М., 2011. С. 5–22.
- ³³ *Вартофский М.* Модели: Репрезентация и научное понимание. М., 1988.
- ³⁴ Подробнее см.: *Лукьянов Д.В.* Поиск профессиональной идентичности историка: своеобразие диалога с исторической реальностью // Россия в новое время: центральное и периферийное в системе культурного диалога: Материалы Рос. межвуз. конф. 28–29 апреля 1999 г. М., 1999. С. 232–236.
- ³⁵ *Кукарцева М.* Указ. соч. С. 9, 11, 22.
- ³⁶ Представление о качественной природе «модели» исторической реальности в науке и существующей принципиальной основе см: *Лукьянов Д.В.* Поиск профессиональной идентичности историка...
- ³⁷ *Ястребицкая А.Л.* Культурное измерение историографического: Предисловие // Культура и общество в Средние века – раннее Новое время: Методология и методики современных зарубежных и отечественных исследований: Сб. аналит. и реферат. обзоров. М., 1998. С. 32–33.
- ³⁸ Там же. С. 33.
- ³⁹ Там же. С. 38.
- ⁴⁰ *Микешина Л.А., Опенкин М.Ю.* Новые образы познания и реальности. М., 1997. С. 30.

- ⁴¹ См.: *Доманска Э.* Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. М., 2011. С. 226–235.
- ⁴² См.: *Грязнова Ю.Б.* Перформативные тексты в методологии науки: Автореф. ... канд. филос. наук. М., 1998.
- ⁴³ *Доманска Э.* Указ. соч. С. 228.
- ⁴⁴ Такая позиция не совсем точная, можно привести примеры «перформативных текстов» в современной историографии, которые соответствуют данному качеству: *Пивоваров Ю.С.* Политическая культура пореформенной России. М., 1994; *Афанасьев Ю.Н.* Опасная Россия: традиции самовластья сегодня. М., 2001; и др. См.: *Лукьянов Д.В.* Коммуникативная рациональность российского историографического дискурса рубежа XX–XXI вв. // Интеллектуальная культура современной историографии. М.: РГГУ, 2006. С. 122–130.
- ⁴⁵ *Кукарцева М.* Указ. соч. С. 21.
- ⁴⁶ См.: *Доманска Э.* Указ. соч. С. 227.
- ⁴⁷ В работе К. Маркса «Тезисы о Фейербахе» (1845) последний, напомним, звучит так: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его».
- ⁴⁸ См.: *Доманска Э.* Указ. соч. С. 232–233.
- ⁴⁹ См.: *Репина Л.П.* Указ. соч. Гл. 1.
- ⁵⁰ Лумановский «антигуманизм» в понимании современного «общества общества» оказывается весьма продуктивным для понимания социальной реальности, когда в понимании социальных систем он проводит принципиальное различие психического и социального по коду действия и коммуникации (см.: *Луман Н.* Что такое коммуникация? _ <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2954>).
- ⁵¹ См.: *Гройс Б.* Посткоммунистический постскриптум. М., 2007. С. 105.
- ⁵² См.: *Бляхер Л.Е.* Нестабильные социальные состояния. М., 2005. Гл.4; *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
- ⁵³ См.: *Шатино И.* Указ. соч.
- ⁵⁴ *Мегилл А.* Указ. соч. С. 179.
- ⁵⁵ См., например: *Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000.
- ⁵⁶ А.Л. Юрганов, например, осуществил «моделирование структурных состояний средневекового сознания» и выявил «исследовательскую модель реконструкции самооснов самосознания субъекта исторического процесса». См.: *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 440.

Н.В. Иллерицкая

КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОШЛОГО В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО МНОГООБРАЗИЯ

Автор статьи показывает, что для современного историка обращение к историографическому опыту является наиболее действенным аргументом в пользу позитивных исследовательских возможностей исторического знания. Поворот в сторону безусловного учета историографического опыта в практике исторических исследований закрепился в ходе «историографической революции» второй половины XX в. Учет историографического опыта является главным условием конструирования современного образа исторической науки, ее теоретических и методологических оснований.

Ключевые слова: историография, историографический опыт, конструирование прошлого, информационная теория, историческая реальность.

XX столетие разрушило веру общества в правдивость исторического знания, которая основывалась на представлении о преемственности исторического развития человеческой цивилизации и, следовательно, возможности использовать опыт прошлого для решения проблем настоящего и построения будущего. Драматическая история XX в. подорвала убежденность в «пользе истории», в ее роли «наставницы» для человеческого общежития.

На рубеже XX–XXI вв. в ходе «историографической революции» существенно трансформировалось историописание и изменился облик истории. В начале третьего тысячелетия профессиональное историческое сообщество, пережив интеллектуальную революцию 1960–1980-х годов, прагматический и культурный

повороты 1990-х годов, искало способы легитимации собственной познавательной деятельности.

«Лингвистический поворот» 1970-х годов стал последней вспышкой лингвистической парадигмы в гуманитарном знании. Прагматический поворот, связанный с переосмыслением практики, наметился уже в межвоенный период. Интерес к субъекту то усиливался, то ослабевал в гуманитарном знании. Очевидно, что интеллектуальная история XX в. важной составной частью которой является историография, развивалась вовсе не линейно, а в режиме приливов и отливов¹.

Обсуждение вопросов, поставленных перед исторической наукой современным обществом, невозможно без анализа теоретических оснований и исследовательской практики историографии. Термин «историография» наполняется сейчас самым разным содержанием: в данной статье этот термин будет употребляться для обозначения описания историками жизни прошлого, поскольку о прошлом мы знаем только то, что о нем сообщают нам историки, труды которых в историографических исследованиях выступают как первичный источник.

Тема общественного потенциала исторической науки в последнее десятилетие стала одной из наиболее дискуссионных в историографии. Историки задаются вопросами: какое место занимает история в современной культуре? каково назначение современных профессиональных историков? что может дать история для решения наболевших вопросов современности? как она сегодня «учит жизни», как она вообще может кого-либо учить жизни, если опирается на принцип историчности постоянно меняющейся реальности? могут ли быть «оправданы» профессиональные занятия историей? почему нам вообще нужно знать о существовании прошлого? не исчезает ли у современного человека потребность в знании о прошлом (ведь есть немало обществ, которым история как научное знание совершенно не нужна, им достаточно мифологического восприятия истории, которое вовсе не предполагает целенаправленного изучения прошлого в целях расширения знания о нем, особенно если речь идет о знании, добытом в научном исследовании)?².

Сегодня историки в своем большинстве понимают историю как специализированную науку о прошлой социальной реальности. В этой связи важно определить, какую роль в современной концептуализации истории имеет понятие социальной реальности.

В рамках разделения «наук о природе» и «наук о духе» в конце XIX в. именно В. Дильтей ввел понятие социальной реальности, которое впоследствии получило широкое признание и распространение³. Социальная реальность есть продукт человеческих действий. Понятие конструируемой социальной реальности, развиваемое современными историками, отрицает «объективную» социальную действительность. Поэтому представление о том, что социальная реальность определяется тем, что мы о ней думаем, постепенно входит в общественное сознание. История часто тоже только то, что мы о ней думаем. Именно поэтому для обсуждения вопросов, поставленных перед исторической наукой современным обществом, необходим анализ историографических практик XX–XXI вв.

То, что история занимается изучением прошлого, не означает, что она не связана с настоящим. Ангажированность историков своим временем, своей культурой определяет расстановку акцентов на тех или иных факторах, создавая неиссякаемый источник дискуссий о том, каким образом историк это делает⁴. Сложившуюся ситуацию тонко подметил К. Поппер, который писал: «...все историки исходят из того, что история – это то, что случилось в прошлом, но в то же время многие полагают, что история всегда заканчивается сегодня, в этот самый момент времени»⁵.

А возможно ли вообще научное знание о прошлом? Сам тезис о том, что история является наукой, до сих пор вызывает определенные сомнения. История признается наукой уже более ста лет, и на протяжении всего этого времени не утихают разговоры о специфике, особенностях и характере научных методов, присущих современному историческому знанию. Если историк конструирует образ прошлого, стало быть, он управляет этим прошлым, так о какой же исторической правде в его исследованиях можно говорить?

Конструктивистский подход в отношении высказываний о прошлом сейчас весьма популярен среди профессиональных историков. Термин «конструктивизм» вошел в активное употребление в конце 70-х годов XX в. для обозначения теоретических и методологических установок в гуманитарных науках, подчеркивающих роль социальных ценностей и познавательных мотивов в построении «картины мира» данной культуры⁶. Согласно методологическому принципу конструктивизма знания не содержатся непосредственно в «объективной действительности» и не извлекаются из нее «в ходе движения от относительной

к абсолютной истине», а строятся (конструируются) познающим субъектом в виде различных моделей⁷. В этом плане конструктивизм стоит на позиции плюрализма или множественности истины.

Понятие «конструктивизм» не имеет четких смысловых границ. Это мировоззрение, а точнее – отрицательная реакция на наивный реализм⁸. В рамках конструктивизма принято говорить не об истинности или ложности модели, а об ее соответствии или несоответствии научной картине мира. А тогда что же представляет собой повествование историка о прошлом – конструкцию, миф или знание? Представляется, что в истории все это переплетено, но хотелось бы подчеркнуть, что знание у профессиональных историков все же превалирует. История обладает своими методами установления научной истины как результата согласия – в этом смысле она похожа на любую другую науку. Конечно, предмет истории ей непосредственно не дан, историку доступны лишь оставленные в настоящем следы прошлого. Но у историков есть профессиональные способы отсеять выдумки, предвзятые оценки и восстановить последовательность событий. Поэтому история способна дать достаточно взвешенную и адекватную картину прошлого⁹.

Такие эвристические идеи, касающиеся механизмов познания и восприятия прошлого историками, могли получить право на существование и развитие только в плюралистической интеллектуальной ситуации XX в., поскольку одним из главных достижений этого столетия явилось понимание разрыва между тем, «как история делается», как она описывается историческими памятниками и документами, и тем, как она конструируется самими историками.

С этой точки зрения хотелось бы остановиться на проблеме информации, приобретающей в наше время огромное значение. В философии формируется мнение о необходимости объединения всего научного знания в единую систему, где каждая наука должна занять свою нишу в зависимости от особенностей передачи, хранения и переработки информации. Для историков проблема информации приобретает специфическое звучание: есть мнение, что необходимо создать «информационную версию» исторического источниковедения, которая позволит включить исторические изыскания в контекст современных междисциплинарных исследований. И в этом направлении есть уже определенные наработки¹⁰.

Впервые о возможности приложения теории информации к историческим исследованиям еще в начале 1980-х годов высказался И.Д. Ковальченко, который предположил, что исто-

рический источник – это прежде всего источник информации, а источниковедение – это отрасль исторической науки, занимающаяся извлечением и изучением информации, содержащейся в источнике¹¹. Точка зрения И.Д. Ковальченко не нашла широкой поддержки среди историков, поскольку тогда принять естественно-научную теорию как методологическую основу исторических исследований было невозможно¹².

Ситуация стала меняться в начале XXI в., когда в современной науке был провозглашен курс на интегративные исследования. Гуманитарные науки оказались в ситуации поиска общенаучных оснований для междисциплинарных исследований. Так, в качестве общенаучной методологии для исторического исследования оказалось возможным привлечь теорию информации, которая существенно видоизменяла основной объект исторического исследования¹³. Каждый исторический источник с точки зрения этой теории представлял собой источник информации. Ранее в качестве объекта рассматривался источник как носитель открытой информации, теперь же основным объектом изучения становится вся информация, в том числе скрыто присутствующая в источнике. Решение практических вопросов исследования исторической информации потребовало внимания к проблемам теоретического осмысления соотношения понятий «информация» и «история», «информация» и «исторический источник».

Информационная теория источника понимает исторический источник как систему, которая выглядит следующим образом: «информация – создатель информации – носитель информации». Историк в предложенной модели отсутствует. Но очень важно, что сторонники информационной теории источника задумались о месте историка, отчетливо понимая, что историк выступает и как интерпретатор прошлого и как создатель новой информации. Поэтому историк появляется в новой модели, связанной с историографическим источником (или историческим источником 2), в которой фиксируется интеллектуальный контекст историописания. Тогда формула «исторического источника 2» или историографического источника – носителя исторического знания – выглядит следующим образом: «информация 1 – создатель источника – исторический источник 1 – информация 2 – историк – исторический источник 2»¹⁴. Для истории историописания предложенная модель историографического источника представляется наиболее плодотворной и должна быть востребована современными специалистами-историографами.

Тяга историков к представлению исторического знания как строгого пошла еще дальше. В настоящее время научное сообщество активно обсуждает когнитивно-информационную теорию исторического источника¹⁵. Эта теория пытается связать воедино такие понятия, как информация, психология и источниковедение. Когнитивно-информационная теория претендует на то, что она дает нам новационную концепцию исторической науки. Вводится новое понятие продуктов интеллектуальной деятельности, которые, по мнению авторов, представляют собой реальные объекты, доступные непосредственному наблюдению. Они могут стать предметами изучения, в том числе сравнительного и математического. Таким образом, считают авторы концепции, становится возможным полноценный «диалог со временем», т. е. непосредственное обращение современных авторов к опыту прошлого с вопросами, важными сегодня. Так, история, по мнению авторов теории, возвращает себе утраченную на время функцию «учительницы жизни»¹⁶.

Когнитивно-информационная теория может вдохновить историков, занимающихся событийной историей. Им будут импонировать сразу несколько выводов, следующих из этой теории: 1) утверждение о безусловной познаваемости и прогрессивности исторического процесса; 2) представление о возможности перевода эмпирического опыта в новое научное знание; и главное 3) утверждение, что теоретическая история не только возможна, но она существует.

Когнитивная теория истории положительно решает вопрос о способности исторического знания конструировать модели и процессы будущего, т. е. предвидеть будущее. Главным же своим достижением авторы когнитивно-информационной теории считают то, что они доказали, что история в их версии может быть строгой и точной наукой¹⁷ и, следовательно, есть реальная возможность использовать историческое знание для конструирования моделей и процессов будущего¹⁸.

Очевидно, что весь пафос когнитивно-информационной теории направлен против релятивизма постмодернистских теорий и субъективизма исторических источников. Поэтому авторы вводят понятие интеллектуального продукта как вещи, разграничив его с понятием «произведение», что, по их мнению, должно обеспечить элиминирование субъективного фактора в историческом исследовании¹⁹.

На взгляд историографа, предложенный вариант превращения исторического знания в строгую науку для историографического

исследования малопродуктивен. В историографическом исследовании нет нужды преодолевать субъективизм историографического источника. Историограф имеет дело главным образом с произведениями, где авторство выражено в очевидно субъективной форме, и в этом видится особая интеллектуальная ценность историографического источника. Без понимания и приятия авторской субъективности историография не может позиционировать себя как самостоятельная историческая дисциплина, научный статус которой обеспечивается профессиональными исследовательскими технологиями. Конечно, историографический анализ претендует на то, что он включает в себя ряд стадий научного познания – от гипотезы к постижению смысла, а от него – к новым доказательным выводам. Но то, что современное историческое объяснение не соответствует жестким критериям научности в стиле XIX в., с точки зрения историографии не делает историческое познание менее строгим в плане соответствия высоким профессиональным стандартам²⁰.

В XX в. еще сохранялся традиционный смысл «истории-реальности» как бытия человека во времени. Но в последние десятилетия прошлого столетия понятие истории-реальности стало наполняться новым содержанием. Утверждалось, что историческое прошлое – это искусственная конструкция, что поставило под сомнение «...1) само понятие об исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет (стерев казавшуюся нерушимой грань между историей и литературой); 2) критерии достоверности источника (размыв границу между фактом и вымыслом)... 3) веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине...»²¹. А ведь все перечисленное – это фундаментальные принципы исторической науки. Отрицание этих принципов является отрицанием самой классической исторической науки. Не случайно в основании работ представителей «новой интеллектуальной истории», сосредоточивших усилия на изучении художественной стороны процесса исторического творчества, лежала идея ревизии содержания исторической реальности как предмета изучения, поскольку исторические тексты только создают «образ реальности» или «эффект реальности»²².

С середины 1980-х годов поиск новых объяснительных моделей в истории расширил круг интерпретаций. Это время стало пиком интенсивности теоретических и практических усилий историков, стремящихся реализовать «директивы интегрального

объяснения». Они считали, что все исторические интерпретации являются условными, относительными и сконструированными. Именно поэтому внимание необходимо было концентрировать на формах устной и письменной речи, на их взаимодействии в текстах исторических документов, памятниках письменности и в научных исторических сочинениях.

На страницах научной исторической периодики 1990-х годов замелькала фраза «лингвистический поворот». Следствием этого стало обращение историков к теории лингвистики и филологии, связанной с основами человеческого восприятия и понимания, т. е. к постмодернистским историческим практикам. Важно подчеркнуть, что, хотя эти практики и были инициированы современной критической философией истории, коренятся они в состоянии самой исторической дисциплины и умонастроении историков. «Лингвистический поворот» стал проявлением всеобщего культурного сдвига и воплотил в себе все, что долго вызревало в самом историческом познании, хотя он и ударил по самым болезненным точкам изучения истории.

Проблемные поля историографии, сформированные «лингвистическим поворотом», включали соотношения истории и литературы, исторического текста и исторической «реальности», выявление историографических стилей историков, определение убедительности конструкций историков через эффективное использование языка²³. Главный вызов был направлен против объекта исторического познания, который выступает в новом толковании как то, что конструируется языком и дискурсивной практикой. Язык рассматривается не как средство коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение. Применительно к истории это означает констатацию того обстоятельства, что всякое осмысленное утверждение, касающееся прошлого, соотносит нас не с самим прошлым, но с той или иной языковой моделью прошлого. Прошлое же нельзя увидеть не потому, что оно уже ушло из бытия, а потому, что оно не имеет никакого смысла вне той языковой формы, с помощью которой оно высказывается. Прошлое как такое не может стать и объектом познания, в лучшем случае оно предполагается в связи со способами функционирования текста. Важнейшим постулатом постструктуралистского историографического дискурса является признание непрозрачности исторического текста как по отношению к описываемому в нем прошлому, так и по отношению к намерениям автора этого текста²⁴.

Сами по себе деконструктивистские идеи о тексте как о смысловом пространстве постоянно возобновляющихся интерпретаций принесли пользу историкам. Они освободили исследовательское сознание от стереотипов, касающихся памятников письменности как законченных произведений, имеющих раз и навсегда данную идею. Они радикально его преобразовывали и включили в число своих задач новый круг проблем: исследование мыслительного инструментария, стилей мышления исторических персонажей, конкретных моделей и приемов концептуализации социума; формальных и неформальных институтов общения, в том числе и профессиональных, изучение социальных и интеллектуальных контекстов, теорий и систем представлений²⁵. Но таким образом активно трансформировалось традиционное исследовательское пространство историка. На первый план выдвинулась личность, и центр тяжести перенесся на изучение индивидуальных стратегий (отсюда новые возможности для развития исторической биографии и политической истории).

И все же тревоги историков, связанные с постмодерном, оказались напрасными. Они пережили постмодернистское наступление и практически не отреагировали на него в практике историописания: годы шли, а исторические труды в духе постмодернизма не появлялись. Предположение о том, что историки могут говорить все, что им нравится, совершенно противоположно основанному на свидетельствах характеру исторической дисциплины. Постмодернизм правильнее всего может быть понят как антиреализм, обладающий излишне сложным взглядом на реальность. Постмодернистская позиция предполагает безграничную свободу выбора в том, что можно думать и понимать о реальности, что для историков, учитывая технологии их исследований, практически невыполнимо.

На практике историки не могли и не хотели отказаться от ответа на вопрос «почему?», ибо от этого зависел их взгляд на будущее: прошлое, настоящее и будущее связаны между собой, прошлое пульсирует в настоящем, оно живое и изменчивое, да и «...можете ли вы сказать, где наше прошлое “заканчивается” и где “начинаемся” мы сами?»²⁶. Поэтому вся дискуссия в среде историков проходила в направлениях, ничего общего с постмодернизмом не имеющих: она вылилась в форму «историографических поворотов». Была предпринята попытка вновь сосредоточиться на специфике исторического познания и обозначить конвенции, которыми должен руководствоваться современный историк. А ответить на

этот вопрос стало возможно с помощью понятия «возвышенный историографический опыт». Это означает, что есть насущная потребность историографического исследования правил, которыми руководствуются ученые в своем творчестве. Совокупность этих правил и принципов следует понимать как модель, выражающую специфику данной дисциплины. И главным становится вопрос о том, насколько историки свободны в своем интеллектуальном выборе. Это иллюстрирует история историографии: она показывает, какие модели использовались, когда именно и почему они использовались, когда и в связи с чем им на смену приходили новые модели прошлого. Необходимость истории историографии заключается в том, что сами историки редко могут объяснить, чем же и зачем они этим занимаются. Для истории историографии важна оценка тех вариантов выбора, который сделали историки прошлого, и тех вариантов выбора, который они сделать не могли. Ключевым моментом здесь является сложившаяся позиция историка – позиция взгляда в прошлое. Акт «выбора» или «невыбора» историка является чисто историографическим явлением, когда он, как правило, приписывает определенные мысли индивидуам прошлого²⁷.

Мы пытаемся сделать будущее частью истории, сделать его таким же безопасным, как и прошлое. Нам необходима концепция, которая включала бы в себя знание о прошлом и будущем, понимание реальности, в которой содержатся образы и прошлого и будущего. Что для этого необходимо сделать? Возможно, решение проблемы лежит в сфере узкой профессионализации знания, в специализации языка исторической науки. Однако такой подход направлен на получение историческим знанием экспертного статуса, что вполне оправданно, но консервирует его на уровне «знать, чтобы знать». Актуальность историческое знание приобретает тогда, когда оно в состоянии сформировать новые гипотезы и подняться на следующий уровень – «знать, чтобы действовать», т. е. помогать решать острые политические, экономические и социальные вопросы²⁸. А это требует осмысления предыдущего исторического опыта. Поэтому поворот в сторону исторического опыта в современном историческом знании нельзя считать случайным: это результат развития историописания²⁹. История повседневности, интеллектуальная история могут рассматриваться как история опыта. История повседневности имеет дело с событиями, которые изо дня в день повторяются в действиях и мыслях человека и создают фундамент его жизни. Она использует программу, которая предполагает

конструирование личного опыта в самостоятельном поведении человека. Люди здесь активно творят и изменяют прошлую социальную реальность. В этих разновидностях историописания особое значение придается тому, как люди прошлого воспринимали свой мир и как их опыт отличался от нашего отношения к миру.

Историческое объяснение остается общественной необходимостью: оно стало составляющей не только познавательных процессов, но и ориентации людей в окружающем мире. Любая процедура выработки стратегии поведения требует опоры на историю, в том числе и в повседневной жизни: осуществляя свой выбор на будущее, мы всегда обращаемся к прошлому. Прошлое в таком контексте возникает как объект, требующий рефлексии и напряженного исторического понимания.

Развитие историописания носит кумулятивный характер: историографический дискурс постоянно накапливает содержание. Наиболее выгодным для историографии является быстрое увеличение количества исторических интерпретаций. Историография никогда не может позволить себе забыть прежние интерпретации прошлого, она должна признавать уникальность каждой из трактовок. Их необходимо актуализировать в настоящем, чтобы определить идентичность тех интерпретаций, которые предпочтительны в данный момент³⁰. Прогресс же в историописании – это увеличение количества исторических работ, которые не могут быть отвергнуты, забыты даже спустя время и смены парадигм. С этих позиций в истории историописания ничто не пропадает, ничто не утрачивает своей ценности. В таком качестве современная историография функционирует как самоценная и самодостаточная историческая дисциплина, как заместитель самой истории, и в этом состоит суть и назначение всех сочинений по истории³¹. Сегодня на удивление актуально звучит мысль Мишеля Фуко: «История – это самая богатая знаниями, сведениями, самая живая и, быть может, самая захлавленная область нашей памяти, но вместе с тем это основа, дающая всякому существу недолговечный свет его существования»³².

Примечания

---

¹ Подробнее см.: *Чеканцева З.А.* Антропологическая история как междисциплинарное исследовательское поле: возможности и пределы // *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации.* М.: ИВИ РАН, 2005. С. 102– 112.

- ² См.: Знание о прошлом в современной культуре: (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 4.
- ³ Подробнее см.: *Петренко В.П.* Конструктивизм как новая парадигма в науках о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 77.
- ⁴ См.: *Бродель Ф.* Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. Гл. 5. С. 460–464; подробнее см.: *Ястребицкая А.Л.* О культурно-диалогической природе историографического // XX век: методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2001. С. 14–16.
- ⁵ *Поттер К.* Ницета историцизма. М.: Прогресс, 1993. С. III.
- ⁶ Подробнее см.: *Петренко В.П.* Указ. соч. С. 76.
- ⁷ Там же. С. 77.
- ⁸ Там же. С. 78.
- ⁹ Подробнее см.: Знание о прошлом в современной культуре... С. 7.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Хвостова А.К., Бородкин Л.И.* Роль информации в историческом прошлом // Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 5–8.
- ¹¹ Подробнее см.: *Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете теории об информации: (к постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3. С. 3–18.
- ¹² См.: *Можаева Г.В.* Информация как историческая категория: к вопросу об информационном источниковедении // Роль информации в формировании и развитии социума в историческом прошлом. С. 63–64.
- ¹³ Там же. С. 63–69.
- ¹⁴ Там же. С. 67–68.
- ¹⁵ Подробнее см.: *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008; *Медушевский А.Н.* Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история. 2009. № 4; *Он же.* Когнитивно-информационная теория в социологии, истории и антропологии // Социологические исследования. 2010. № 11.
- ¹⁶ Подробнее см.: Знание о прошлом в современной культуре... С. 3–45.
- ¹⁷ Там же. С. 10–12.
- ¹⁸ Там же. С. 14–15.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ Подробнее см.: *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. С. 17.
- ²¹ *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки: Критика современной философии постмодерна: Пер. с англ. М.: Дом интеллектуальной элиты, 2002. С. 160.
- ²² Подробнее см.: *Зверева Г.И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 11–24; *Репина Л.П.* Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Там же. С. 25–36; *Она же.* Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков //

- Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 13; *Зверева Г.И.* Понятие «исторический опыт» в «новой философии истории» // Теоретические проблемы исторических исследований. М.: МГУ, 1999. Вып. 2. С. 104–117; *Она же.* Понятие «новизны» в новой интеллектуальной истории // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М.: КомКнига. Вып. 4. М., 2001. С. 45–54; *Стрелков В.И.* К онтологии исторического текста: некоторые аспекты философии истории Ф.Р. Анкерсмита // Одиссей. Человек в истории. 2000. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 139–151; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история. Т. 1. СПб.: Наука, 2003. С. 66; *Они же.* Теория исторического знания. СПб.: Алетейя, 2010. С. 223–227.
- ²³ См.: *Mink L.* Narrative form as a cognitive instrument // *The Writing of History: Literary Form and Historical Understanding*. L., 1978. P. 131–132.
- ²⁴ См.: *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Алетейя, 2009. С. 262–264.
- ²⁵ Подробнее см.: *Зверева Г.И.* Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории. С. 14–24; *Ястребицкая А.Л.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁶ См.: *Анкерсмит Ф.Р.* Указ. соч. С.11.
- ²⁷ Подробнее см.: *Горман Дж.* Грамматика историографии // *Вопросы философии*. 2010. № 7. С. 46–48.
- ²⁸ Подробнее см.: *Селиванов Н.Л.* «Знать, чтобы действовать...», или Как превратить информацию в знание // *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации*. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 241–251.
- ²⁹ См.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Там, за поворотом...»: О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // *Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики*. М.: Наука, 2006. С. 81–82.
- ³⁰ См.: *Кукарцева М.А.* Философия истории в конце XX века: несколько реплик о существе вопроса // *Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания*. Вып. 3. Иваново, 2001. С. 120.
- ³¹ См.: *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. С. 502.
- ³² *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 244.

Е.В. Суший

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ РАЗНООБРАЗИЯ КАК ВЫЗОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Глобальные трансформации в пространстве разнообразия рассматриваются как вызов стратегическому управлению и прогнозированию развития общества и государства. Показано, что в новых общественно-исторических условиях психосоциальный фактор становится системообразующим в решении общественных проблем и государственного реформирования.

Ключевые слова: гибридный режим, государственность, демократизация, идентичность, культурный код, модернизация, глобальные трансформации.

Современные социально-исторические процессы чрезвычайно ускорились вследствие новейших достижений НТР, а феномен глобализации как один из главных современных мировых процессов обусловил ведущие тенденции трансформационных изменений во всех сферах жизнедеятельности современного общества и человечества в целом – экономике, политике, культуре, управлении и т. д. Системная сложность и порой непредсказуемость современных трансформационных процессов, происходящих почти во всех сферах человеческой жизнедеятельности, требует от государственного управления постоянного принятия и корректировки управленческих решений во времени. Перспективное видение и прогнозируемость будущих событий становится неотъемлемой составляющей современного стратегического управления.

Представления об изменяющемся мире не могут оставаться неизменными. Их трансформация так или иначе связана с пере-

осмыслением последствий и результатов глобализации как квинт-эссенции современного этапа развития всего мира¹, отмеченного ускоренным формированием взаимозависимости и взаимодействия стран и народов в результате интенсификации экономических, политических, культурных и других связей между ними².

Как бы внутренне ни перестраивалась мировая система (и человечество), она всегда глобально остается целостной. И если на разных этапах мировой истории степень осознания этого факта существенно различалась, то на пороге третьего тысячелетия, похоже, мировое сообщество наконец смогло охватить единым взглядом всю мировую панораму. Вместе с тем современный этап глобализации по-разному оценивается научными экспертами. Так, экономисты подчеркивают «унифицирующее» влияние глобализации, тогда как культурологи, наоборот, отмечают рост социокультурных различий и их многообразия. Политологи же указывают на «интегрирующие» и одновременно «фрагментирующие» моменты данного процесса.

Глобальная направленность современного общественного развития усиливает значение социокультурных факторов во всех сферах общественной жизни. Американский политолог С. Хантингтон отмечает, что в мире после «холодной войны» культура и культурные идентичности (в широком понимании – цивилизационные идентичности) определяют модели целостности, дезинтеграции и конфликта³. Иными словами, мозаичная сущность современной культуры, усиленная миграционными потоками и межкультурным многообразием, становится важнейшим детерминантом, определяющим систему общественных и международных отношений.

Сегодня эксперты едины во мнении, что переход к стратегическому управлению в постсоциалистических странах, вступивших на путь модернизации и демократизации открывает возможности для распространения инноваций, снижает влияние персонификации управления и повышает его объективность, а также является средством согласования интересов различных социальных групп и индивидов⁴.

Глобальные трансформации в пространстве разнообразия так или иначе становятся вызовом стратегическому управлению и прогнозированию развития общества и государства.

Социальный мир все более становится единым и взаимозависимым и одновременно остается расколотым, иерархическим, конфликтным и неравным. Речь идет об одновременном проявлении двух, как может показаться, взаимоисключающих мировых тен-

денций, рассматриваемых под именем «парадокс глобализации». С одной стороны, существенно возрастает взаимозависимость стран мира и отсюда – относительная «стандартизация» национальных культур, что объективно отражает эквивалентную сущность глобальных трансформаций. С другой – активно распространяются процессы социокультурной дифференциации и дезинтеграции, связанные с такими явлениями, как этническое и религиозное возрождение, а также процессами регионализации и локализации⁵. Указанные метаморфозы и противоречия нашли свое отражение в понятии «глокализация», который ввел в научный оборот шотландский социолог Р. Робертсон⁶.

Многообразная и плотная насыщенность чрезвычайно противоречивых тенденций развития глобального мира, по сути, определяет разновекторный характер современных глобальных трансформаций. Определяющими факторами отныне становятся: демократизация и модернизация, развитие научных технологий и информационно-коммуникативных связей. При этом катализатором процессов демократизации выступает «западная» цивилизация (страны евроатлантического ареала), вынуждая остальные «незападные» страны мира приспособляться к доминирующей западной модели общественного развития. Завершение индустриальной (современной) эпохи мировой истории открывает новую (постмодерную) эпоху постиндустриальной цивилизации, основанной на информационных технологиях и соответствующих времени культурных формах. Благодаря экономическим, технологическим и военным мощностям, которые обеспечивали когда-то влияние капиталистических стран на колониальный мир, а теперь образцам массовой культуры, активно пропагандируемым средствами коммуникации в мире, западная культура превращается в символ нынешней глобальной цивилизации.

Мировое экспертное сообщество все настойчивее связывает глобализацию с новой волной процесса модернизации, первичную основу которой составляют «капитализм» и «демократия». В свою очередь, история глобализации отождествляется с процессами вестернизации или американизации. Иными словами, глобализация воспринимается экспертами и распространяется в сознании широкой мировой общественности как результат и процесс экспансии капиталистической (рыночной) экономики, развития научно-технической сферы, активизации процессов демократизации, интенсификации взаимодействия различных мировых культур, а также благодаря активной модернизации «периферии».

С конца 1960-х годов этот процесс активно проявляет себя через интенции к единению мирового финансово-экономического пространства, через развитие информационного общества и глобальной массовой культуры. Стремительное развитие средств массовой коммуникации (особенно спутникового телевидения и Интернета) кардинально повлияло на состояние открытости национально-государственных образований, территориальных автономий и межгосударственных границ. Глобальная коммуникация привнесла новые стандарты производства культурных артефактов, распространения предметов массового потребления и образцов массовой культуры. Заметно активизировалась деятельность международных правительственных, неправительственных и транснациональных организаций. Со стороны ученых, политиков и государственных деятелей артикулируется мультикультурализм (многокультурность) как принцип и механизм общественной интеграции. Однако за внешним стремлением к универсализации мира скрываются более сложные и неоднозначные процессы гомогенизации и одновременного роста пространства разнообразия.

Правительства современных национальных государств решают один из наиважнейших вопросов национальной безопасности – сохранение единства и целостности государства и общества. Мощное трансграничное передвижение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, развитие транснациональных корпораций и банков, стремление к формированию единого рыночного хозяйства существенно пошатнули современные идеи национальной государственности. На международной арене транснациональные корпорации благодаря контролю над крупным капиталом и обладанию реальной властью становятся влиятельными игроками, уменьшая полномочия и роль в международных отношениях национальных правительств. По мере того как традиционные национальные государства уступают власть наднациональным объединениям, унификацию и одномерность национальной политики заменяет полифония. Соответственно, и такие примордиальные черты национально-государственных образований, как язык, культура, традиции, становятся «заложниками» интенсификации и глобализации миграционных потоков. В конце концов они оказываются неспособны выполнять роль универсальных регуляторов общественной интеграции. Вместе с тем особое значение приобретают этнокультурное разнообразие, социокультурные идентичности и практики.

Мультикультуралистский политический проект, который изначально реализовался в эмигрантских странах Нового Света, теперь

является одним из базовых элементов национальных политик многих стран. Прежде всего, он стал важной составляющей различных социальных практик стран евроатлантического ареала, выступая в качестве весомого компонента политических решений и действий (как самостоятельный политический проект), журналистского дискурса и деятельности массмедиа, новаций в мире литературы и искусства, системы воспитания и образования, языка повседневного общения и т. д.⁷ Для западных стран этот проект, по сути, выступил альтернативой распространенной концепции «плавильного котла» (melting pot), который в условиях современных глобальных вызовов, по словам американского политика П. Бьюкенена, уже больше похож на «салатник». Собственно, современная массовая миграция представителей различных рас, религий и культур, которую порой называют новым великим переселением народов, пошатнула относительную гомогенность западноевропейских стран, угрожая, по словам П. Бьюкенена, изменить не только этнический состав населения, но и в целом исторически сложившийся образ Запада с его характером и устоями⁸.

Современное многонациональное государство – это преимущественно абстрактная, символическая общность, объединяющая всех граждан, независимо от их этнической и культурной принадлежности. Представляя собой, по определению Б. Андерсона, «воображаемое сообщество», она прочно скреплена запечатленным в сознании граждан образом этой общности – национальной идентичностью и общезначимыми ценностями демократии, равенства прав и свобод, верховенства закона, социальной солидарности и т. д.⁹ Если США исторически решали проблему целостности государства и общества путем культурной/этнической ассимиляции эмигрантских групп за счет социально-экономических рычагов, то современные западноевропейские страны – путем интеграции без ассимиляции, провозглашая культурный плюрализм как обогащающий страны иммиграции. Открытость по отношению к сосуществованию различных форм культурной жизни нашла свое отражение в признании коллективных прав и свобод – групповых интересов, идентичностей, языков и культурного членства, которые видятся факторами межкультурной толерантности, гармоничного взаимодействия этнокультурных групп и их интеграции в многонациональную общность.

Реальная повседневность тем не менее вносит свои коррективы в мультикультурный проект, в определенной степени подтвердив опасения относительно вызовов мультикультурализма.

В современном глобальном мире центральной проблемой становится развитие государственности в этнически разделенных странах. В частности, можно проследить некоторые неблагоприятные тенденции, которые вынуждены преодолевать правительства западноевропейских стран. Одна из таких тенденций имеет политико-правовой подтекст и связана с разногласиями между номинальным и реальным состоянием предполагаемого равенства коллективных прав и свобод – групповых интересов, идентичности, языка и культурного членства, где ключевыми со стороны этнокультурных общностей становятся нарекания на недостаточную уравновешенность прав меньшинств относительно коренного населения и общества в целом. Другая тенденция связана с нежеланием этнокультурных общностей ассимилироваться в новую культуру, изучать язык, усваивать ценности, перенимать определенный образ жизни и его устои и т. п. В результате возникает недовольство уже со стороны коренного населения и национальных правительств. В ряде объяснительных мотиваций представители этнокультурных меньшинств заявляют о потенциальной угрозе размывания их идентитета и растворения среди коренного населения. Для коренного же населения эта проблема приобретает национальное значение, поскольку размывание национальной идентичности подтачивает культурные и политические традиции государственности.

Проблема консолидации общества приобретает новое звучание в связи с территориальными и социокультурными особенностями региональных сообществ. Артикуляция социокультурных различий и сформированных на их основе идентичностей становится источником разнообразных спекуляций – репродуцирования политико-идеологических типов идентичностей, разделения на «своих» и «чужих», «хороших» и «плохих» и даже манипулирования этими разногласиями как предопределяющими расколы.

Ситуацию осложняет также становление новой психосоциальной природы – в современном постмодерном мире матрица психических элементов становится основой не только психической реальности, но и порождаемого социального символического мира и его социально-материального воплощения¹⁰. В более широком социально-историческом контексте социальный (социально-материальный) и психосоциальный (социетальный) факторы словно в фокусе собирают и отражают все сложности и перипетии общественно-исторического процесса и, в частности, перипетии общественно-трансформационных изменений¹¹.

Сегодня государственно-управленческая деятельность происходит преимущественно на фоне амбивалентности (двойственного состояния) массового сознания, результатом чего являются ситуационный характер поведения, информационная зависимость людей, к которой добавляются также психопатологические неврозы и моральная усталость от результатов действий власти. Перефразируя постмодернистов (С. Бауман, Ж. Бодрийяр), можно сказать, что современный цивилизационный мир развивается в направлении утверждения мира симулякров и симуляций, которые «подменяют» реальный мир иллюзией реальности, размывают значение социально-материальных исторических процессов, способствуют потере социальной и исторической памяти, уничтожают представление о нормативности, девиации и т. д. «Растворение» социального (культурного, этнического) порождает ощущение тотального одиночества человека и предстает серьезным препятствием для интеграционных процессов в обществе. Собственно, угроза патопсихологического состояния самочувствия граждан (нации) – психоневроз отложенного действия (по Б. Зейгарник) – сегодня почти не учитывается как фактор интеграционных или дезинтеграционных процессов.

Таким образом, с одной стороны, в условиях глобальных трансформаций акцентуации этнокультурных различий усиливают процессы национально-гражданской дезинтеграции, сопутствуют росту межэтнической, межконфессиональной напряженности и распространению экстремистских идей. Именно в привлекательности идеи возврата к истокам, которые зачастую приводят к фанатизму и архаизации, ныне проявляется обратный результат унификации и стандартизации. С другой стороны, стремление национальных меньшинств к реализации своего неотъемлемого права на самоопределение (от требований широкой национально-культурной автономии до образования собственного независимого государства) угрожает разрушением территориальной целостности государств. Очевидно, что обособленное существование культур сдерживает естественный процесс их сближения, демонстрируя не слишком существенные культурные различия там, где гораздо полезнее подчеркнуть сходство и единство. Поэтому, соглашаясь с мнением С. Бенхабиб, в политическом смысле право на культурное самовыражение должно основываться прежде всего на всеобщем признании гражданских прав и его не следует рассматривать как альтернативу им¹².

Очевидно, что проблема целостности национальной государственности неразрывно связана с сохранением и укреплением

центрального идентификационного ядра – общенациональной идентичности как важной стратегической задачи национальной безопасности. Распространение массовой, в том числе незаконной, миграции, рост межэтнической и межконфессиональной напряженности, ныне угрожающие национальному единству, вынуждают правительства государств переосмысливать сущность таких явлений, как самоопределение, национальное государство, мультикультурализм, а в политической риторике среди вопросов национальной безопасности все чаще стало звучать понятие «культурный код» как доминанта национально-государственной целостности и идентитета.

В конце 2010 – начале 2011 г. лидерами трех стран – Германии, Великобритании и Франции – объявлено о кризисе реализации проекта мультикультурализма. По мнению политических деятелей, политика мультикультурализма, несмотря на ее гуманистическую направленность на развитие и сохранение культурных различий (многообразие языков, традиций, этносов и культур) как внутри стран, так и в мире в целом, вызвала размывание национальной идентичности и оказалась неспособной решить вопросы интеграции и ассимиляции. В условиях глобальных трансформаций пространства разнообразия обращение политиков к концепту «культурный код» как национальному культурному ядру представляется вполне обоснованным, но вместе с тем требует учитывать, что культурный код (коды) может выступать как источником социальной консолидации, так и причиной социальной дезинтеграции. Целиком разделяем мысль Ю. Левады – государственное самоопределение или «просто» символическая идентификация с такими понятиями, как история, земля, народ, непосредственно являются факторами граничной интеграции общества¹³. Социальный индивид принадлежит не только к определенной группе, но и к определенной нормативно-ценностной системе и определенной «линии» социального времени, способных подвинуть как человека, так и целые народы на действия, направленные (в широком понимании) как на благо, так и на зло.

В целом на рубеже XX–XXI вв. в общественном сознании и частично в политической практике стран так называемого глобального севера явно проявились ослабление, эрозия ценностей новой (постмодерной) культуры – индивидуальной свободы, творческого самовыражения, рационального сознания и преимущественно правовых форм общественного регулирования; и наоборот, укрепление ценностей традиционалистской культуры – коллективного

неформального права, групповой идентичности и мифологического сознания¹⁴. Собственная неоднородность западной цивилизации воспрепятствовала как реализации проекта универсализации мира по типу плавильного котла, так и реализации проекта мультикультурализма. Как результат, стратегия вестернизации оказалась неспособной ответить на вызовы глобальных трансформаций, вынуждая правительства стран переосмысливать сущность модернизации и государственной состоятельности, определяющих место страны в современной мировой системе координат. Более того, распространяемые западной цивилизацией институты и ценности, укореняемые в ином социокультурном контексте, обнаружили способность изменять свою содержательную сущность.

Осмысление существенно отличающихся результатов системных изменений, которые, в частности, претерпели за последние два десятилетия новообразованные государства постсоциалистического ареала, свидетельствует, что общественно-трансформационные процессы и модернизация развивающихся обществ не обязательно приобретают черты, свойственные модели «западноевропейского образца», а порой приводят к появлению новых гибридных форм их организации. Поэтому, например, мировой проект США существенно отличается от глобальных планов международного исламизма или китайской модели «Поднебесной», а российское осознание «мирового порядка» может категорически не совпадать с общеевропейскими или, скажем, японскими характеристиками «всемирности» в политике, экономике, культуре (равно как и с американскими, корейскими или исламскими представлениями о глобальном целом и перспективах его развития)¹⁵.

Осмысление глобальных противоречий в пространстве разнообразия выявляет глубокую зависимость успеха (или безуспешности) трансформационных изменений, связанных в том числе с процессами демократизации и модернизации, преодолением укоренения гибридных форм, от уровня развития человеческого потенциала, общественного самоощущения, доминирующих идеалов и ценностей, психосоциальных свойств общества и в целом от общественных закономерностей.

В новых исторических условиях психосоциокультурный фактор становится одним из определяющих в анализе противоречий процессов общественно-политических трансформаций в мире, требуя от политиков и управленцев владения аналитическим комплексом и инструментарием, позволяющим анализировать социальную систему как совокупность системообразующих значений, которые

отражают ее многообразие, множественность и вариативность в определенных пространственно-временных координатах. Среди основополагающих значений, требующих своего осмысления, по мнению автора, следует выделить анализ системообразующих особенностей переходной эпохи, в частности психосоциального аспекта как фактора общественных трансформаций. Перед стратегическим управлением актуализируется проблема разработки методического инструментария, позволяющего выявлять, фиксировать и анализировать те глубинные сдвиги в человеческой психике, которые собственно обуславливают изменения социальных и институциональных практик. Владение подобным аналитическим комплексом становится важной составляющей государственно-управленческой деятельности в условиях глобальных трансформаций и успешности осуществления реформ.

Примечания

- ¹ *Делягин М. Г.* Мировой кризис: Общая теория глобализации. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 43.
- ² *Арсеенко А.* Глобалізація як вона є на порозі XXI століття // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2010. № 4. С. 114–137.
- ³ *Гантингтон С.* Протистояння цивілізацій та зміна світового порядку. Львів: Кальварія, 2006. С. 11.
- ⁴ Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России: Материалы научного семинара. Вып. 5 (43). М.: Научный эксперт, 2011. С. 13.
- ⁵ *Паин Э.* Обратная волна и парадоксы глобализации [Электронный ресурс] // Дружба народов. 2011. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/2/ra12.html> (дата обращения: 20.08.2012).
- ⁶ *Robertson R.* Globalization or glocalization? // Globalization. Critical concept in sociology / Ed. by R. Robertson, K. E. White. L.: Routledge, 2003. P. 31–51.
- ⁷ *Низамова Л.* Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: Материалы конф.: Казань, 2–3 июня 2004 г. / Под ред. А. Малашенко; Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 2005. С. 12.
- ⁸ *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада [Реферат книги] [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 2004. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2004/11/bu29-pr.html> (дата обращения: 20.08.2012).
- ⁹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма М.: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2001. 288 с.

- ¹⁰ *Афонін Е., Донченко О.* Проблема психологічного феномена проєкції в політиці // Політичний менеджмент. 2009. № 4(37). С. 30.
- ¹¹ *Афонін Е.А., Суший О.В., Усаченко Л.М.* Трансформація суспільно-владних відносин: закономірності та особливості її прояву в Україні // Український соціум. 2011. №4. С. 7–30.
- ¹² *Бенхабیب С.* Притязання культури. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 31.
- ¹³ *Левада Ю.* От мнений к пониманию: Социологические очерки, 1993–2000. М.: Моск. шк. полит. исследований, 2000. С. 425.
- ¹⁴ *Паин Э.* Указ. соч.
- ¹⁵ *Кондаков И.* Россия мира: Российский глобалитет в потоке мировой истории [Электронный ресурс] // Eurasian review. 2009. Vol. 2 (November). P. 1–46. URL: <http://www.evrazia.or.kr/review/1.igore.pdf> (дата обращения: 20.08.2012).

ДОЛГОСРОЧНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируется сущность и значение долговременных мегатенденций глобального общественного развития с учетом геополитических интересов Российской Федерации. Рассматриваются ее потенциал и роль в качестве глобального игрока, возможные тренды мирового развития. Автор предлагает к обсуждению проект 25 долгосрочных мегатенденций общественного развития на период 2012–2024 гг., распространяя их действие на первую фазу XXI в. – «Глобальное утро цивилизаций». Следующий период (2025–2065 гг.) может проектироваться как «Глобально-космический полдень человечества».

Ключевые слова: долгосрочное прогнозирование и проектирование, геополитика, интересы Российской Федерации, долгосрочные мегатенденции и тренды, финансовый кризис, уровень ВВП, «Большая восьмерка», БРИКС, «Группа двадцати», «Глобальное утро цивилизаций».

Опыт общественного развития подтверждает: чем выше уровень прогнозирования, тем эффективнее, результативнее планирование и управление. Научно обоснованные прогнозы помогают предвидеть ход развития событий и оптимизировать управленческие процессы.

В самом общем виде прогнозирование – это опережающее отражение действительности. Основная причина, побуждающая человека заниматься прогнозированием, состоит в том, что существуют явления, будущее которых он не знает, но они имеют важное значение для решений, принимаемых им сегодня. Поэтому он стремится проникнуть «глазами ума в будущее» (Платон). Прогноз – это целе-

направленное проектирование желательного будущего и внедрение этого проекта в сознание акторов политики. В известном смысле прогнозирование и проектирование будущего есть экстраполяция известного в неизведанное развитие.

Стратегический анализ общественного развития представляет собой долгосрочное прогнозирование, в основе которого лежит комплексный анализ динамики решающих связей между многочисленными факторами стратегической ситуации и учетом перспектив ее развития. Составной частью такого анализа являются научное моделирование долговременных общественных процессов и явлений, мегатенденций и трендов; их соответствующий учет. Причем уже сами прогностические проекты, получившие достаточно известность, могут в известной мере влиять на становление проектируемого будущего.

Комплексные долговременные прогнозы на конец XX – начало XXI в. представлены в известных трудах Дж. Нэбитта и П. Эбурдин «Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000» и др.¹

В табл. 1 представлены мегатенденции, сгруппированные по направлениям.

Таблица 1

Мегатенденции конца XX – начала XXI в.

<i>Мегатенденции постиндустриального развития</i>
От индустриального общества к информационному
От форсированного технологического развития – к передовым технологиям
От национальных экономик – к мировой экономике
<i>Управленческие мегатенденции</i>
От централизации к децентрализации и от институциональной помощи к своим силам
От представительной демократии – к демократии соучастия; от иерархических структур – к сетевым структурам
От узкого выбора из двух возможностей (либо–либо) – к множественному выбору; от краткосрочных тенденций – к долгосрочным
Приватизация государственного благосостояния
<i>Мегатенденции глобализации</i>
От безусловного примата Севера – к выравниванию Юга; рост влияния государств Азиатско-Тихоокеанского региона
Развитие социализма со свободными рыночными отношениями
Глобальные стили жизни и культурно-языковой национализм
Расширение вероятности конфликтов и повышения возможности их урегулирования

Мегатенденции развития личности, социума, духовности

Возрастание роли личности во всех сферах общественной жизни, принципа индивидуальной ответственности
 Широкий приход женщин на руководящие посты
 Религиозное возрождение
 Ренессанс искусств

В 2003 г. началась подготовка «Проекта–2020. Контуры мирового будущего». Им руководили известные исследователи – Т. Гордон (проект ООН «Миллениум»), Дж. Дьюар (директор Центра по долговременной глобальной политике при корпорации РЭНД), Дж. Дэвис (глава сценарного проекта при «Шелл Интернэшнл»). В работе над «Проектом» приняло участие более тысячи человек². В табл. 2 представлены тренды, разработанные в рамках этого проекта.

Таблица 2

Ведущие 14 мегатенденций мирового развития до 2020 г.

№ п/п	Мегатенденции
1.	Размах и скорость перемен усилят противоречия глобализации
2.	Подъем новых держав: перемены в геополитическом пейзаже
3.	Новые проблемы управления и государственности, управление под давлением высоких технологий
4.	Замедление темпов демократизации
5.	Всеобъемлющее чувство ненадежности
6.	Расширение мировой экономики
7.	Ускоренные темпы научного прогресса и распространение двойных технологий
8.	Сохранение социального неравенства
9.	Феномен глобального старения
10.	Распространение радикальной исламской идеологии
11.	Потенциальная возможность катастрофического терроризма, но не мировой войны
12.	Распространение оружия массового поражения
13.	Усиление давления на международные институты
14.	Расширение политики этнического самоопределения

Как показало время, ряд рассмотренных выше трендов был определен верно, хотя наблюдались и существенные пробелы. Среди них: недооценка долговременного феномена повышения роли цивилизационного фактора, этнического самосознания (особенно по линии: этнос – этнические государство: Косово, Абхазия, Южная Осетия), международного терроризма и др.

Особо следует отметить, что в этих трендах не были использованы политико-экономические идеи о циклических экономических кризисах капиталистического хозяйства и их особенностях в условиях глобализации. В них оказалась проигнорированной современная денежная революция, которая привела к обслуживанию основной части доходов и расходов населения, корпораций и государства электронными платежными средствами. Не были учтены фактор глобальных манипуляций и спекуляций виртуальными платежными средствами и значения их проектируемого, подвижного рейтинга, влияющего на стоимость денег³.

В основе глобального финансового кризиса лежат следующие причины: отсутствие должного национального и международного контроля за современными международными финансовыми механизмами; колоссальный разрыв между реальной стоимостью мирового производства (60 трлн дол.) и ее многократным, необоснованным превышением в различных вторичных платежных обязательствах; создание многочисленных транснациональных «финансовых пирамид»; огромный необеспеченный государственный долг США (равен размеру его ВВП) и др.⁴ Кризис продемонстрировал ненадежность современной глобальной финансовой системы, ориентированной на не вполне обеспеченный доллар США, «плохие» «ценные бумаги». В результате – крушение ненадежных банков и других финансовых институтов, снижение уровня производства или его рецессия, сокращение доходов значительной части населения, быстрый рост безработицы, увеличение государственного долга и обязательств, обогащение высшей прослойки менеджеров, олигархов, спекулянтов и т. п.

Мировой финансовый кризис стал неожиданным для мирового сообщества, оказал на многие страны крайне негативное воздействие. Серьезные проблемы, связанные с финансовой задолженностью и безработицей, возникли в Греции, Исландии, Ирландии, Португалии, Испании и др.

Те государства, которые имели значительные финансовые резервы, емкий внутренний рынок, проводили гибкую, своевременную и эффективную антикризисную политику, пострадали от него в меньшей степени. Так, актуален опыт Индии и КНР, демонстрирующих высокий уровень экономического развития (7–9% прироста ВВП в 2007–2012 гг.).

Ряд авторов обращает внимание на то, что нелиберальные модели демократии («управляемой»), при использовании традиционной этики и эффективной бюрократии, создают важные

условия для экономического развития соответствующих обществ (прежде всего конфуцианского Востока)⁵. Речь идет о том, что наряду с западной моделью индустриального и постиндустриального развития (в англо-американской и континентально-европейской формах) сформировалась своеобразная консервативно-либерально-традиционистская восточная модель, которая позволяет решать ряд задач индустриального генезиса и перехода к постиндустриальному развитию, эффективно используя корпоративно-семейную, конфуцианскую этику, конкурентно-экспортную модель производства и др.⁶

Для России важно учитывать реальные тренды мирового развития и их возможные последствия.

В начале XXI в. Российская Федерация занимала промежуточное положение между среднеразвитыми индустриальными обществами и переходными социальными системами крупных стран «третьего мира». Это ставило Россию перед альтернативами:

1) сползание к общественной структуре «третьего мира» – аграрно-индустриально-сырьевые мегаанклавы, ориентированные на глобальный рынок;

2) укрепление и расширение постиндустриального, инновационного научно-технического (технологического) комплекса, формирование социального государства и соответствующей научно-технической базы как подготовки к полноценному участию в переходе к постиндустриальному, информационному развитию.

Особенностью для России является то, что она должна одновременно решать задачи как реиндустриализации, так и постиндустриального развития. Среди них: построение инновационного общества и формирование мотивации к инновационному поведению; развитие рыночных институтов и конкурентноспособной среды; радикальное повышение эффективности экономики; создание ориентированной на потребителя системы государственного и муниципального управления на базе современных ИКТ («электронное управление») и др. В создании новой экономики актуален учет долговременных ориентиров: институты, инфраструктура, инвестиции, инновации, интеллект.

Существенным в этой связи является осознание (понимание/признание) России в качестве уникальной мировой цивилизации (державы), реализация ее современной геополитической стратегии, евразийские ориентиры.

Предпочтительность постиндустриального, социального ориентированного развития не вызывает сомнений, но возможность

его реализации в условиях современного этапа глобализации, последствий мирового финансового кризиса и острой политической борьбы за ресурсы и власть, представляется сложной и требует выверенной политики.

В 2000 г. перед Россией стояла задача – в процессе удвоения ВВП приблизиться к уровню показателей Португалии на душу населения – 600 дол. в месяц (самый низкий экономический индекс среди западноевропейских стран). В 2007 г. Россия практически вышла на этот уровень. В том же году ВВП России впервые превысил знаковое значение в 1 трлн дол. К 2009 г. Россия, опередив ряд стран (Бразилию, Италию, Испанию и др.), вошла *по стоимостному объему* ВВП в *десятку ведущих экономик мира* (США, КНР, Япония, Индия, ФРГ, Франция, Великобритания, Бразилия, Испания), а в 2011 г. заняла среди них (после ФРГ) шестое место⁷.

В период 2001 – первая половина 2008 г. Россия демонстрировала хорошие темпы экономического развития (до 7% в год), превышавшие как общемировые (4%), так и темпы развития постиндустриальных стран (2–3%).

Глобальный финансовый кризис 2008–2010 гг. применительно к России снизил ее традиционные конкурентные преимущества (резкое падение цен на экспортно-сырьевую продукцию), высветил и обострил проблемы национальной банковской системы (для ее поддержания пришлось израсходовать около 200 млрд дол. золотовалютных запасов страны). Были остро поставлены вопросы выживания индустриального сектора, его финансового обеспечения, получения кредитов по разумным процентам, поддержки малого и среднего бизнеса, восстановления рыночного спроса, противодействия растущей безработице, возможностей инновационного курса развития. В целом управление страной на первом этапе кризиса явно оказалось не на должном уровне.

Спад промышленного производства в России оказался больше, чем в постиндустриальных странах. Однако и темпы выхода ее из кризиса (прирост ВВП в 3,8% в 2010 г., 4% в 2011 г., 3,8% в 2012 г.) оказались выше, чем в большинстве стран мира. Однако они недостаточны, чтобы уверенно «догонять» постиндустриальные страны по уровню развития экономики и «человеческого капитала». В целом докризисного уровня развития Россия достигла к середине 2012 г. и заняла 6-е место в мире (после США, КНР, Японии, Индии, ФРГ) и 2-е – в Европе по уровню ВВП⁸.

Следует учитывать, что значительная часть российского ВВП «накачана» нефтедолларами (при его расчетах учитывается стои-

мость экспорта), а содержательно и структурно он не является постиндустриальным. Наличие определенного золотовалютного запаса еще не означает создания постиндустриальной экономики, а является лишь стартовой макроэкономической предпосылкой различных вариантов экономического развития. В этом смысле также вряд ли корректно называть Россию «шестой экономикой мира».

В табл. 3 представлены сведения об уровне ВВП сорока государств, имеющих наибольшее значение этого показателя.

Таблица 3

ВВП 40 стран мира

№ п/п	Страна	Объем ВВП в трлн дол.
1	2	3
	<i>Евросоюз в целом</i>	18 852
1.	США	14 331
2.	Китай	7800
3.	Япония	4348
4.	Индия	3267
5.	<i>ФРГ*</i>	2863
6.	Россия	2254
7.	<i>Великобритания</i>	2231
8.	Франция	2097
9.	Бразилия	1990
10.	Италия	1821
11.	Мексика	1599
12.	<i>Испания</i>	1378
13.	Канада	1307
14.	Южная Корея	1278
15.	Индонезия	916
16.	Турция	906
17.	Иран	842
18.	Австралия	800
19.	Тайвань	738
20.	<i>Нидерланды</i>	670
21.	<i>Польша</i>	667
22.	Саудовская Аравия	582
23.	Аргентина	575
24.	Таиланд	553
25.	Южная Африка	489
26.	Пакистан	453

1	2	3
27.	Египет	442
28.	Колумбия	400
29.	<i>Бельгия</i>	390
30.	Малайзия	387
31.	Венесуэла	356
32.	<i>Швеция</i>	349
33.	<i>Греция</i>	343
34.	Нигерия	338
35.	Украина	337
36.	<i>Австрия</i>	325
37.	Филиппины	320
38.	Швейцария	309
39.	Гонконг	307
40.	Румыния	271

*Страны Европы выделены курсивом.

Желательно учитывать, что начало XX в. было связано со становлением в мире IV технологического уклада, локомотивными отраслями которого были массовое производство, тяжелое машиностроение, автомобилестроение, самолеты, электрические машины. Локомотивами V технологического уклада (с конца 70-х годов XX в.) стали компьютеры, тонкая химия, телекоммуникации, электроника, Интернет. Отраслями VI технологического уклада выдвигаются биотехнологии, нанотехнологии, новая медицина, робототехника, высокие гуманитарные технологии, полномасштабные системы виртуальной реальности, новое природопользование, «умная» экономика и политика. Отсюда важнейшая задача российской технологической составляющей российской модернизации – «успеть войти в последний вагон уходящего поезда VI технологического уклада»⁹.

Постиндустриальные страны, несмотря на кризис, вкладывают огромные суммы в развитие наукоемких проектов, в ряде случаев пытаясь реализовать уже сегодня перспективные планы 2010–2013 гг. (создание сверхскоростных трасс, разработка новых источников энергии, материалов, чипов, перевод государственной службы с бумажных носителей на электронные и т. д.).

В 1960–1980-е годы Россия занимала второе после США место в мире по численности персонала, занятого исследованиями и разработками. В 2002 г. по этому показателю Россию обошел Китай, и вопреки мировой тенденции численность научно-исследователь-

ского персонала в Российской Федерации пока не растет. Россия существенно уступает передовым странам по абсолютным показателям финансирования науки¹⁰.

Существенным индикатором благосостояния является достигнутый уровень ВВП на душу населения. Этот показатель в России хотя и вырос за последнее десятилетие, но пока в два-три раза ниже, чем в постиндустриальных странах.

Все большее значение в оценочных характеристиках благосостояния людей и уровня развития общества занимают интегрированные показатели, характеризующие «качество» жизни, управления, демократии, конкурентоспособности и т. д. В этих показателях даются обобщенные оценки соответствующих параметров. К сожалению, в мировых рейтингах Россия пока занимает более низкие позиции (по сравнению с постиндустриальными странами) по таким показателям (индексам), как качество жизни (безопасность, продолжительность жизни, экология, качество образования и медицины, благосостояние), уровень конкурентоспособности общества и государства, транспарентности органов управления, борьбы с коррупцией и др. Учет этих показателей имеет важное значение для проектирования развития страны.

Важную роль в мировой политике играет «Большая восьмерка», включающая глав США, Канады, ФРГ, Великобритании, Франции, Италии, Японии и с 2006 г. – России. Возрастает роль БРИКС в мировой политике¹¹. Уже сегодня их экономический потенциал приблизился к 25% мирового ВВП.

Таблица 4

Мировой и геополитический потенциал БРИКС

Страна	Население и место в мире ¹²	Территория (кв. км) и место в мире ¹³	Рейтинг ВВП (в дол.) и место в мире
Бразилия	193 млн – 5	8512 тыс. км – 5	1900 млрд – 9
Россия	142 млн – 9	1 7075 тыс. км – 1	2225 млрд – 7
Индия	1,16 млрд – 2	3287 тыс. км – 7	3267 млрд – 4
Китай	1,4 млрд – 1	9600 тыс. км – 3	7800 млрд – 2
ЮАР	50 млн – 25	1220 тыс. км – 24	505 млрд – 26

В мировой политике повышается роль группы 20 ведущих государств мира. Клуб G20 представляет крупнейшие экономики планеты. В него входят: Аргентина, Австралия, Бразилия, Вели-

Кобритания, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ФРГ, Южная Корея, ЮАР, Япония и представительство ЕС. На их долю приходится 90% мирового ВВП и $\frac{2}{3}$ населения мира.

Основные цели антикризисных саммитов G20: обсуждение необходимых действий по предотвращению глобальной рецессии, дефляции, укреплению финансового сектора и недопущению протекционизма, принятие мер для перехода мировой экономики к устойчивому росту, реформирование международных институтов, выработка общих требований в сфере макроэкономической, в том числе бюджетной и денежно-кредитной, политики, укрепление резервных валют, оптимизация регулирования деятельности рейтинговых агентств и аудиторских компаний, биржевой торговли и офшорных зон.

Предыдущий опыт создания мегатрендов показал как их реалистические аспекты, так и ограничения. Их проблемной стороной оказался прогностический политико-экономический потенциал, представленный в американско-евроцентристской нелиберальной парадигме¹⁴.

Известный норвежский математик и социолог Йохан Гальтунг предложил свое видение десяти трендов, меняющих мир в XXI в.¹⁵

Таблица 5

Десять трендов на XXI век

Глобальные тенденции	Социальные тенденции
Закат и падение империи США	Укрепление наций
Закат Запада	Укрепление гражданского общества
Ослабление государств и усиление регионов	Рост активности молодежи
Подъем ряда развивающихся стран	Повышение роли женщин
Рост КНР	Усугубление неравенства и мятежи

Российские исследователи предложили и спроектировали ряд стратегических глобальных прогнозов на периоды до 2020-х и даже 2030-х годов. В них рассмотрены основные мегатренды с учетом роли Российской Федерации. Речь идет об официальной программе «Россия 2020»¹⁶, проекте ИНСОП¹⁷, комплексных исследованиях под руководством С.А. Караганова, А.А. Дынкина и др.¹⁸ Интересны издания специализированных зарубежных исследовательских центров¹⁹, известных прогнозистов: Зб. Бжезинского²⁰, Дж. Фридмана²¹ и других.

Учитывая опыт создания предыдущих трендов глобального общественного развития, можно предложить прогнозный вариант 25 мегатенденций на период до 2024 г.²² Его целесообразно рассматривать как ориентирующую часть прогнозного проекта «XXI век – глобальное утро цивилизаций».

Следующую фазу развития человечества можно определить по аналогии с периодом, названным А. и Б. Стругацкими в своих романах как «XXI век – полдень»²³. В нашем подходе эта фаза будет определяться как «глобально-космический полдень XXI века».

Таблица 6

Мегатенденции глобального развития 2012–2024 (проект)

№ п/п	Мегатенденции
1	2
1.	Перенос богатства и влияния с Запада на Восток (и Россию), возрастание роли восточных политик, культур, религий, экономик, цивилизаций, народов
2.	Перестройка мирового управления в цивилизационно-сопряженной картине мира
3.	Всемирное «электронное правительство» и новая глобальная реинтеграция
4.	Отставание международных институтов от быстрых перемен
5.	Возможные глобальные финансовые кризисы в связи с новыми этапами НТР, увеличением людей пенсионного возраста, снижением производительности труда, покупательной способности и неэффективным управлением
6.	Увеличение многочисленности явных и латентных субъектов и кластеров противоречивого глобального развития
7.	Формирование транснациональных информационно-сетевых миров при доминантной роли мировых элит
8.	Всемирная тенденция к формальным демократическим структурам, управляемая демократия в крупных странах, повышение роли государства
9.	Замедляющаяся демократизация и усиление корпоративных структур
10.	Повышение роли низовых самоуправляющихся организаций
11.	Средний класс – рост в Азии и «стабилизация» на Западе при увеличении бедности
12.	Взлет пропаганды, новых глобальных информационных средств и «конец идеологии»
13.	Фабрики мысли как факторы мировой политики
14.	Увеличение присутствия женщин и молодежи в ключевых сферах

1	2
15.	Рост миграции и небелого населения
16.	Растущий конфликтный потенциал, повышение роли иррегулярных сил в региональных и локальных конфликтах, вспышки сепаратизма и терроризма
17.	Новые движения и войны за ресурсы, включая космос
18.	Борьба за лидерство в освоении возможностей VI технологического уклада
19.	Новые возможности человека в связи с использованием нано- и биотехнологий
20.	Социокультурный национализм на фоне глобализации и деглобализационные тренды
21.	Технологии, знания и управления как факторы, меняющие правила глобальной игры
22.	Рост продолжительности жизни
23.	Широкое освоение ближнего космоса
24.	Восстановление Россией статуса в ареале евроазиатской цивилизации, ЕАС
25.	Стремление этносов к повышению государственного и международного статуса

Анализ, прогнозирование и учет мегатенденций помогают яснее представить работу национальных и всемирных механизмов развития, обосновать ряд соответствующих прогнозов, воплощать их, ориентируясь на проектируемое будущее.

Примечания

¹ См.: *Нэсбитт Дж. и Эбурдин П.* Что нас ждет в 90-е годы: Мегатенденции: Год 2000: Десять новых направлений на 90-е годы: Пер. с англ. М., 1992; *Naisbitt J., Aburdene P.* 10 New Directions Transforming Our Lives. N.Y.: Warner Books, 1984; *Naisbitt J.* Megatrends Asia: Eight Asian Megatrends That Are Reshaping Our World. N.Y., 1996; *Naisbitt J., Aburdene P.* 2000: Ten New Directions For The 1990s. N.Y., 1990; *Naisbitt J.* *Mind Set!* Reset Your Thinking and See the Future. N.Y., 2006; *Naisbitt J.* China's Megatrends: The 8 Pillars Of A New Society. N.Y., 2010. Эти книги опубликованы во многих странах мира общим тиражом более 14 млн экземпляров.

² См.: Россия и мир в 2020 году: «Контурсы мирового будущего». М., 2005. С. 172–180.

³ См.: *Roubini N., Mihm S.* Crisis Economics: A Crash Course in the Future of Finance: The Penguin Press, USA, 2010.

- ⁴ См.: *Якунин В.И.* Лекция в Лондонской школе экономики 17 февраля 2009 г. М., 2009. С. 22.
- ⁵ См.: *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами: Пер. с англ. М., 2004; *Gat A.* The Return of Authoritarian Great Powers // *Foreign Affairs*. July/August. 2007. Vol. 86. № 34. P. 59.
- ⁶ См.: *Россия и мир: Новая эпоха: 12 лет, которые могут все изменить* / Ред. С.А. Караганов. М., 2008. С. 57.
- ⁷ По данным Всемирного банка, Международного валютного фонда. *The World Factbook 2008–2012*.
- ⁸ По данным Всемирного банка, Международного валютного фонда. *The World Factbook 2008–2012*.
- ⁹ *Малинецкий Г.Г.* Проектирование будущего и модернизация // Футурологический конгресс: будущее России и мира / Ред. С.С. Сулакшин. М., 2010. С. 121.
- ¹⁰ См.: *Наука и власть: проблема коммуникаций* / Ред. С.С. Сулакшин. М., 2009. С. 21.
- ¹¹ БРИК (англ. BRIC) – устоявшаяся аббревиатура от названий четырех быстро развивающихся стран (**B**razil, **R**ussia, **I**ndia, **C**hina). Сокращение было впервые предложено Голдман–Сакс (один из крупнейших коммерческих банков, штаб-квартира в Нью-Йорке, капитализация 74 млрд дол.) в ноябре 2001 г. С вхождением ЮАР в ее состав – стала называться **БРИКС**.
- ¹² Население 15 наиболее населенных стран мира: КНР – 1380 млн; Индия – 1165; США – 301; Индонезия – 246; Бразилия – 193; Пакистан – 173; Бангладеш – 157; Нигерия – 146; Россия – 142; Япония – 127; Мексика – 110; Филиппины – 94; Вьетнам – 87; Германия – 82; Египет – 82 млн человек.
- ¹³ Территория 10 наиболее обширных стран: Россия – 17 075; Канада – 9976; КНР – 9596; США – 9518; Бразилия – 8511; Австралия – 7686; Индия – 3287; Аргентина – 2766; Казахстан – 2727; Судан – 2505 тыс. кв. км.
- ¹⁴ См.: *Ирхин Ю.В.* Глобальные тренды развития: новые проблемы и вызовы для России // *Социально-гуманитарные знания*. 2011. № 3. С. 10.
- ¹⁵ См.: *Гальтунг Й.* Неотвратимые потрясения и революционное обновление // *Россия в глобальной и мировой политике*. 2011. № 4. С. 28.
- ¹⁶ См.: *Стратегия развития: Россия 2020: Выступление Президента РФ на расширенном заседании Государственного совета*. М., 2008; См.: *Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» – пять статей В.В. Путина о долговременных задачах развития России* – <http://www.putin2012.ru>.
- ¹⁷ См.: *Россия XXI века: образ желаемого завтра: Доклад Института современного развития*. М., 2010.
- ¹⁸ См.: *Россия и мир: Новая эпоха...; Стратегический глобальный прогноз 2030* / Ред. А.А. Дынкин. М., 2011.

- ¹⁹ Мир после кризиса: глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. М., 2009.
- ²⁰ *Бжезинский Зб.* Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2010.
- ²¹ *Фридман Дж.* Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М., 2010.
- ²² См.: *Irkhin Y.V.* Global Development, Waves and Periods in 2000, 2020 and 2040 / Problems of Contemporary World Futurology / Ed. by V.I. Yakunin // Cambridge Scholars Publishing, United Kingdom. The book first publishing 2011. P. 324.
- ²³ См.: «Полдень. XXI век» – российский журнал (альманах) фантастики (с 2002 г.). Главный редактор журнала Б.Н. Стругацкий говорил, что в концепции журнала «фантастика понимается предельно широко: научная, фантастический реализм, альтернативная история и др.».

АНАТОМИЯ МАСКИ ПРОТЕСТА: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

В политический дискурс современности прочно вошел образ маски как часть акции протеста. Маска напрямую связана с перформативностью как способом репрезентации сообщения. В свою очередь, коммуникативный потенциал маски напрямую зависит от ее семиотической структуры. Отдельно следует отметить специфический медийный канал распространения сообщений – портал YouTube. Размещенный там ролик становится практически самостоятельным высказыванием.

Рассмотренные примеры – политические акции группы интернет-активистов Anonymous в США и политический перформанс панк-группы Pussy Riot в России – позволяют предположить, что актуальность маски как символа современных протестных движений базируется на потребности создания индивидуальной и групповой идентичности. А так называемые новые медиа (YouTube) являются наиболее эффективным каналом ее продвижения. В итоге маска протеста становится востребованным брендом, переходя из сферы политических коммуникаций в сферу маркетинга.

Ключевые слова: политический дискурс, миф, перформанс, семиотика массовых коммуникаций, новые медиа, бренд.

Маска как коммуникативный феномен обладает не просто развернутой социокультурной этиологией, но ярко выраженными мифологическими чертами. Можно смело говорить о том, что использование маски изначально коммуникативно маркировано. При этом коммуникация осуществляется не только и не столько на межличностном уровне, сколько в пространстве символического обмена.

Этнографы и культурологи связывают с маской две доминирующие функции: коммуникативную и репрезентирующую. Репрезентирующая функция подразумевает, что маска обозначает принципиально иное существо, отождествляемое с ее носителем. Так, шаман будет восприниматься как то божество, маску которого он надевает. Как подчеркивает автор развернутого исследования «Очерки христианского символизма», «маска является действующим лицом, а не его отображением... Маска – это действительно дух мертвого или представляемого животного – прямой онтологический символ этих сил, потому что сами эти силы живут в ней»¹.

С другой стороны, если акцент делается не на репрезентации, а, напротив, на обезличивании, то складывается принципиально иная ситуация. «Безликая» маска указывает скорее не на верхний мир (мир богов), а на нижний (мир мертвых). Можно вспомнить в качестве примера святочные маски на Руси, где с помощью берестяной «личины» как раз изображали ушедших предков.

«Безликие» личины имеют заметное сходство с балаклавами – масками XX в., которые изначально выполняли в рамках социума две функции: во-первых, противопоставить себя существующей системе, а во-вторых – скрыть свою внешность с целью остаться неузнанным.

Именно радикальные организации впервые стали использовать балаклаву в своих акциях. Так, можно вспомнить трагические события на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 г., когда террористы из «Черного сентября» захватили спортсменов израильской команды. Характерно, что балаклава как головной убор до сих пор вызывает у израильтян именно такие ассоциации: «Покрой этот один в один соответствует моде Мюнхенской олимпиады 1972 г.»².

Таким образом, в XXI в. основная коммуникативная функция маски – не скрывать, а напрямую обозначать принадлежность ее носителя и информировать об этом потенциальных наблюдателей.

Во многом поэтому протестные движения столь склонны визуализировать свой протест именно с помощью маски. События в различных странах в 2011–2012 гг. показали, что наибольшей популярностью в различных группах протеста – от движения Occupy Wall Street до митингов в поддержку панк-группы Pussy Riot в Москве и Нью-Йорке – пользовались маски, за которыми стоит некое четко сформулированное послание. Причем в случае с движением Occupy Wall Street использовался готовый символ, а именно – маска из кинофильма «В значит Вендетта», получившая

распространение благодаря выступлениям движения интернет-хакеров Anonymus.

История появления этой маски изначально политизирована. Кинолента «В значит Вендетта» (2005) была снята по сценарию братьев Вачовски, которые также выступили продюсерами. Сценарий основан на одноименном комиксе Алана Мура и Дэвида Ллойда (1982–1985). Комикс (или, следуя англоязычной традиции, – графический роман) был изначально политизирован. Полемика была направлена против политики кабинета Маргарет Тэтчер. Автор сюжета Алан Мур в предисловии к переизданию комикса называл себя и своего соавтора Кассандрами, предсказавшими смену правительства³. Эти графические серии были столь популярны, что в 1999 г. «В значит Вендетта» был внесен в список «Сто комиксов столетия»⁴.

В фильме братьев Вачовски главный акцент тем не менее сделан на «пробуждении» граждан и их готовности к социально значимым поступкам. Герой «Вендетты» стимулирует протестные настроения англичан – в том числе и путем повышения осведомленности о себе и своих действиях. Он также рассылает колоссальное количество костюмов Гая Фокса жителям Лондона, копирующих его собственный облик. В результате в ночь на 5 ноября (канун исторического «Порохового заговора» в Лондоне) на улицы выходят тысячи людей в костюмах и масках Гая Фокса. Полиция отказывается в них стрелять. В соответствии с планами главного героя на воздух взлетает здание Парламента, что символизирует и крах тоталитарной системы. В этот момент люди на площади снимают маски, становясь не толпой, а собранием личностей. Собственно, именно данный эпизод является одним из важнейших в фильме – в противном случае ключевое сообщение прочитывалось бы иначе. Единство людей в масках можно было бы рассматривать всего лишь как антитезу людям в шлемах – иными словами, оппозиция и полиция могли оказаться оборотными сторонами одной медали.

Собственно, дальнейшая судьба маски героя «Вендетты» подтверждает это. Маска Гая Фокса, она же маска Ви (V) из кинофильма, стала называться также Anonymus и окончательно перешла из разряда кинематографических цитат в разряд атрибутов различного рода протестных движений.

Само понятие “anonymus” впервые появилось в 2003 г. на англоязычном веб-форуме в качестве обозначения анархической общности анонимных интернет-пользователей, составляющих вместе нечто подобное «глобальному мозгу». Однако начиная с 2008 г. этот

термин все шире применяется к организованным акциям протеста. В англоязычных сообществах сторонников подобных движений называют также хактивистами (hacktivists). Термин представляет собой гибрид слов «хакер» (hacker) и «активист» (activists).

Более того, именно тогда участники акций, чтобы остаться неузнанными, использовали маску Гая Фокса из фильма «В значит Вендетта», протестуя против действий сайентологов в 2008 г. в Лондоне. Именно тогда маска, прочно ассоциирующаяся с нон-конформизмом и протестными настроениями, впервые фигурировала в рамках реальной акции. Ей предшествовал видеоролик, размещенный на YouTube, представители движения обращались к церкви сайентологии, укоряя ее во лжи, лицемерии и подавлении свободы слова. Обращение заканчивалось словами: «We are Anonymous. We are legion. We do not forgive. We do not forget. Expect us» («Мы – анонимы. Нас легион. Мы не прощаем. Мы не забываем. Ждите нас»)⁵. Неудивительно, что именно эта маска стала символом движения Occupy Wall Street и подобных ему протестных акций по всему миру.

Тема анонимности, безликости и, как следствие, взаимозаменяемости участников движения Anonymous также присутствует и в локальной идеологии панк-группы Pussy Riot. Это объясняется леворадикальными взглядами участниц группы, называющих себя сторонницами «политизированного феминизма» и «левого антиавторитаризма»⁶.

В этой связи более чем характерно интервью, взятое журналисткой «Новой газеты» у анонимных участниц группы. Так, одна из них прямо говорит: «Идея в том, что каждый человек, каждая девушка может быть Pussy Riot. Идея анонимности, взаимозаменяемости – в группе нет постоянного состава. Для того чтобы стать Pussy Riot, нужно просто надеть балаклаву». В интервью также фиксируется лабильный состав панк-группы («нас несколько десятков») и, что особенно важно, ее сетевая структура: «Они взяли трех – как они считают, главных. Хотя у нас вообще нет главных, у нас совершенно горизонтальная структура, акции создает каждый»⁷.

Строго говоря, панк-группа Pussy Riot может быть сведена к балаклавам, анонимным текстам песен и агрессивным перформансам. Личности исполнительниц значения не имеют. Сама группа при этом становится «знаком протеста». С семиотической точки зрения внешние проявления деятельности группы можно отождествить с денотатом (формой), тексты песен – с сигнифика-

том (содержанием), а провоцируемые ими чувства у реципиентов – с коннотатом (эмоциональной окраской).

Соответственно, маска (в данном случае – разноцветные балаклавы) выполняет несколько коммуникативных функций: обеспечение неузнаваемости (препятствие опознанию участниц группы со стороны правоохранительных органов), обозначение принадлежности к группе и одновременно проявление собственной идентичности.

При этом протестная направленность творчества группы четко укладывается в смысловое поле контркультуры. Здесь Pussy Riot опять-таки пересекается с хакерским движением Anonymus. Характерная деталь – ответственность за сайт Хамовнического суда, взломанный 21 августа 2012 г., взяло на себя именно движение Anonymus⁸.

Именно контркультура благодаря склонности к выражению радикального протеста максимально приближается к сфере политической активности. Показательно, что работа «Индустриальное общество и его будущее» Теодора Качински, известная также как «Манифест Унабомбера», содержит в себе целый ряд положений, характерных именно для контркультурной критики: развенчание общества потребления, обвинения рядовых потребителей в конформизме, тотальный контроль за гражданами с применением новейших технологий, уничтожение природы и т. д. Отсюда и террористическая деятельность Качински, который рассылал бомбы сотрудникам американских университетов. Если воспринимать культуру и – шире – общество как сугубо репрессивную систему, то «любой человек, нарушающий правила по любой причине, может заявить о проведении акции сопротивления»⁹.

Контркультура обладает еще одной специфической тенденцией – протест зачастую оказывается коммерчески выгодным. Начиная с сентября 2011 г. продажи маски Гая Фокса, копирующую ту, которая фигурировала в фильме «В значит Вендетта», на сайте Amazon.com достигли показателя нескольких сотен тысяч. Закономерная ирония данной ситуации заключается в том, что продажа каждого экземпляра маски обогащает одну из корпораций, против существования которой и протестуют ее покупатели, – компанию Warner Brothers. Именно она продюсировала фильм, выпускает маски и издает газету “Times”, которая пишет о протестах против корпораций. Иначе говоря, сам символ протеста оказывается результатом действий тех, против кого протестуют. Более того, коммерческий проект становится частью протеста.

При этом художник Дэвид Ллойд, один из создателей маски, прямо заявляет о своей радости по поводу того, что маска стала узнаваемым брендом и одновременно узнаваемым символом протеста: «...я счастлив, что люди используют ее. Она стала единственной иконой популярной культуры, используемой подобным образом»¹⁰.

В случае с Pussy Riot ситуация обратная – протестная группа стала брендом, а балаклава – его неотъемлемым визуальным и смысловым компонентом. 21 августа 2012 г. адвокат М. Фейгин заявил о том, что название Pussy Riot запатентовано. Формально права принадлежат компании «Веб-Био»¹¹. И здесь на первый план неизбежно выходит вопрос о коммерческой составляющей проекта. Само по себе понятие «торговая марка» уже функционирует на территории маркетинга, а не политических коммуникаций или современного искусства. В свою очередь, различие между брендом и торговой маркой заключается в наличии у бренда репутационного капитала, который создает условия для дальнейшей монетизации. В случае с Pussy Riot речь идет о коммерциализации протеста.

Подобное явление, в свою очередь, – часть системы общества потребления. И хотя прямых свидетельств использования вербальной или визуальной составляющей торговой марки Pussy Riot на данный момент практически нет, крупнейший портал Sostav.ru, посвященный вопросам рекламы, маркетинга и PR, уже четко заявляет: «Группа и ее, безусловно, яркий внешний образ уже состоялись как общественный феномен и узнаваемый бренд». Перспективы коммерческого использования бренда эксперты, как правило, видят в музыкальной среде или сфере моды. Так, К. Черепков, клипмейкер и соучредитель продюсерской компании SEVER Production, считает, что в наших силах сделать из Pussy Riot самую известную российскую музыкальную группу на Западе со времен ТаTu¹².

В свою очередь, генеральный директор агентства Saatchi & Saatchi» Шэннон Куллум выражает сомнения в коммерческом потенциале ле бренда. С другой стороны, он четко вычленяет принципиально важные смысловые компоненты сообщения, которое несет этот бренд: «Бренд должен добавлять смысл. В случае с Pussy Riot это бунтарский настрой, энергетика молодости, хождение по краю»¹³.

Как бы то ни было, но получение коммерческих доходов от бренда панк-группы представляет собой в некоторой степени когнитивный диссонанс. Сама идеология панк-движения (как и любая радикально левая идеология) подразумевает борьбу с существую-

щей системой вещей, а не встраивание в нее. Возможно, именно поэтому адвокаты участниц группы подчеркивают, что решение зарегистрировать торговую марку Pussy Riot вызвано желанием избежать провокаций с использованием названия¹⁴.

Тем не менее принципиально важен сам факт регистрации, равно как и признание Pussy Riot брендом со стороны специалистов. И здесь мы снова видим сходство между маской Анонимуса и балаклавами: протест неизбежно встраивается в дискурс общества потребления.

Собственно, феномен Pussy Riot в России обусловлен именно высоким протестным потенциалом их акции, но никак не художественным уровнем текстов и их исполнения. Более того, группа получила широкую известность не только в России, но и за ее пределами не благодаря ее творческой деятельности и даже не благодаря ее идеологии – а благодаря специфически провокативной акции в храме Христа Спасителя, получившей название «панк-молебен».

Последствия же выступления Pussy Riot в храме Христа Спасителя были таковы, что вызвали колоссальный резонанс не только в России, но и в мировом сообществе. Суд над участницами, вынесение им приговора и бурная реакция на это в социуме трансформировали «знак» в «миф». И произошло это именно благодаря общественному мнению.

Таким образом, мы имеем дело с созданием своего рода «мифа протеста». Причем сфера бытования этого мифа – интернет-пространство, прежде всего блоги.

И здесь нас интересует именно коммуникативный аспект. С этой точки зрения само событие представляется сугубо медийным. Формально оно состояло из трех этапов. 19 февраля 2012 г. участницы группы развернули звукоусилительную аппаратуру в Богоявленском соборе в Елохове. Само выступление там не состоялось – охрана вывела всех участниц. 21 февраля 2012 г. девушки появились в храме Христа Спасителя, где в течение 20–23 секунд осеяли себя подобием крестного знамения, стоя на коленях на амвоне и солее храма. По словам адвоката М. Фейгина, общее время нахождения на амвоне составило сорок одну секунду¹⁵.

Заключительный этап состоял из монтажа видеоролика (на основе снятых кадров в храме Христа Спасителя и Богоявленском соборе), дополненного студийной звуковой дорожкой, и размещения его на ресурсе YouTube. Этот ролик рассматривался экспертами в рамках уголовного дела против участниц группы.

Таким образом, «панк-молебен» группы Pussy Riot представляет собой, по сути дела, медийный симулякр, распространяемый по каналам Интернета.

Именно ролик несуществующего выступления группы не только, как уже упоминалось, лег в основу судебного обвинения, но и стал мощным фактором формирования повестки дня как на протяжении всего процесса, так и после него.

Феномен иллюзорной акции доказывает правоту Э. Ги Дебора, сформулировавшего концепцию так называемого общества спектакля. Собственно, перформанс как таковой является порождением именно восприятия реальности как зрелища. В «Обществе спектакля» он подчеркивает: «Общество, базирующееся на современной индустрии, не является зрелищным случайно или поверхностно – в самой своей основе оно является зрительским... Спектакль не стремится ни к чему, кроме себя самого»¹⁶. Далее он формулирует непосредственно тот аспект феномена спектакля, который стал основой для раскола во мнениях по поводу перформанса в России: «Спектакль – это материальная реконструкция религиозной иллюзии».

Еще один важный аспект касается общественной реакции на перформанс и отражение ее в интернет-пространстве. Наиболее интересен здесь следующий факт – практически все участники дискуссии на самых разных коммуникативных площадках воспринимают «панк-молебен» как полностью состоявшееся событие. Ни сторонники, ни противники Pussy Riot не делают различий между реальным перформансом, продолжавшимся, по различным данным, от 41 до 43 секунд, и смонтированным видеороликом, выложенным на YouTube. Иначе говоря, категория событийности практически полностью переместилась из области фактов в область субъективного восприятия.

И здесь весьма показательны рассуждения одного из крупнейших теоретиков современного искусства, Бориса Гройса. Он, в частности, подчеркивает, что истинная художественная акция не несет в себе никакого специфического сообщения: «Если это действительно хорошая акция, то ее месседж – фиксация внимания на ее контексте»¹⁷. Иными словами, акция Pussy Riot может быть отнесена к современному искусству именно потому, что лишена сообщения. И в этом смысле действия группы в храме Христа Спасителя – современное искусство, тогда как выложенное в Интернете видео с четко выраженным сообщением – нет.

Норберт Болц в своем исследовании «Азбука медиа» подчеркивает: «... для современной культуры характерно, что восприятие

коммуникации все более занимает место восприятия мира. Или, говоря иначе, *что* есть мир, мы узнаем из медиа»¹⁸.

О разъединенности в обществе рассуждает также ученый и публицист Александр Архангельский. В своем блоге в Живом Журнале он подчеркивает: «На пусях нас раскололи – на большинство, которое за суд, и меньшинство, которое против. Внутри меньшинства – на тех, кто считает приговор незаконным, но действия панкушек безобразными, и тех, кто восхищен их бескомпромиссным героизмом»¹⁹.

Раскол в обществе, выявленный реакцией на действия Pussy Riot, обусловлен отсутствием четко сформулированной идентичности. И здесь выступление панк-группы взяло на себя функцию водораздела. Протест или поддержка действий панк-группы, равно как и самих ее участниц, выполняют функцию своего рода суррогатной идентичности. Необходимо подчеркнуть тот факт, что отсутствие четко сформулированной идентичности в среде российских граждан начиная с 1991 г. неоднократно фиксировалось различными исследователями. Так, в одной из публикаций Левады-центра подчеркивается, что развенчивание советской идеологии и разрушение идентичности советского человека не сопровождались «выработкой других ориентиров и общественных идеалов». Вместо этого наблюдается имитация прежних символических моделей: «Ностальгия по былому величию, идеализация недавнего прошлого, прежде всего мифологизация победы во Второй мировой войне, обрядово-магическая сторона религиозного возрождения»²⁰.

Именно упомянутая «обрядово-магическая» сторона религии вышла на первый план в восприятии действий Pussy Riot.

Сам перформанс группы в храме Христа Спасителя многими искусствоведами и культурологами расценивается в традициях карнавальная и смеховая культура. В частности, подчеркивается, что проведение «панк-молебна» совпало с Масленичной неделей, а сами участницы сравниваются с юродивыми, также выбиравшими для своих высказываний церковную паперть. Классический пример подобного рода – образ юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».

Эстетика юродивых и шутов-трикстеров принципиально иная. Традиция юродивых не предполагала сугубо карнавальное переодевание, тогда как «сценические» костюмы Pussy Riot (яркие платья и колготки, разноцветные балаклавы) и являются, по сути, маской, шутовством.

В отличие от фундаментального исследования М.М. Бахтина, посвященного непосредственно карнавальной культуре, современная религиозная мысль любое проявление смехового начала воспринимает скорее как угрозу хаоса, нежели как утверждение космоса (порядка): «В их лице вновь схлестнулись хаос и структура»²¹.

Достаточно жесткие и порою более чем агрессивные призывы к осуждению участниц группы звучали во время судебного процесса над ними настолько часто, что с осуждением жестокости сочли необходимым выступить целый ряд православных священников, в том числе Андрей Кураев.

Крайне важно, что Кураев фиксирует наивысший накал напряженности именно в интернет-блогах, где представителями РПЦ был допущен ряд ошибок в управлении коммуникациями: «Главная ошибка была в другом: в блогах и массмедиа, в том числе церковных, зачастили речевки на тему “не забудем, не простим”. И шло это на фоне публичных мечтаний многих вроде бы православных людей о том, какому физическому насилию или даже казни они мечтали бы предать этих девок. Церковные спикеры не нашли в себе сил жестко отмежеваться от этих “мечтателей” и осудить погромные настроения в зародыше. Звучащие на этом фоне их призывы к непорочению и уголовному наказанию смотрелись как поощрение экстремистов. То есть голос экстремистов стал восприниматься как голос самой Церкви»²².

В целом можно отметить, что попытка возмещения лакуны идентичности с помощью демонстративной рефлексии по поводу выступления панк-группы многими экспертами расценивается скорее как симулякр общности, нежели как ее обретение.

Выводы таковы. Во-первых, маска, скрывающая личность ее носителя, является характерной чертой представителей контркультуры и современных протестных движений как в США, так и в России.

Во-вторых, семиотика этой «маски протеста» такова, что она обеспечивает идентичность ее носителя и принадлежность к определенной социальной группе. Локальная идеология этой группы, в свою очередь, подразумевает не только анонимность и взаимозаменяемость участников, но и сетевую структуру.

В-третьих, необходимым компонентом любой акции протеста являются медиа. Использование блогов и размещение видеороликов создают альтернативный медиадискурс, который переводит видеоряд в категорию состоявшегося события.

- ¹ *Арабаджи Д.В.* Очерки христианского символизма. Одесса: Друк, 2008. С. 224.
- ² См.: http://www.regnum.ru/news/1562588.html?fb_action_ids=375708555831700%2C375490112520211&fb_action_types=og.recommends&fb_ref=article_bottom&fb_source=other_multiline&action_object_p=%7B%22375708555831700%22%3A10151111818573641%2C%22375490112520211%22%3A111357432349352%7D&action_type_map=%7B%22375708555831700%22%3A%22og.recommends%22%2C%22375490112520211%22%3A%22og.recommends%22%7D&action_ref_map=%7B%22375490112520211%22%3A%22article_bottom%22%7D
- ³ См.: *Moor A.* Introduction: "V for Vendetta". N.Y.: DC Comics, 1990.
- ⁴ См.: *The Comics Journal*. February. 1999. № 210. P. 44.
- ⁵ См.: *Landers Ch.* Serious Business: Anonymus Takes on Scientology (and Doesn't Afraid of Anything). – <http://www2.citypaper.com/columns/story.asp?id=15543>.
- ⁶ См.: *Туровский Д.* «Что же вы делаете, девчонки?»: Pussy Riot о борьбе с режимом и любви к котикам // Афиша. 2012. 24.01 Цит. по: <http://lenta.ru/lib/14216713/>
- ⁷ См.: *Костюченко Е.* Каково быть Pussy Riot. – <http://www.novayagazeta.ru/society/54023.html>.
- ⁸ См.: Сайт Хамовнического суда взломан хакерами. – <http://www.rbcdaily.ru/2012/08/21/society/562949984559652>
- ⁹ См.: *Хиз Дж., Поттер Э.* Бунт на продажу: Как контркультура создает новую культуру потребления. М.: Добрая книга, 2007. С. 165.
- ¹⁰ *Waites R.* V for Vendetta mask: Who's behind them? – <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-15359735>
- ¹¹ См.: http://tvrain.ru/articles/galerist_ovcharenko_pussy_riot_ne_brend_a_religija-329511/
- ¹² См.: *Юдженич Е., Чепурной Е.* Время балаклав: Как Pussy Riot стали самым актуальным брендом современности. – http://www.sostav.ru/news/2012/08/17/pussy_riot_istoriya/
- ¹³ См.: *Дробинина Е.* Стоит ли бренд Pussy Riot миллион долларов? – http://www.bbc.co.uk/russian/business/2012/08/120823_pussy_riot_brand_cost.shtml
- ¹⁴ См.: *Чувильяев П.* Панк-молебен может принести ощутимый доход: Адвокаты Pussy Riot взяли управление их брендом на себя. – <http://www.mk.ru/social/article/2012/08/20/738725-pankmoleben-mozhet-prinesti-oschutimiy-dohod.html>
- ¹⁵ См.: *Королев С.* Интервью с Марком Фейгиным // Русская служба новостей. 2012. 19.04. – <http://rusnovosti.ru/guests/interviews/163402/198518/>
- ¹⁶ *Дебор Ги Э.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000. С. 26.
- ¹⁷ См.: *Гройс Б.* «Думаете, западная публика любит современное искусство? Ни фигу подобного!» – <http://www.afisha.ru/article/boris-grojs-o-pussy-riot-fundamentalistah-i-zasil-e-videorolikov/>
- ¹⁸ См.: *Больш Н.* Азбука медиа. М.: Европа, 2011. С. 99.

- ¹⁹ См.: *Архангельский А.* Расщепители. – <http://arkhangelsky.livejournal.com/260294.html>
- ²⁰ См.: *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А.* Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008. С. 11.
- ²¹ *Арабаджи Д.В.* Указ. соч. С. 229.
- ²² См.: *Кураев А.* Богословие любви и богословие ненависти. – <http://www.pravmir.ru/bogoslovie-lyubvi-i-bogoslovie-nenavisti/>

Политика в реальности разнообразия

Н.Н. Литягин

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ РАЗНООБРАЗИЯ

С переходом к рыночной экономике качественно изменилась экономическая роль государства, государственное регулирование экономических отношений перестало быть всеобъемлющим, детальным, носит стратегический характер. Это наглядно проявляется в инвестиционной сфере. В статье рассмотрены вопросы совершенствования правовых аспектов государственной инвестиционной политики, создания организационно-правовых предпосылок ее реализации.

Ключевые слова: экономическая роль государства, государственное регулирование экономики, рыночное регулирование экономических процессов; инвестиционные отношения, инвестиционная политика, правовые аспекты инвестиционной политики.

В отечественной науке экономическая роль государства оценивается неоднозначно, является предметом острых дискуссий, при этом высказываются крайние суждения, от предъявляемых к государству требований «уйти из экономики» до признания необходимости усиления государственного влияния в этой сфере.

Отрицание экономической роли государства нельзя признать обоснованным. Мировой опыт, практика государств с развитой рыночной экономикой свидетельствуют о том, что и в условиях рыночной экономики государство является одним из важнейших субъектов экономических отношений и при этой модели хозяйствования оно включено во многие сферы экономической деятельности и при необходимости корректирует ее в целях защиты прав

и законных интересов потребителей и предпринимателей, а также защиты публичных интересов. Отказ от государственного регулирования экономических отношений объективно невозможен, и речь может идти лишь о допустимых пределах, формах и методах такого регулирования, оно должно носить преимущественно экономический характер. В данной связи следует отметить также, что неисполнение государством его имманентных функций в части регулирования экономики противоречит правовой природе государства, несовместимо с его правовым статусом публичного образования. В отличие от иных субъектов права, осуществляющих свои правомочия по своему усмотрению, государство лишено такой возможности. Права государства, его конкретных органов, являются одновременно и их обязанностями. Если государство не реализует свои права, оно, соответственно, не выполняет и свои обязанности. Имеющие место противоречивые представления об экономической роли государства обусловлены тем, что правовой статус государства как экономического субъекта сложен, специфичен, предопределен его публично-правовой природой. Это проявляется в особенностях экономической деятельности государства, организационно-правовых формах ее осуществления, составе и правовом режиме государственного имущества. Уяснение экономической роли государства осложняется и тем, что объем и содержание его экономической деятельности не остаются неизменными, они не только обусловлены непреходящими, объективными факторами, качественными изменениями в развитии производительных сил, но и в значительной мере предопределяются спецификой того этапа развития, на котором находится общество, в частности применительно к России, переходным к рыночным отношениям его состоянием, которое обусловило необходимость изменения форм и методов государственного регулирования экономики. Государственное регулирование экономических отношений объективно обусловлено и является очевидным. Реализуя эту функцию, государство предотвращает глобальные нарушения экономического равновесия, обеспечивает охрану среды обитания, экологическую безопасность. Осуществляемое государством воздействие на экономику требует видения экономической системы в целом и не может быть заменено рыночным регулированием. Необходимость в нем вызывается не только внутренними, но и внешними обстоятельствами. В условиях имеющей место глобализации, интеграции национальных экономик и расширения внешнеэкономических связей внутренние

социально-экономические проблемы осложнены влиянием общемировых факторов и тенденций, что также требует государственного регулирования экономических процессов и отношений в целях снижения уровня негативного воздействия той глобальной неопределенности, которая распространяется на Россию как на часть мировой финансово-экономической системы. Необходимость этих мер наглядно проявилась в условиях мирового финансово-экономического кризиса и порожденных им последствий. Правительства всех стран сейчас активно воздействуют на экономику, ищут пути инновационного ее развития. Как обоснованно отмечается в литературе, в условиях глобального кризиса и последующего выхода из него стимулирование инновационной направленности экономической деятельности является общемировым трендом¹. Государственное регулирование экономики обусловлено и другими факторами и является многообразным по своему содержанию. Использование конкретных способов регулирования экономических процессов и отношений осуществляется с учетом возникающей в них потребности, т. е. государственное воздействие на экономику носит избирательный характер, осуществляется при наличии определенных предпосылок. Оно может иметь место в целях стимулирования позитивных явлений и процессов в экономической сфере. Задача органов государственной власти в этих случаях состоит в том, чтобы своевременно выявить эти процессы и принять меры для их поддержки, суть которой заключается в целенаправленном воздействии на экономические процессы, обеспечивающем экономический рост, в том числе и правовыми средствами. Необходимость усиления государственного влияния возникает и при ухудшении экономического положения. В такие периоды государством применяются более жесткие, административные методы регулирования, а по мере стабилизации социально-экономической ситуации государственное воздействие на экономику уменьшается и в нем превалируют косвенные, экономические методы регулирования².

Осуществляемые в нашей стране глубокие социально-экономические и политические преобразования обусловили необходимость качественных изменений государственного воздействия на экономику, оно перестало быть всеобъемлющим, носит стратегический характер. Существенные изменения произошли в инвестиционной деятельности государства, качественно изменилась его роль и как инвестора и как регулятора инвестиционных отношений.

Являясь официальным представителем общества, государство разрабатывает и реализует социально-экономическую политику в стране, составной частью которой является и инвестиционная политика, включающая в себя комплекс проводимых государством мероприятий, направленных на создание благоприятных условий инвестирования и повышение на этой основе эффективности производства, на решение социальных задач, реализацию стратегического плана социально-экономического развития России. Присущими ему средствами государство создает условия для перелива капитала из одних отраслей и сфер деятельности в другие, выделяет приоритетные сферы и создает своей инвестиционной политикой предпосылки для ускоренного их развития, оптимизирует структуру общественного производства, способствует прогрессивным структурным сдвигам в экономике, сбалансированному ее развитию, обеспечивает поддержку малого и среднего бизнеса, экспортных производств, выпускающих конкурентоспособную продукцию. Важным инструментом реализации государственной инвестиционной политики является программно-целевой метод ее осуществления. Программно-целевой подход в планировании и управлении получил большое распространение, он используется в США, Франции и ряде других стран. В России стратегические долгосрочные и среднесрочные, оперативно-тактические краткосрочные цели социально-экономического развития периодически устанавливаются актами законодательной и исполнительной ветвей власти, определяются бюджетными посланиями Президента Российской Федерации, основными направлениями деятельности Правительства РФ, федеральными, региональными и ведомственными целевыми программами, а также бюджетами на очередной год и трехлетнюю перспективу³. Принимаются федеральные целевые программы (ФЦП), федеральные адресные инвестиционные программы (ФАИП) и другие крупные инфраструктурные проекты, осуществляемые за счет средств инвестиционного фонда и иных источников.

В настоящее время в Российской Федерации принято значительное количество программно-целевых документов, в частности реализуется Концепция социально-экономического развития России до 2020 г.⁴

В условиях мирового финансового кризиса принятие долгосрочных социально-экономических программ стало затруднительным и отошло на второй план, однако по мере нормализации экономической жизни они вновь становятся востребованными.

Как указывалось в бюджетном послании Президента РФ, с 2012 г. значительная часть федерального бюджета должна быть представлена в виде комплекса долгосрочных государственных программ. Такой подход представляется обоснованным, отвечает потребностям решения приоритетных задач развития отраслей экономики и регионов, в частности реализации крупномасштабных проектов возрождения Агропромышленного комплекса (АПК), развития Сибири, Севера и Дальнего Востока, энергетической и транспортной инфраструктуры, в том числе международной логистики, без осуществления которых не может быть реализован социально-экономический потенциал России. Одним из приоритетов являются социально-экономические преобразования в АПК. Возрождение села, ставшего зоной социального бедствия, предполагает комплексное решение социальных и экономических проблем посредством целенаправленной инвестиционной политики государства. От обоснованности государственной инвестиционной политики зависит решение и других общегосударственных, а также отраслевых и региональных проблем.

В СССР принимались меры по формированию и развитию социально-экономического потенциала Сибири и Дальнего Востока, была создана значительная транспортная и энергетическая инфраструктура. Специфика данных сфер инвестирования: крупномасштабный характер капитальных вложений и длительные сроки их окупаемости, влекущие большую степень неопределенности и повышенные риски утраты инвестиций, обуславливают необходимость сохранения преобладающего участия государства в этих инвестиционных проектах, совершенствования их правового обеспечения, более широкого использования долгосрочных инвестиционных государственных программ.

Программно-целевой подход к решению проблем социально-экономического развития имеет очевидные достоинства, позволяет концентрировать ресурсы на решении приоритетных задач, связанных с восстановлением утраченного экономического и научно-технического потенциала России, удовлетворением потребностей граждан в жизненно важных услугах, обеспечением доступности образования и медицинских услуг, решением других актуальных проблем.

Использование программно-целевого метода в государственной инвестиционной практике России предполагает необходимость адекватного определения стратегических целей. Б. Райзберг в этой связи пишет, что российская практика государственного

целеустановления в предыдущие годы отличалась либо неопределенностью целей, неполнотой их публичного освещения, либо тенденцией к завышению целевых обещаний, не подкрепленных реальными ресурсными возможностями, носящими пропагандистский характер³. Устранение этих негативных явлений возможно посредством совершенствования стратегического планирования и прогнозирования, разработки долгосрочных научно-технических прогнозов, установления целей социально-экономического развития на ближнюю и дальние перспективы. Масштабная деятельность должна прогнозироваться и планироваться, стратегическое планирование, системность социально-экономической политики, составной частью которой является и инвестиционная политика, – необходимые атрибуты и в рыночной экономике.

В России в настоящее время отсутствует механизм долгосрочного прогнозирования, позволяющий формировать представления о технологиях и продуктах (машинах, оборудовании), которые появятся в будущем, о том, какими потребительскими качествами они должны обладать, чтобы быть востребованы на рынке. В странах с развитой рыночной экономикой такие механизмы имеются и носят название Форсайта. Форсайтные исследования проводятся систематически, с различной детализацией и ориентированы на различные временные горизонты. В них участвуют представители органов государственной власти, бизнеса, институтов гражданского общества, что позволяет делать обоснованные выводы, среднесрочные и долгосрочные прогнозы развития экономики.

Аналогичные исследования должны проводиться и в нашей стране. Они необходимы, в частности, в машиностроении и должны осуществляться бизнесом и государством. Вследствие специфики производства машиностроительные предприятия не могут оперативно реагировать на изменяющуюся рыночную конъюнктуру, и для успешной деятельности отечественному машиностроению необходим стратегический план развития, детально проработанный документ, позволяющий учитывать экономические, научно-технические и социальные последствия реализации различных проектов и разработок. В настоящее время сложилась ситуация, когда значительную роль в развитии машиностроения должно сыграть государство, без его участия в процессах структурных преобразований в российской экономике и стимулирования машиностроительного комплекса отечественные машиностроительные предприятия окончательно утратят конкурентоспособность и свои традиционные рынки. Структуру государственных капитальных вложений

в экономику необходимо существенно изменить и обеспечить опережающее инвестирование в машиностроение. Необходимость в этом обусловлена тем, что машиностроительное производство обладает большой капиталоемкостью и ряд подотраслей машиностроения: станкостроение, энергомашиностроение, судостроение, авиастроение, являются стратегически важными, проблемы их развития не могут быть решены частным бизнесом. Восстановление утраченного потенциала и обеспечение необходимых темпов развития машиностроения возможно посредством создания интегрированных структур холдингового типа с участием государства, способных привлечь крупные инвестиции и осуществить модернизацию машиностроительного комплекса.

Вследствие объективной его обусловленности стратегическое планирование социально-экономического развития необходимо и в других сферах. На макроуровне экономика должна быть плановой. Расширение горизонта и повышение надежности экономических прогнозов, выработка стратегических планов являются в новых экономических условиях ключевыми аспектами деятельности государства в этой сфере.

В соответствии со стратегическими приоритетами должна формироваться и государственная инвестиционная политика. На основе анализа рыночной конъюнктуры и макроэкономических показателей необходимо выявлять тенденции развития инвестиционной сферы, осуществлять программирование инвестиционных процессов, принимать адресные инвестиционные программы с четкой постановкой задач, определением объемов ресурсов, необходимых для их выполнения, критериями оценки результатов.

С учетом указанных обстоятельств необходимо строить и бюджетную деятельность, инвестиционные решения следует принимать при наличии возможности финансового обеспечения предусмотренных ими инвестиционных проектов. Необходимо ввести четкие правила оценки объема действующих расходных обязательств и процедуры принятия новых, повысить ответственность за достоверность их финансово-экономических обоснований. Бюджетная система должна быть ориентирована на достижение конкретных результатов, целевое использование бюджетных средств, направляемых на инвестиционные цели, максимально оперативно обеспечивать разработку и внедрение бюджетных инструментов поддержки крупных инвестиций. Достижение этих целей возможно при надлежащем правовом обеспечении государственной

инвестиционной политики, создании адекватной правовой основы данного вида государственной деятельности, совершенствовании правового сопровождения реализуемых инвестиционных проектов.

Право является эффективным средством общественных преобразований, отражая закономерности общественного развития и будучи обусловлено ими, оно создает нормативную модель той цели, которая должна быть достигнута в результате осуществления регулируемой им деятельности. Норма права содержит определенные ориентиры, программирует деятельность, направляет на достижение предусмотренных ею целей, устанавливает параметры развития. Преломляясь в праве, воплощаясь в нормативных документах, цели и задачи инвестиционной политики станут более достижимыми, гарантированным будет их исполнение. Посредством издания нормативно-правовых актов может быть обеспечено единство действий при решении стратегических задач. Именно право должно гарантировать функционирование и развитие единого социального организма⁶.

Правовой нормативный акт является наиболее эффективным инструментом организации общественной жизни, государственного руководства обществом, поэтому необходима, в той мере, в какой это возможно, правовая регламентация всех значимых и устойчивых отношений, возникающих при разработке и реализации государственной инвестиционной политики.

Нынешняя социально-экономическая практика, основанная на программно-целевых методах решения экономических и социальных задач, разработке и осуществлении национальных проектов, делает такой подход особенно актуальным, повышает значимость правового обеспечения государственной инвестиционной политики, ее правового сопровождения и создает для этого предпосылки, реализация которых возможна при комплексном подходе к решению имеющихся социальных и экономических проблем, их анализе и рассмотрении в политическом, экономическом, финансовом и юридическом измерениях.

Для этого необходимо соответствующее законодательство. В юридической литературе отмечается его несовершенство. В частности, акцентируется внимание на том, что действующий Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» морально устарел и нужен новый базовый акт в данной области правового регулирования.

Это мнение представляется обоснованным, необходимость в создании адекватной правовой основы указанных в вышеназванном законе видов государственной деятельности действительно имеется, правовая регламентация отношений, возникающих при разработке и реализации долгосрочных государственных программ развития экономики и социальной сферы, должна быть более детальной и обстоятельной, предусматривать механизмы согласования федеральных, отраслевых и региональных стратегий, финансового обеспечения реализуемых инвестиционных проектов, взаимосвязи стратегического планирования и бюджетного регулирования.

Многие из осуществляемых в настоящее время социально-экономических программ не имеют форму правового акта, носят декларативный характер, что затрудняет их реализацию.

Использование нормативной формы при разработке различного рода программ, определяющих развитие экономики и социальной сферы, в большей мере гарантирует их исполнение. Принятие нормативных документов программного характера на долгосрочную перспективу создаст благоприятную правовую среду для действия экономических регуляторов, формирования инвестиционной стратегии, основанной на системном подходе к государственному регулированию инвестиционных экономических и организационных отношений.

Предусматриваемые государственными долгосрочными программами концепции являются рамочными политическими и социально-экономическими документами, определяющими основные направления развития, что предполагает необходимость разработки планов мероприятий по их реализации, а также принятия иных нормативных документов, обеспечивающих фактическое исполнение государственных социально-экономических программ. Действующие в данной области правового регулирования нормативно-правовые акты должны не только определять круг подлежащих правовой регламентации отношений, но и используемые для этого правовые средства. Такой подход в отечественной правотворческой практике имеется, он реализуется, в частности, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р Концепцией долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 г., которая определяет стратегические задачи государственного регулирования экономических и социальных отношений и ориентирует правотворческие органы в выборе правовых средств, методов и организационных институтов⁷.

Стратегические акты, определяющие основные направления экономического развития, и их правовое сопровождение имеются и в других странах. Примечателен в этом отношении опыт Франции, принявшей в 2008 г. закон «О модернизации экономики» и президентский «План подъема экономики».

Правовое обеспечение реализации стратегических актов является одной из актуальных задач и предполагает необходимость новых подходов в использовании регулятивного потенциала права. В процессе развития экономики и социальной сферы, в результате научно-технического прогресса появляются новые виды и сферы общественных отношений, требующие специфического правового регулирования. Важное значение приобретает в связи с этим юридическая прогностика, совершенствование правовых аспектов инвестиционной политики, создание необходимых организационно-правовых предпосылок ее реализации, усиление нормативно-правового воздействия на принимаемые государством инвестиционные решения, углубление процессуальных начал, установление регламентных процедур осуществления данных видов деятельности: подготовки проектов решений, их экспертизы и оценки эффективности, согласования и принятия, т. е. государственная инвестиционная политика должна быть облечена в адекватные правовые формы. Приоритетные цели инвестиционной политики должны определяться правовыми средствами, на основе установленных законом процессуальных правил и регламентных процедур. Необходимо также усиление влияния налогоплательщиков на формирование государственной инвестиционной политики посредством создания ими своих объединений и наделения таких общественных формирований, а также других институтов гражданского общества соответствующими правами в этой сфере деятельности и установления организационных форм осуществления данных прав.

Примечания

- ¹ См.: *Журавлева О.О.* Правовые принципы налогообложения организаций, осуществляющих деятельность в инновационной сфере // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 20.
- ² См.: *Одишова В.М.* Экономическая роль государства и макроэкономическая политика в системе рыночных отношений. М., 1995. С. 3.
- ³ См.: *Райзберг Б.* Целенаправленность как фактор эффективности государственного регулирования // Экономист. 2010. № 11. С. 83.

⁴ См.: СЗ РФ. 2008. №47. Ст. 5489.

⁵ См.: *Райзберг Б.* Указ. соч. С. 83.

⁶ См.: *Алексеев С.С.* Право на пороге нового тысячелетия. М., 2000. С. 16–17;
Явич Л.С. О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4. С. 5–7.

⁷ См.: *Хабриева Т. Я.* Право и модернизация экономики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 1. С. 4.

А.М. Осавелюк

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЖИМ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОГО СОЧЕТАНИЯ

В статье на примере взаимодействия формы правления и различных форм государственного режима в России и других государствах показано реальное моделирование различных форм государственного режима в рамках одной формы правления.

Ключевые слова: форма правления, государственный режим, президент, парламент, законодательная власть, исполнительная власть.

В современном конституционном праве, пожалуй, наиболее интересным разделом, который позволяет изучать и осуществлять моделирование государственно-правовой реальности в пространстве разнообразия властных отношений, является соотношение формы правления и государственного режима.

Если форма правления представляет собой стабильный институт и, как правило, закрепляется в конституциях соответствующих государств, то государственный режим – это очень подвижный «живой» институт конституционного права. Возможно, в его подвижности заключается одна из причин того, что этот институт начал изучаться теоретиками государства и права и конституционалистами относительно недавно.

Формы правления представляют собой своего рода организационный каркас, юридическую модель отношений между соответствующими высшими органами государственной власти. Реальный же порядок их взаимодействия достаточно быстро изменяется и не всегда соответствует юридической модели. Взаимоотношения между высшими органами государственной власти всегда тоньше

закрепляемой конституцией юридической модели и зависят от расстановки политических сил после очередных (или внеочередных, например, при парламентской форме правления) выборов парламента или президента, даты последних выборов указанных органов государственной власти, времени, оставшегося до завершения срока их полномочий, и др.

Государственный режим – это основанный на юридических признаках формы правления реальный порядок функционирования и взаимодействия высших органов государственной власти и других элементов политической системы, складывающийся под влиянием различных политических сил (существующей партийной системы, избирательной системы, итогов выборов и др.) в указанных структурах¹.

Обычно определенная форма правления сочетается с несколькими видами государственного режима, сменяющими друг друга. В парламентской республике, как и в парламентской монархии, могут установиться государственные режимы парламентаризма или министриализма. Это зависит от того, какая партийная система сложилась в данной стране. Например, в Швеции, Дании, Италии, где сейчас существует многопартийная система, сложился режим *парламентаризма*. Он характеризуется тем, что коалиционные правительства, сформированные благодаря многопартийной системе и поэтому раздираемые межпартийными противоречиями, не могут долго существовать без поддержки парламента. Голосуя по тому или иному вопросу, инициированному коалиционным правительством, разбираясь в межпартийных спорах такого правительства, депутаты обретают некоторое влияние и контроль над правительством, что отражается в названии государственного режима.

В Великобритании при наличии двухпартийной системы, а также в ФРГ при наличии двух крупных партийных политических блоков государственный режим можно охарактеризовать как *министриализм*, так как, опираясь на большинство своих членов в парламенте, образовавшееся после парламентских выборов благодаря доминированию в парламенте Великобритании одной из двух ведущих политических партий (в Германии – партийного блока), правительство имеет возможность контролировать поведение депутатов. Несогласие отдельных депутатов своей партии или оппозиции может быть нейтрализовано партийной дисциплиной и системой патроната. Вместе с тем следует отметить, что фактическое смещение центра власти в сторону парламента либо прави-

тельства не является настолько сильным, чтобы подорвать принцип разделения властей и демократизм политического режима страны.

На установление государственного режима влияет также избирательная система и образовавшиеся на ее основе результаты выборов. Например, при пропорциональной избирательной системе, установленной при парламентской форме правления законодательствами Швеции, Дании, Италии, ни одна из политических партий, как правило, не получает абсолютного большинства депутатских мест в парламенте. В связи с этим после парламентских выборов здесь формируются различные виды коалиционного правительства большинства (или меньшинства) или однопартийные правительства меньшинства (или незначительного большинства), которые, не имея устойчивой поддержки в парламенте, ведут себя аналогично тому, как мы описывали государственный режим при многопартийной системе. Здесь также устанавливается режим парламентаризма с такими же возможностями для реализации признаков данной формы правления, как и в случае с партийной системой.

При мажоритарной избирательной системе, как правило, на выборах абсолютное большинство мест в парламенте получает одна партия и устанавливается режим *министериализма*². Иногда, как это видно из приведенных примеров, на установление того или иного государственного режима могут влиять одновременно несколько факторов, в данном случае и партийная система, и избирательная система, и результаты голосования избирателей.

В полупрезидентской республике (Российская Федерация, Франция, Португалия, Казахстан, Украина), сочетающей в себе лучшие черты как президентской формы правления, так и парламентарной, выделяют следующие признаки: осуществление президентом полномочий главы государства и наделение его юридическими полномочиями по влиянию на политическое руководство исполнительной властью; наличие поста премьер-министра, формально возглавляющего правительство; члены правительства назначаются и смещаются по представлению премьер-министра; правительство может нести политическую ответственность как перед президентом, так и перед парламентом (посредством принятия резолюции порицания, вотума недоверия); конституция предусматривает досрочный роспуск парламента (нижней палаты), а также отставку правительства по воле президента.

Указанные признаки создают реальные возможности для множества вариаций государственного режима в рамках полупрези-

дентской формы правления. Поэтому в самом общем виде их можно назвать гибридными (смешанными) государственными режимами с преобладанием президентализма или министерализма.

Поскольку в Российской Федерации Конституцией 1993 г. полупрезидентская форма правления установлена относительно недавно и в силу этого не могло проявиться «многоцветье» государственных режимов, основной анализ единства формы правления с разнообразием государственного режима мы будем проводить на примере Франции. Прежде всего потому, что это государство явило пример указанной формы правления и по праву считается ее родоначальницей. Естественно поэтому, что здесь накоплен наиболее богатый опыт сочетания единства в многообразии. Разумеется, что если соответствующий опыт уже имеет место в России, то он станет предметом нашего исследовательского интереса.

Характерная черта Пятой Республики – усиление роли исполнительной власти и ослабление роли парламента. Однако, опираясь на поддержку парламентского большинства, президент Пятой Республики вышел за рамки своей компетенции и начал вторгаться в функции главы правительства, что способствовало превращению института президентства в доминирующий государственный орган.

Смешанный (парламентско-президентский), гибридный режим в идеале существует на следующих принципах: президент республики избирается всеобщим голосованием и наделяется значительной властью; премьер-министр и министры, выступая в качестве «противовеса» президенту, наделяются исполнительной и исполнительной властью и сохраняют свои полномочия до тех пор, пока опираются на поддержку парламента. Данная система может функционировать и как президентская (когда президент и парламентское большинство находятся в согласии), и как парламентская (когда они находятся в состоянии конфликта, правда, при условии, что министры беспартийные).

Столь широкие возможности сочетания формальных признаков этой формы правления дают возможность для установления различных государственных режимов. Например, при президентстве Ш. де Голля, когда в парламенте было большинство его сторонников, он имел настолько широкие реальные возможности управления, что, как отмечалось в литературе, назначал и смещал премьер-министра в любое время и мог распускать Национальное собрание, а государственный режим при этом соответствовал «президентализму».

В реальности президент Ш. де Голль благодаря подавляющему большинству своих сторонников в парламенте сам присвоил себе право отзыва премьер-министра, которое получило название «отставки-смещения». В случае неудовлетворенности деятельностью премьер-министра президент в частной беседе указывал последнему на необходимость покинуть свой пост, а затем официально принимал отставку. Он не мог себе представить иных действий премьер-министра, потерявшего доверие главы государства, кроме подачи заявления об отставке. Эта процедура явно демонстрировала зависимость правительства от президента, а не от парламента, мнение которого даже не учитывалось.

В первые годы существования Пятой Республики во Франции роспуск Национального собрания был связан только с министерским кризисом. Впервые нижняя палата была распущена де Голлем в 1962 г. в ответ на принятие резолюции порицания правительству. Последующие же роспуски парламента не были связаны с голосованием депутатов. Президент использовал роспуск тогда, когда подобная процедура позволяла избирательному корпусу разрешить конфликт между государственными властями (1981, 1988, 1997 гг.) или высказаться в ходе серьезного политического кризиса (1968 г.). Право роспуска связано с функцией арбитража, возложенной на главу государства, а роспуск можно признать одной из форм обращения президента-арбитра к избирательному корпусу. Право роспуска – мощное орудие в руках французского президента. Но не стоит забывать, что оно не всегда обеспечивает главе государства желаемый результат.

В Российской Федерации президенталистский государственный режим начал складываться после президентских выборов 2000 г. В настоящее время, когда политические взгляды президента, председателя правительства и большинства депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации совпадают, появилась возможность игнорировать многие юридические признаки формы правления и предписания федеральных законов. Например: «программа Правительства Российской Федерации по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года, утвержденная распоряжением Правительства от 30 июня 2010 г., закрепляет курс на дальнейшее снижение прозрачности федерального бюджета, что усложняет осуществление парламентского финансового контроля. В ней допускается возможность внесения в Бюджетный кодекс Российской Федерации поправки, которая закрепила бы право утверждать ведомственную

структуру федеральных расходов за правительством, а не парламентом, как это предусмотрено Бюджетным кодексом в настоящее время»³.

Правда, изменения, внесенные в ст. 114 Конституции РФ, могут при определенных условиях «испортить» идиллию во взаимоотношениях правительства и Государственной Думы, поскольку оно теперь должно разрабатывать и представлять Думе ежегодные отчеты о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой⁴. А в соответствии с новой редакцией Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» подобные отчеты Правительства Российской Федерации, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой, подлежат обязательному официальному опубликованию в «Российской газете» и «Парламентской газете» (ст. 40.1)⁵. Это возможно, например, при несовпадении политических позиций президента и партийного большинства в Государственной Думе, как это имело место в период президентства Б.Н. Ельцина.

Следовательно, в период действия режима президентализма формальные признаки полупрезидентской формы правления в реальности не работают в связи с доминированием главы государства в парламенте и правительстве и соответственно – подменой юридических предписаний политической волей президента.

Потеря безраздельного господства президента в парламенте при этой форме правления может вести к изменению государственного режима. Например, в период правления Ж. Помпиду это вынудило президента вернуться в рамки, отведенные ему Конституцией. Возникновение в парламенте оппозиционного президенту большинства привело к ситуации, при которой премьер-министр больше не является главой президентского «генштаба», а пытается утвердиться в качестве главы правительства, что, несомненно, приводит к фактическому ограничению власти президента.

Это происходит потому, что изменившаяся расстановка сил в парламенте и предшествовавшая партийная принадлежность президента привели к выдвиганию таких требований Конституции, как вынесение предложений по вопросам пересмотра Конституции и созыв внеочередной сессии парламента: они стали выполняться президентом по инициативе главы правительства.

Более того, президент Франции больше не обладает правом отзыва премьер-министра. Подобная практика стала невозможной

в результате потери главой государства парламентского большинства. Не имея возможности сместить оппозиционного главу правительства, президент вынужден с ним «сосуществовать», что диктует «сужение» свободы действия главы государства, и в первую очередь в отношении исполнительной власти. Теперь президент не всегда в состоянии навязать премьер-министру, поддерживаемому Национальным собранием, свое верховенство и не располагает средствами долго противостоять политике, определяемой этой новой парой⁶. Подобный государственный режим приближается к министериалистскому.

Вместе с тем на изменение государственного режима влияют не только расстановка политических сил в парламенте и партийные взгляды президента, но и дата прошедших президентских или парламентских выборов. Так, президентские выборы 1981 г. принесли победу президенту-социалисту Ф. Миттерану, который благодаря «новому» мандату через несколько месяцев распустил «правый» парламент. Победившие на досрочных парламентских выборах социалисты прекратили «двоевластие» и укрепили власть президента-социалиста. Но когда на парламентских выборах 1986 г. при этом же президенте победу одержали правоцентристы, а президент «доживал» срок своих полномочий, то до своей победы на выборах в 1988 г. он вынужден был сосуществовать с правоцентристским правительством и терпеть контроль со стороны премьер-министра внешнеполитической сферы, которая, по Конституции Франции, является прерогативой президента. Правда, досрочные парламентские выборы 1988 г. (потому что накануне президент обновил свой мандат, а депутаты парламента «доживали» срок своих полномочий) не обеспечили социалистам абсолютного большинства в Национальном собрании, и они вынуждены были управлять вместе с другими политическими силами, что в этот период времени вносило в государственный режим во Франции определенные черты парламентаристского свойства.

Исполнительная власть во Франции не ассоциируется исключительно с президентом, в ней вполне весомое и самостоятельное место занимает правительство, особенно сформированное оппозиционными президенту политическими партиями, победившими на парламентских выборах. Тем самым расширяется круг носителей власти, уменьшается риск узурпировать власть очередными личностями. В конечном итоге на процесс формирования правительства активно влияет избиратель, отдавший предпочтение партии, победившей на парламентских выборах⁷.

Президентские выборы во Франции 2002 г. продемонстрировали, что не всегда на них может получить поддержку избирателей представитель той политической партии, которая имеет большинство депутатов в Национальном собрании. И если до выборов мы наблюдали тандем двух разных политических сил, которые демонстрировали дуализм государственного режима, то после выборов уменьшение мест левых в парламенте и правительстве и усиление позиции правых создали предпосылки для президентского режима с элементами министриализма. На парламентских выборах в июне 2007 г., несмотря на то что они проходили через месяц после президентских, избранный президент Н. Саркози также не получил президентское большинство, как это случилось на выборах 2002 г.

В такой ситуации мы наблюдаем *смешанный государственный режим с преобладанием президента*.

Смешанный государственный режим с преобладанием президента также был в России, когда президент Б.Н. Ельцин существовал с прокоммунистическим большинством в Государственной Думе. Имея мало шансов на проведение своей политики посредством федеральных законов, он многие вопросы управления решал своими указами, которые носили временный характер (до урегулирования этих вопросов соответствующими федеральными законами). В нынешних условиях такое сосуществование было бы невозможным в силу того, что члены правительства получили право быть членами политических партий⁸.

При использовании наиболее приемлемого метода властвования (пересмотр сложившегося порядка разделения властей, строго ограничивая и регламентируя деятельность парламента в пользу исполнительной власти) был образован гибридный государственный режим⁹, где исполнительную власть представляли одновременно глава государства и глава правительства, но при парламентском контроле за деятельностью правительства.

Смешанный государственный режим стремится создать сильную, стабильную исполнительную власть, но в то же время политически ответственную перед парламентом. Исходя из такой перспективы исполнительная власть по-разному (по причинам, указанным выше) распределяется между двумя конституционными институтами – президентом и правительством.

Смешанным государственным режимам свойственна большая гибкость. Они являются наиболее оптимальными видами режима

в связи с возникающей в тот или иной период кризисной ситуацией внутри- и внешнеполитического характера.

Взаимодействие президента как с правительством, так и с законодательной властью структурируется таким образом, что, с одной стороны, президент, будучи политически не ответственным, через влияние на правительство (участие в его формировании, работе, отставке), курирование ряда областей в сфере собственно исполнительной власти (внешняя политика, оборона, безопасность) и противодействие парламенту (законодательная инициатива, право вето, роспуск парламента) ограждает правительство как политически ответственного субъекта от исходящей от парламента нестабильности.

С другой стороны, парламент, влияя на президента и правительство (участие в формировании и отставке правительства, контроль за его деятельностью, законодательная политика, преодоление президентского вето), не позволяет главе государства бесконтрольно руководить правительством, превращая его в свой административный аппарат. Такая конструкция государственной власти предполагает дистанцирование института президентства от исполнительной власти при сохранении определенного влияния на последнюю.

Вместе с тем данная модель не является гарантией от воспроизводства конфликта двойной легитимности, поскольку может нарушаться присущее той или иной форме единство структуры управления и одновременно возникать новые виды отношений, коллизии и несогласованности, которых не было в «отработанных» государственных режимах. Гибкое изменение сложившихся стандартов разделения властей, имеющих свои устойчивые формы и в президентской и в парламентарной республиках, позволяет оперативно сочетать разные правовые и организационные начала. Это всегда способствует, при определенном соблюдении конституционной законности, повышению устойчивости государственной власти и эффективности государственного управления.

Возрастание роли парламента в полупрезидентской республике при создании смешанных форм государственного режима, усиление его контроля за деятельностью правительства – часто лишь внешние явления, которые во многом зависят от поведения электората.

Таким образом, можно констатировать, что сочетание различных видов государственного режима в конечном итоге развивает юридические признаки формы правления, добавляя в них не

только новые юридические элементы, но и реальное политическое взаимодействие государственных органов разных ветвей власти.

Примечания

- ¹ В литературе встречаются другие определения этого понятия. Так, в книге «Проблемы теории государства и права» политический и государственный режим фактически отождествляются. Ее авторы под государственным режимом понимают «совокупность используемых группами, классами или слоями общества методов и способов осуществления государственной власти» (см.: Проблемы теории государства и права: Учеб. пособие / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Юристъ, 2001. С. 212). Очевидно, что в данном случае речь идет о политическом режиме. Той же позиции придерживаются и авторы ряда других учебников и учебных пособий. См., например: *Чиркин В.Е.* Конституционное право зарубежных стран: Учебник. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2012. С. 193–203; Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. М.: Норма, 2004. С. 142–149. В.С. Нерсесянц предлагает различать формы государственно-правового режима исходя из уровня и степени их правовой развитости, характера и качества соответствующего правового порядка, правовых приемов и процедур осуществления государственной (публичной, политической) власти (см.: *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов и факультетов. М., 2000. С. 254). Наиболее полное и достаточно близкое к нашему определению понятие «государственный режим» см.: Конституционное (государственное право) зарубежных стран: Учебник: В 4 т. Т. 1, 2. Часть Общая / Отв. ред. Б.А. Страшун. 3-е изд., обновл. и дораб. М.: БЕК, 2000. С. 342.
- ² В Великобритании на парламентских выборах, состоявшихся 6 мая 2010 г., ни одна из политических партий не получила абсолютного большинства голосов избирателей. 12 мая 2010 г., впервые в послевоенной истории Британии, было сформировано коалиционное правительство. Таким образом, несмотря на то что формально мажоритарная избирательная система, как правило, приводит к установлению государственного режима министерализма, отсутствие яркой предвыборной программы у политических партий и «равномерное» голосование избирателей могут приводить к установлению режима парламентаризма.
- ³ *Демидов М.В.* Парламентский финансовый контроль в России: правовые аспекты функционирования и проблемы реализации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 9.
- ⁴ См.: Российская газета. 2008. 31 дек.
- ⁵ СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 3.

- ⁶ См.: Конституции зарубежных государств: Учеб. пособие / Сост. В.В. Маклаков. 2-е изд., испр. и доп. М.: БЕК, 1999. С. 87.
- ⁷ Конституционное законодательство России. М., 2005. С. 188.
- ⁸ См.: СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1147.
- ⁹ По Конституции Французской Республики 1958 г., президент избирается гражданами и председательствует на заседаниях правительства, что типично для президентской модели республики. В то же время назначаемое им правительство обязано пользоваться доверием нижней палаты парламента – Национального собрания, что типично для парламентарной республики.

СТАБИЛЬНОСТЬ VS АМБИВАЛЕНТНОСТЬ: ВАРИАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ АЛГОРИТМОВ

В статье рассмотрена зависимость устойчивости политической системы от политической амбивалентности. Показано, что политическая амбивалентность отчетливо проявляется в оценке гражданами избирательных кампаний, в их отношении к политическим партиям в контексте традиционной персонификации государственной власти. Надежды на социально-экономическое развитие в России увязываются с лидером государства, а не с политической партией. Союз В.В. Путина и Д.А. Медведева – это не тандем, а политический катамаран. Предпринят сравнительный анализ алгоритмов, используемых в Испании, США, Беларуси, других странах для обеспечения колебаний политической стабильности в допустимых для устойчивого управления государством экстремумах. Партийная система России находится в турбулентном состоянии. Западноевропейские или англосаксонские политические алгоритмы модернизации партийной системы и институтов государства невозможно прямолинейно использовать в современной российской политической практике.

Ключевые слова: политическая амбивалентность, стабильность государственного управления, алгоритмы избирательных кампаний и партийных систем.

Политический транзит на постсоветском пространстве к демократии – продолжительный, противоречивый по алгоритмам, промежуточным результатам, предполагающий среди базовых ценностей частную собственность, дифференциацию граждан по управления от мнений, политического поведения, политической

доходам, идеологический плюрализм и многопартийность – сделал проблему зависимости динамики устойчивости государственного амбивалентности граждан актуальным объектом политологического анализа.

В условиях демократии политическая стабильность не означает консервацию статус-кво государства, политического режима и структуры общественных институтов. Политическая стабильность для современного конкурентоспособного и эффективного государства требует органичного сочетания преемственности и разумного традиционализма, последовательного социально-экономического развития, позволяющего государству функционировать с учетом внутренних и внешних сил влияния, но самостоятельно и суверенно. Когда отсутствуют пограничные угрозы для устойчивости системы институтов государства, все акторы действуют в рамках законодательного поля и всестороннего контроля над социальными и политическими процессами. Однако легитимность государственной власти в конкурентной среде зависит не столько от законов, сколько от общественного мнения и политической амбивалентности в социуме. В демократической системе противостояние государства и граждан, недовольных действиями политических и административных структур государственного управления, нередко находится в пограничном пространстве действующего законодательного поля. Без активного проявления политической амбивалентности не приходят в движение адекватные демократическим процедурам государственные механизмы, защищающие эволюционную динамику политической стабильности.

С. Липсет сделал научно корректное сравнение между доверием населения к национальной денежной единице и легитимностью, политико-социальным, а не просто законодательно (юридически) оформленным доверием граждан к государственной власти¹. Предпринимательское сообщество России, политически влиятельный социальный слой, чувствуя неуверенность в политической стабильности, в стабильности экономического законодательства, ведет себя амбивалентно – выводит капиталы за границу. За 2011 г. отток капитала стал рекордным – 84,2 млрд дол.², а за три месяца 2012 г. чистый отток капитала достиг 35,1 млрд дол.³

Автор настоящей статьи неоднократно обращался к исследованию различных аспектов политической амбивалентности, так как современная Россия дает достаточно примеров активного проявления амбивалентного отношения граждан к представителям политической элиты, к институтам государства и политическим пар-

тиям как инструментам взаимодействия государства и гражданского общества⁴.

В уставе политической партии «Единая Россия» есть не имеющий аналогов в теоретической и прикладной политологии пункт 7.1.2: «Председателем партии может быть избран гражданин Российской Федерации, не являющийся членом партии»⁵. В 2007 г. Президент РФ В.В. Путин публично поддержал партию на выборах в Государственную Думу РФ, призвав граждан голосовать за «Единую Россию». Но, возможно, предвидя отрицательное отношение значительной части избирателей, предпочел остаться независимым от партийной принадлежности политиком. После выборов президента в марте 2012 г., но до инаугурации, была предложена модернизация партийной системы⁶. Спустя четыре дня после победы В.В. Путин сделал знаковое заявление: «Сегодня, наверное, уместно будет вспомнить, что президент у нас надпартийная фигура. Поэтому будем работать в интересах всего российского народа, вне зависимости от партийных предпочтений»⁷. Проблема обеспечения политической стабильности и легитимности власти после выборов в Государственную Думу РФ VI созыва, а также накануне и, главное, после выборов Президента РФ 4 марта стала ключевой в условиях открытого обострения политической борьбы, особенно в регионах и городах-центрах субъектов Федерации, где позиции партии «Единая Россия» объективно не могли не ухудшиться вследствие происходящих социально-экономических процессов, вызывающих противоречивые оценки разных социальных групп. До инаугурации алгоритмом преодоления нарастающей в российском обществе политической амбивалентности стали апелляция ко всем социальным слоям и подчеркнутое уважение к митингам и демонстрациям оппозиционно настроенных граждан.

В апреле Д.А. Медведев заявил, что если «Единая Россия» сделает ему предложение и поддержит его, то он согласен вступить в партию и возглавить ее, следовательно, быть первым в истории новой России партийным премьер-министром. 25 мая Д.А. Медведев, уже в ранге председателя правительства, вступил в «Единую Россию». Даже внешне такая последовательность оформления партийного участия в государственном строительстве отличается от западноевропейской модели.

Перед выборами в Государственную Думу РФ VI созыва преобладало впечатление, что избирательная система относительно сформировалась в первую очередь на федеральном уровне. Про-

тивовесом этому стало открытое недовольство граждан, представляющих разные социальные группы, в первую очередь растущий средний класс жителей больших городов, молодежь. Политические события конца 2011 – начала 2012 г. инициировали турбулентность партийной системы, показали, что в открытом информационном поле происходит резкий рост гражданского самосознания. Граждане публично требуют от государственных органов управления обеспечения прозрачности и соответствия законам избирательных процедур.

Массовое отторжение вызывает пресловутый административный ресурс. Система российских внутрипартийных рейтинговых голосований и договоренностей элит при выдвижении кандидатов в депутаты не признается избирателями справедливой. Идут продолжительные общественные дебаты о легитимности депутатского корпуса всех уровней власти.

Изменения в законодательстве о политических партиях дают мультипликативный эффект для роста их количества, но непоследовательность партийного строительства ведет к интенсификации противостояния политической стабильности и политической амбивалентности, векторы их колебаний расходятся.

В Министерство юстиции РФ на регистрацию новых партий было подано к началу апреля 2012 г. 82 заявки⁸. От партийного строительства западноевропейского типа Россия переходит к модели партийной системы США, где де-факто функционирует двухпартийная система, республиканская и демократическая партии время от времени по очереди набирают большинство голосов в избираемых органах государственной власти. Одновременно законодательство о политических партиях создает иллюзию абсолютной демократии, предоставляет условия для свободного «политического творчества» населения. В США разрешены региональные, местные, профессиональные партии, партии по интересам и т. д. Реальные перспективы на выборах федерального уровня имеют две партии, и уже в Конгрессе происходит деление победителей на внутрипартийные фракции. Все остальные партии допустимо считать составными частями социально-политической модели с множеством клапанов для выпуска политического напряжения, эффективно используемого политической элитой. Сомнительно, что такая конструкция партийной системы будет плодотворной в многонациональной, с самобытными регионами России. Российское государство – результат другой политической истории и культуры, других исторически сложившихся

отношений граждан с институтами государства и структурами гражданского общества.

Результат российского партийного строительства сейчас – это достаточно скептическое и амбивалентное отношение граждан к политическим партиям.

Вместе с тем «снежная» революция, которая, по некоторым косвенным признакам, программировалась как типовый сценарий «оранжевых», «тюльпановых» и прочих словесно привлекательных революций, а по сути – государственных переворотов, в России не получилась.

Политическая амбивалентность наиболее рельефно проявляется во время избирательных кампаний.

Западноевропейская демократия преодолевает амбивалентное отношение к выборам прежде всего их предельной транспарентностью и доступностью контроля. В Испании подсчет голосов осуществляет по закону лично председатель комиссии, он вынимает конверты с бюллетенями из урны по одному и громко называет имя и должность кандидата, за которого отдан голос. Председатель комиссии может демонстрировать каждый бюллетень членам комиссии, представителям кандидатов и наблюдателям. Подсчет голосов осуществляется публично, при подсчете может присутствовать любой желающий гражданин. Избирательная комиссия обязана немедленно обнародовать результаты голосования в виде письменного акта, копия которого выдается представителям кандидатов и наблюдателям⁹.

Не только политтехнологам понятно, что две веб-камеры, установленные на каждом избирательном участке России, – это малоэффективная мера, направленная на придание прозрачности выборам в общественном мнении после массовых протестов по итогам избирательной кампании в Государственную Думу РФ в декабре 2011 г.

Многочисленные факты дают гражданам основания подозревать, что члены избирательных комиссий всех уровней, даже под страхом уголовного наказания, занимаются массовой подтасовкой результатов, будучи по тем или иным причинам зависимыми от власти. Такое поведение – свидетельство слабости гражданского общества, малочисленности среднего класса (собственность делает гражданина свободным от зависимости и вмешательства государства). Значительный разброс результатов голосования в социально подобных регионах (даже если учесть особенности национальных республик и мононациональных регионов России, где традиционно ориентируются на мнение старшего или руководителя) служит

только дополнительным обоснованием сомнений граждан в справедливости итогов выборов.

Многopартийность в регионах России – это тема для отдельного политологического исследования. В некоторых регионах в зависимости от субъективно оцениваемой политической целесообразности по указанию местной исполнительной власти создаются или ликвидируются отделения партий. Так было в Чеченской республике, когда «добровольно» одновременно вышли из партии все члены регионального отделения ЛДПР после некорректных высказываний В. Жириновского о жителях Северного Кавказа. Граждане в российских регионах зачастую индифферентны к проблемам многопартийности и демократического устройства институтов государственного управления. Если сравнивать с Западной Европой, то здесь явно выражены иная политическая культура и традиции, иные социальные предпочтения. «Классический» алгоритм партийного строительства в российском пространстве разнообразия не срабатывает.

В экономической науке и социологии есть децильный коэффициент. В политологии вероятно введение политического децильного коэффициента (коэффициента политической амбивалентности) – предельно допустимого негативного отношения разных социальных групп к национальной политической системе и государственному управлению. Коэффициент, который мог бы количественно и качественно измерить уровень легитимности органов государственной власти и уровень волатильности политической стабильности, показать проблемы, угрожающие действующему политическому режиму.

Одним из проверенных способов преодоления политической амбивалентности во многих государствах (Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Австрия, Австралия, Аргентина, Бразилия, Гондурас, Мексика, Парагвай, Коста-Рика, Перу и др.), когда институты публичной власти стараются быть честными, является обязанность участвовать в выборах под угрозой штрафа, общественного порицания. Например, в Бельгии вывешивают объявления с фамилиями «прогульчиков», в Аргентине не участвовавшему в выборах запрещается занимать должности государственной службы на три года. В Австралии, где закон действует с 20-х годов прошлого века, не менее 95% граждан участвуют в выборах. Просто и эффективно – для вбрасывания негде взять бюллетени, они все использованы. Нет причин для инсинуаций, подозрений, обвинений и политической амбивалентности.

С учетом политической психологии граждан в России законодательный запрет на политический абсентеизм может дать с большой вероятностью обратный эффект: публичную браваду и подчеркнутое пренебрежение к общественному мнению, к государственным актам, регулирующим поведение в социуме.

Фактором, определившим бесперспективность попыток вывести политическую стабильность в России за предельно допустимый уровень, стало согласие большинства граждан с надпартийной конструкцией преемственности власти по линии: президент – председатель правительства – президент. Российская политическая традиция следует жесткой персонификации государственной власти. Большинство активных избирателей поддержали мнение, что В.В. Путин – наиболее приемлемый, национально ориентированный, выигрышно конкурентный внутри страны и в сравнении с зарубежными руководителями кандидат на высшую государственную должность, что именно он нужен народу и государству для успешного демократического транзита на современном этапе, даже если такая парадигма смены лидера не полностью соотносится с «классикой» демократии.

При оценке политического союза В.В. Путина и Д.А. Медведева клише «тандем» не совсем точно отражает реальность, хотя и стало распространенным как в СМИ, так и в научных исследованиях. Главный признак тандема как технического объекта – это однородные устройства, расположенные последовательно на одной оси. На велотандеме руль только у сидящего впереди. Мало кто сомневался в фактической роли в государстве председателя правительства во время президентства Д.А. Медведева, хотя В.В. Путин формально был вторым. Представляется более подходящим сравнение с другой технической системой – катамараном. Катамаран – корабль двухкорпусной, с повышенной остойчивостью, с одной рубкой, где находятся капитан, рулевой, штурман, другие специалисты. Капитан может не брать в руки штурвал, но решения принимает он. Так и команда с В.В. Путиным во главе старается обеспечить стабильность государственного управления в России, причем моделирование участия политических партий в российском государственном управлении не укладывается в алгоритмы партийных систем с устойчивой демократией.

Политологи не указывают среди основных признаков государства как центрального института политической системы обязательное существование в государстве многопартийной системы. Вопрос, можно ли считать демократическим государство с одной

политической партией или вообще без политических партий, остается предметом для научных политических дискуссий и прогнозов. Развитие науки и техники, информационных технологий позволяет предположить в не столь отдаленном будущем снижение участия политических партий в избирательных кампаниях, первенство электронных процедур голосования и упадок влияния партий на государственное управление. Политические партии могут утратить статус основных инструментов и модераторов взаимодействия между гражданским обществом и государством.

Многие признанные авторитеты политической науки негативно оценивали последствия участия политических партий в государственном управлении. Можно привести мнение о многопартийности и парламентаризме государственного деятеля XIX – начала XX в., ученого-традиционалиста К.П. Победоносцева, давшего в работе с говорящим названием «Великая ложь нашего времени» анализ теории и политической практики «типовой», «классической» модели демократии того времени: «Правит личная воля и интерес, ...только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству»¹⁰.

Практически тождественны такому заключению и выводы одного из создателей теории кокусов, российского политического философа М.Я. Острогорского, о взаимоотношениях политических партий, гражданского общества и государства, влиянии партий на избирателей в демократической политической системе, реальной роли рядовых граждан, которая «в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны. Если даже облечь их всеми правами народной инициативы, непосредственного законодательства и непосредственного управления, фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии»¹¹.

Политическая практика также подтверждает необходимость управляемой демократии. Демократией все-таки управляет выделенный из общества и подотчетный ему политический и административный аппарат профессионально подготовленных, законно избранных или назначенных государственных служащих.

Политические партии приходят и уходят, а существование российского государства, политический режим и благополучие народа не должны быть предметом политического торга и внешних посягательств наших конкурентов. Так устроен мир, наше государ-

ство должно быть эффективным и конкурентоспособным в новых реалиях начала XXI в.

Для анализа используемых алгоритмов партийного строительства в контексте обеспечения политической стабильности представляет также интерес Союзное государство Беларуси и России, так как в общем государственном пространстве в будущем возможно создание российско-белорусских политических партий. Перспективные для сравнительного анализа политической амбивалентности в Союзном государстве Беларуси и России выводы о белорусской партийной системе сделаны Н.А. Борисовым: «...Оппозиционные партии вытеснены в маргинальную сферу. Все это содержит в себе серьезные потенциальные угрозы для стабильности политического режима...»¹².

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко достаточно откровенно высказался о необходимости дистанцироваться от бессистемного партийного строительства, о бесосновательности копирования зарубежного опыта организации гражданского общества и партий. По его словам, учитывая особенности социально-экономического положения страны и политические реалии, не следует «играть» в создание многопартийности, «все это должно выкристаллизовываться из жизни» и быть сформулировано так, «чтобы не разрушить мир и стабильность в нашем государстве»¹³. Очевидно, что в России применяются другие алгоритмы партийного строительства.

Анализ алгоритмов российского демократического транзита многие политологи правомерно проводили в сравнении с Испанией после авторитарного политического режима Франко. Испанский транзит длился, по оценке политолога Э. де Диего, примерно десять лет, с 1975 по 1985 г., когда прекратились попытки государственных переворотов¹⁴.

В настоящее время в Испании сложная социально-экономическая ситуация, критически большая безработица – более 20% активного населения, структурный кризис в разных отраслях хозяйства. Не удивительно, что 20 ноября 2011 г. большинство на выборах в Кортесы получила Народная партия (186 из 350 мест, или 53,1% голосов). Социалистическая рабочая партия после восьми лет у власти набрала 28,7% голосов¹⁵. Политологический прогноз о смене правящей партии оправдался. Политическая система России сейчас работает в ином режиме, поскольку и экономическая ситуация другая, и алгоритм участия политических партий в выборах другой. Амбивалентным представляется вопрос: можно ли

прогнозировать, что на следующих выборах в Государственную Думу РФ большинства голосов избирателей добьется не «Единая Россия», а другая политическая партия? и есть ли потенциально способная на такую победу партия на политическом поле России?

Принципиальное отличие в том, что в Испании не было передела собственности, частная собственность была всегда. В России попытки модернизации советской социалистической системы без права частной собственности привели к социальной революции, к смене политического режима. Проблема легитимности частной собственности в России, по мнению большинства, не решена до сих пор, что отражается в политически амбивалентном поведении экономически активных граждан.

Прямое копирование западноевропейских или англосаксонских алгоритмов модернизации государственного управления и партийного строительства, алгоритмов законодательных норм и правил функционирования политических партий в России на современном этапе демократического развития, в реальной политике не может быть применено без потенциальной угрозы роста политической амбивалентности.

Примечания

- ¹ См.: *Lipset S.* Consensus and Conflict in Political Sociology. New Brunswick; N. J., 1985. P. 23.
- ² См.: ЦБ отчитался о рекордном за 3 года оттоке капитала. – URL: <http://lenta.ru/news/2012/01/12/ottok>
- ³ См.: ЦБ подсчитал отток капитала из России в первом квартале. – URL: <http://lenta.ru/news/2012/04/04/ottok>
- ⁴ См., например: *Bojko S.* Un análisis político comparativo de los factores de la estabilidad política durante la transición democrática de Rusia y España a finales del siglo XX y principios del siglo XXI // Revista Internacional de humanidades. Vol. 1. Núm. 1. Madrid: Common Ground Publishing España S.L., 2012. P. 11–19; *Бойко С.И.* Политическая амбивалентность и политическая стабильность: национальный и зарубежный опыт // Сотрудничество институтов публичной власти и негосударственного сектора как условие укрепления демократии: Сб. ст. по материалам Всерос. конф. с междунар. участием / Под общ. ред. О.С. Городниной. Орёл: ООО ПФ «Картуш», 2012. С. 82–91; *Он же.* Преодоление идеологической и политической амбивалентности студентов в процессе преподавания социально-политических дисциплин // Высшая школа: проблемы и перспективы: 10-я Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 10 ноября 2011 г.: В 2 ч. Ч. 1. Минск: РИВШ, 2011. С. 169–173.

- ⁵ Устав Всероссийской политической партии «Единая Россия». М., 2009. С. 11.
- ⁶ См.: Федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2012 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях». – URL: <http://www.rg.ru/2012/04/04/partii-dok.html>
- ⁷ Путин и Медведев приступают к консультациям по будущему правительству. – URL: <http://www.interfax.ru/1446&id=234973>
- ⁸ См.: В России вступает в силу закон об упрощении регистрации партий. – URL: <http://www.top.rbc.ru/politics/04/04/2012/644740.shtml>
- ⁹ См.: Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / А.Г. Орлов, В.И. Лафитский и др.; науч. ред. А.В. Иванченко. М.: РЦОИТ: Типография «Новости», 2009. С. 51–53.
- ¹⁰ *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени // Победоносцев К.П. Московский сборник. СПб.: Русская симфония, 2009. С. 42. Перепеч. с изд. 1901 г. с испр. и доп.
- ¹¹ *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии / [сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 645–646.
- ¹² *Борисов Н.А.* Формирование национальной идеологии и проблемы легитимности политического режима: на примере идеологии белорусского государства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». М., 2012. № 1 (81). С. 29–40.
- ¹³ Стенограмма выступления Президента А.Г. Лукашенко на VI съезде ФПБ. – URL: <http://www.president.gov.by/press97884.html>
- ¹⁴ См.: *Diego E., de.* Historia clara de la España reciente. Madrid: Rambla Media Ediciones, 2011. P. 237–239.
- ¹⁵ См.: Народная партия получила большинство мест в парламенте Испании. – URL: <http://lenta.ru/news/2011/11/21/spain1>

Д.В. Соколов

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ОТ УНИФИКАЦИИ К МНОГООБРАЗИЮ

В данной статье представлен краткий обзор двух проектов европейской интеграции, возникших в годы «холодной войны» – советского «социалистического блока» и западноевропейской «зоны экономического сотрудничества». В статье содержится сопоставление некоторых их аспектов, а также дан обзор дальнейшего развития интеграции в Европе после исчезновения советского блока.

Ключевые слова: интеграция, Европейский союз, Восточная Европа, Западная Европа.

Во второй половине 1940-х годов Европа оказалась поделенной на два враждебных лагеря и стала ареной соперничества двух сверхдержав – СССР и США, каждая из которых была заинтересована в консолидации своих европейских союзников. Но если страны Западной Европы довольно быстро придали интеграции не столько военное, сколько экономическое направление, то в Восточной Европе интеграционный вектор был направлен в противоположную сторону – от экономического объединения к военно-политическому союзу.

Значимой интеграционной инициативой того периода в Западной Европе стало подписание соглашений, оформивших ЕЭС – в 1951 г. представители шести стран (Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга) подписали в Париже договор создания Европейского объединения угля и стали, а в 1957 г. в Риме состоялось подписание договора о создании Европейского экономического сообщества и Европейского агентства по атомной

энергии. Эти организации составили институциональный каркас будущего Европейского союза, заложив основы европейской интеграции на десятилетия вперед.

В тот же период началась консолидация стран Восточной Европы. Первым шагом стало создание в 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), призванного развивать экономическое и научно-техническое сотрудничество социалистических государств. Изначально в СЭВ входило шесть стран (СССР, Болгария, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Польша), однако именно Советский Союз всегда играл в нем лидирующую роль. Вторым шагом стало оформление в 1955 г. военно-политического союза, известного как Организация Варшавского Договора (ОВД), в его состав вошли СССР, Польша, Болгария, Румыния, Венгрия, ГДР и Чехословакия¹.

Так Европа была разделена на два лагеря, каждый из которых представлял собственный вариант интеграции. И если на Западе основной сферой интересов для участников интеграционного процесса была экономика, а в военных аспектах каждый член ЕЭС и НАТО сохранял значительную самостоятельность, то на Востоке интеграция проводилась через внешнее давление – СССР был доминирующей силой в регионе и другие члены социалистического лагеря не могли высказывать открытое неповиновение без риска оказаться в изоляции.

Два сценария европейской интеграции, развивавшиеся в годы «холодной войны», носили диаметрально противоположный характер. В странах Западной Европы экономическая сторона интеграции почти сразу возобладали над политической и военной сферой (хотя последние отнюдь не были исключены), и сам процесс интеграции можно проследить через переговоры: его архитектура выстраивалась медленно и с большим количеством политических кризисов. В странах Восточной Европы интеграция должна была создать монолитный блок на случай военного конфликта: экономика (хотя СЭВ и возник раньше, чем ОВД) всегда оставалась на втором плане. Запад имел целью гармонизировать многообразие участвовавших в интеграции стран, а Восток стремился к унификации, основанной на советском примере.

В июне 1993 г. на саммите в Копенгагене страны Европейского союза официально назвали критерии вступления в ЕС – они были перечислены в Декларации Европейского совета. Все они делятся на политические, экономические и законодательные². Основным политическим критерием является наличие в стране работоспособ-

ной демократической системы. В экономической области – наличие конкурентоспособной рыночной экономики. В юридической сфере – готовность страны-кандидата имплементировать общие для всех стран ЕС нормы и стандарты, которые и являются основой для интеграции. Для реализации интеграционных программ ЕС создал специальные институты, выполняющие посреднические функции между национальными правительствами и наднациональными органами ЕС.

Еще в 1989 г. страны ЕЭС начали реализацию программы PHARE (*Poland & Hungary: Assistance for Reconstructing their Economies*), которая была направлена на помощь Польше и Венгрии в проведении экономических реформ; позднее список стран-участниц программы расширился и охватил, помимо трех прибалтийских государств, также Чехию, Словакию, Словению, Болгарию и Румынию. Основные цели PHARE сводятся к следующим: развитие общественно значимых институтов, обеспечение конвергенции стран-кандидатов с юридической базой ЕС и реализация мер по экономическому и социальному выравниванию. Еще одним институтом, призванным помочь странам-кандидатам из Восточной Европы в присоединении к ЕС, стала программа 1999 г. SAPARD (*Special Accession Programme for Agriculture & Rural Development*), целью которой была помощь в модернизации аграрного сектора экономики и провинциальных центров (отдаленных и экономически депрессивных районов). И в тот же год была принята третья программа, созданная для помощи странам Восточной Европы в развитии процесса интеграции, – ISPA (*Instrument for Structural Policies for Pre-Accession*), задача которой заключалась в обновлении инфраструктуры стран-кандидатов; основным направлением деятельности программы было финансирование проектов по развитию природоохранной системы и транспортной сети³.

Каждая из этих программ действовала как минимум до середины 2000-х годов, когда произошло самое крупное в истории ЕС расширение. В мае 2004 г. в состав Евросоюза вошли Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, а также Латвия, Литва, Эстония, Словения и два островных государства – Мальта и Кипр. Болгария и Румыния, однако, остались за пределами этой волны расширения ЕС; причины отставания лежали в социально-политической плоскости и в экономике⁴. Эти страны вошли в ЕС только в январе 2007 г.

Таким образом, ЕС продемонстрировал, что интеграция возможна (а иногда и необходима) на разных скоростях – стратегия Брюсселя заключалась не в том, чтобы добиться расширения как

можно быстрее, но в том, чтобы создать механизмы, способствующие реформам в каждой отдельной стране. В своей интеграционной стратегии ЕС ориентировался на сохранение многообразия, т. е. на то, чтобы гармонизировать множество различных национальных законодательств и экономик, а не на то, чтобы лишить государства своеобразие, взамен предоставив им некий набор стандартизированных благ.

Вторая мировая война и начавшаяся после нее «холодная война» привели к оформлению на континенте враждебных блоков, каждый из которых должен был крепить внутренние связи в условиях противостояния сверхдержав. Иными словами, для Запада и Востока вызов был сходным: интеграция как ответ на возможность возникновения новой войны. Но подходы к интеграции в каждом из блоков сильно отличались.

Восточная Европа была объединена в рамках социалистического лагеря, основными структурами которого были ОВД и СЭВ, а также идеологическая однородность режимов в регионе. СССР выстраивал свой интеграционный проект в Европе на основе сведения множества стран к единообразию и стремился воспрепятствовать любым серьезным шагам своих союзников во внешней политике, особенно в военном и экономическом ее аспектах. Эта интеграция покоилась прежде всего на внешнем давлении, а не на внутренних связях между ее участниками. И носила она явно иерархический характер: несмотря на формальное равенство всех стран, решающий голос в делах Восточной Европы всегда оставался за СССР.

При такой интеграционной стратегии, основанной на внешнем воздействии и нивелировании многообразия, самой острой проблемой становились попытки инакомыслия и выхода из системы. Каждый кризис советского блока был так или иначе связан с отказом проводить указанную в Москве политику. В конце 1940-х годов от «народных демократий» откололась Югославия: конфликт продолжался до середины 1950-х годов, когда Советский Союз все же признал право югославов на автономию в рамках социалистического лагеря. Но в то же время СССР своими жесткими действиями во время кризиса 1956 г. в Венгрии дал понять, что любые попытки выйти из советского блока будут пресечены силовыми средствами. Когда в конце 1960-х годов чехословацкие коммунисты попытались дистанцироваться от Москвы, СССР вновьотреагировал карательными мерами, силой восстановив в стране лояльное Москве правительство.

При этом, несмотря на силовые акции и деятельность институтов, которые должны были скреплять восточноевропейские страны, внутреннее единство блока со временем подверглось эрозии. Помимо вышеназванных кризисов, в Восточной Европе наблюдались процессы постепенного обособления социалистических государств от Москвы: в 1960-е годы ухудшались отношения с Албанией и Румынией, а с начала 1980-х годов развивался кризис в Польше. Примечательно, что, когда СССР объявил о выводе своих войск из Восточной Европы, правящие режимы почти везде в регионе рухнули без какого-либо кровопролития и никто из новых лидеров не пожелал сохранить никакие интеграционные структуры из тех, что действовали в годы социализма: ОВД и СЭВ исчезли практически бесследно. Наследие советской интеграции оказалось неожиданно хрупким для проекта, который существовал десятилетиями и демонстрировал внешнюю монолитность.

Западная Европа сосредоточилась сначала на создании прочных межгосударственных экономических связей, которые помогли бы возникновению взаимозависимости западноевропейских стран друг от друга и тем самым снизили бы возможность нового военного конфликта. Интеграция в Западной Европе долгое время носила преимущественно экономический характер, и лишь после окончания «холодной войны» в ней стали все более активно появляться политические компоненты. Отчасти это обусловлено тем, что в годы противостояния с СССР военные аспекты были связаны с вневосточной державой – США, а также атлантическим блоком, в котором Вашингтон был «первым среди равных». Когда в начале 1990-х годов борьба сверхдержав завершилась крахом мировой системы социализма и распадом СССР, в Западной Европе политика вышла на первый план, отодвинув экономические и военные вопросы. Здесь интеграция с самого начала обеспечивалась не внешним давлением, но желанием национальных правительств предотвратить новые войны на континенте, для чего было решено создать сеть взаимодополняющих (и усиливающих взаимозависимость) организаций. Проект, возникший в Западной Европе, таким образом, изначально носил полицентричный, даже сетевой, характер, и основывался на компромиссах и взаимовыгодных соглашениях, а не на трансляции желаний одного участника всем остальным.

Из этой специфики вытекает и характер тех вызовов, с которыми сталкивалась западноевропейская интеграция. Наиболее серьезные кризисы в Европейском сообществе были связаны с вопросами распределения полномочий между национальными

правительствами и наднациональными органами власти: поскольку ЕЭС первоначально не имел ясно выраженной иерархической структуры (вместо нее существовала сеть договоров, образующая то, что позднее станет называться «колоннами», поддерживающими интеграцию) и его компетенции в принципе были предметом переговоров и компромиссов, отдельные страны нередко оспаривали решения наднациональной власти (так, например, в 1960-е годы Франция, после длительного кризиса в отношениях с соседними странами ЕЭС, добилась того, чтобы жизненно важные для отдельного государства решения принимались единогласно, а не путем квалифицированного большинства).

Еще один примечательный момент: с окончанием «холодной войны» (и внешней угрозы со стороны СССР) интеграция в Западной Европе не прекратилась, а ускорилась. На период 1995–2007 гг. приходится несколько волн расширений Евросоюза, по итогам которых в составе ЕС оказались практически все бывшие участники советского интеграционного проекта, а также целый ряд других государств. Проект европейской интеграции, основанный на создании общего рынка и открытых внутренних границ, доказал свою способность к саморазвитию без наличия внешнего давления.

Что еще более важно, история сопоставления европейских проектов интеграции показывает необходимость и желательность многообразия – в то время как Советский Союз стремился нивелировать его, управляя своими союзниками единолично, и подчинял субъектов интеграции своей воле, ЕЭС стремился гармонизировать то огромное пространство различий, которое лежало перед ним сначала в Западной Европе, а затем и в странах бывшего социалистического лагеря. Если советский проект интеграции был направлен на унификацию и обеспечение идеологического единообразия, то западноевропейский интеграционный проект с самого начала исходил из необходимости выстраивать сложные системы совместных решений, принимаемых в рамках многообразного, даже пестрого, региона, каждая страна которого должна была иметь свое право голоса в создаваемом общем пространстве.

Примечания

---

¹ Вопросы оформления советской сферы влияния в Восточной Европе см.: *Быстрова Н.* СССР и формирование военно-блокового противостояния в Европе, 1945–1955. М.: Кучково Поле, 2007.

- ² Решения копенгагенского саммита и детализацию по критериям см.: Copenhagen European Council, Presidency's Conclusions // EC Bull. 1993. № 6.
- ³ Работа последних двух программ рассматривалась в контексте «политики выравнивания», принятой в начале 1990-х годов: чтобы достичь более высоких стандартов жизни, приемлемых для ЕС в целом, странам Восточной Европы было необходимо провести широкие реформы не только в политике и экономике, но и в области социальной сферы. Эти преобразования включали реорганизацию системы социального обеспечения и оздоровление депрессивных регионов, способных оказать негативное воздействие на экономическую динамику стран-кандидатов.
- ⁴ Мониторинговые отчеты ЕС фиксировали, что, несмотря на тенденцию к оздоровлению экономики в Болгарии и Румынии, заметную в начале – середине 2000-х годов, обе страны страдают от высокого уровня коррупции, а также пробуксовки реформ в судебной системе. См.: Romania. May 2006 Monitoring Report. Brussels, SEC (2006). P. 35; Monitoring report on the state of preparedness for EU membership of Bulgaria and Romania. Brussels, COM (2006). P. 9–10.

Е.С. Мелкумян

АРАБСКИЕ МОНАРХИИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА И «АРАБСКАЯ ВЕСНА»

Арабские монархические государства в ходе протестных выступлений, охвативших многие арабские страны, смогли сохранить свои режимы. Однако изменение баланса сил в регионе заставило их прилагать усилия для укрепления своих региональных позиций и стабилизации внутриполитического положения. Кроме того, монархические государства Арабского Востока активизировали свое участие в обеспечении безопасности ближневосточного региона. Некоторые из них были непосредственным образом вовлечены в противостояние власти и оппозиции в некоторых арабских странах.

Ключевые слова: арабские монархии, «арабская весна», стабильность, консолидация, безопасность, влияние.

Арабские монархические государства во время массовых выступлений против власти 2011 г., получивших название «арабская весна», смогли сохранить свою стабильность. Несмотря на то что там так же, как и в других арабских странах, происходили выступления оппозиционных сил, поддержанные представителями различных слоев населения, и прежде всего молодежью, они не привели к падению правящих режимов. Однако подъем антиправительственных акций протеста граждан соседних арабских государств вызвал у правящих элит арабских монархий стремление не только упрочить внутривнутриполитическое положение в своих странах, но и укрепить единство всех монархических государств Арабского Востока и способствовать изменению соотношения сил в регионе таким образом, чтобы это отвечало их интересам.

Арабские монархические государства, расположенные в регионе Персидского залива, входят в созданную в 1981 г. региональную организацию – Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ). Ее признанным лидером стала Саудовская Аравия. В 2011 г. под влиянием событий «арабской весны» в некоторых из государств–членов этой организации проходили массовые акции протеста. Волнения охватили и Иорданию, где парламентская оппозиция выводила на митинги и демонстрации тысячи своих сторонников с требованием проведения политических реформ. Подобные митинги и демонстрации прошли и в Марокко.

11 мая 2011 г. в Эр-Рияде состоялось внеочередное консультативное совещание руководителей стран, входящих в ССАГЗ. На нем была рассмотрена просьба Хашимитского Королевства Иордании о присоединении к Совету сотрудничества. Члены ССАГЗ поддержали эту просьбу. Кроме того, участники совещания направили Королевству Марокко предложение упрочить связи с государствами ССАГЗ. Таким образом, шесть монархий региона Залива – члены Совета сотрудничества, среди которых Королевство Бахрейн, Государство Катар, Государство Кувейт, ОАЭ – федерация, объединяющая семь эмиратов, Султанат Оман и Королевство Саудовская Аравия, посчитали необходимым объединить усилия всех монархических государств арабского региона в свете угрожающих ему новых вызовов. Стремление к объединению арабских монархий было оправдано осложнением региональной ситуации.

19–20 декабря 2011 г. в Эр-Рияде прошел очередной саммит ССАГЗ. Главным решением, которое было принято его участниками, стало повышение уровня интеграции и преобразование Совета в союз (*иттихад*) шести государств.

Это предложение было выдвинуто королем Саудовской Аравии Абдаллой бен Абдель Азизом Аль Саудом. В своей речи он заявил о том, что «настало время перейти от этапа сотрудничества к этапу создания союза», предполагающему, что каждая из стран Совета сотрудничества откажется от части своего суверенитета¹.

Создание союза предусмотрено в Уставе ССАГЗ. Статья 4 этого основополагающего документа гласит: «Основными целями Совета сотрудничества являются: осуществление координации действий, сотрудничества и интеграции между государствами-членами во всех сферах их деятельности с целью достижения единства»².

Прошло более 30 лет после принятия этого документа, и главы государств-членов начали обсуждение вопроса о создании союзного государства. Итогом обсуждений стало решение о формировании

специальной комиссии, которая должна изучить все предложения и высказанные точки зрения и представить свои рекомендации Высшему Совету ССАГЗ, состоящему из глав государств-членов.

В выступлениях глав государств инициатива саудовского монарха получила одобрение. Она была оценена ими как «осуществление добра и защита от зла», как «осуществление устремлений граждан государств Совета сотрудничества», как «ответ на те вызовы, которые угрожают» входящим в Совет сотрудничества «государствам и их народам»³.

В этих словах обращает на себя внимание то, что стремление к единству вызвано прежде всего необходимостью обеспечить безопасность государств, входящих в Совет сотрудничества. Вне всякого сомнения, создание союза шести государств Залива повысит его обороноспособность.

Еще одной мерой, направленной на повышение безопасности стран Совета сотрудничества, стало проведение 31 марта 2012 г. первого Форума по стратегическому сотрудничеству между ССАГЗ и США. Целью этого мероприятия была разработка программы создания ракетного щита для обороны государств Залива. США обязались содействовать этому⁴. Кроме того, для того чтобы укрепить свои правящие режимы, государства ССАГЗ планируют проведение ускоренных реформ, осуществить которые будет значительно легче, если уровень их интеграции будет повышен.

Выступая в конце декабря 2011 г. на конференции «Залив и мир», министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд Аль-Фейсал следующим образом определил причины, которые заставили государства ССАГЗ стремиться к большему взаимодействию. Это – «иранское вмешательство во внутренние дела стран Залива», как и вероятность создания Ираном ядерного оружия, способного стать «серьезной угрозой региону»⁵.

Фактор иранской угрозы оказывает серьезное влияние на политику арабских монархий, отличающуюся консерватизмом. Позиции Ирана и монархических арабских государств не совпадают по большинству международных вопросов. Арабские монархии проводят курс на сотрудничество с США и странами ЕС и на интеграцию в мировое сообщество, тогда как Исламская Республика Иран рассматривает страны Запада в качестве своих главных противников, а существующую систему международных отношений – как дискриминационную, которая нуждается в коренной трансформации. Это принципиальное различие в подходах к существующей системе международных отношений, не говоря

уже о территориальных конфликтах и прочих разногласиях, превращают Иран в потенциального противника арабских монархий.

Государства—члены ССАГЗ обсуждают вопрос о создании союза шести государств, но они пока не планируют включать в него Иорданию и Марокко. На саммите «шестерки» была выражена позиция по этому вопросу. В коммюнике саммита говорилось о том, что были намечены сферы сотрудничества с ними и созданы некоторые специализированные комиссии, призванные осуществлять это сотрудничество, что создаст необходимую базу для партнерских отношений, развитие которых было провозглашено. Речь, таким образом, не идет о том, что Иордания и Марокко станут полноправными членами Совета сотрудничества в ближайшем будущем. В то же время главы государств ССАГЗ приняли решение создать специальный фонд для поддержки проектов развития в Иордании и Марокко, который выделит каждой из этих двух стран по 2,5 млрд долларов⁶.

Государства ССАГЗ обладают широкими финансовыми возможностями благодаря своему положению основных производителей энергетического сырья, что повышает их значение на региональной арене. Их поддержка Иордании и Марокко направлена на консолидацию сил всех монархических государств арабского региона для поддержания региональной стабильности в свете событий «арабской весны».

Арабские монархические государства выступают за снижение уровня напряженности в регионе Ближнего Востока. Саудовская Аравия была инициатором планов по мирному урегулированию ближневосточного конфликта в 1981 и в 2002 гг. Все арабские монархии привержены мирному способу урегулирования всех конфликтных ситуаций на глобальном и региональном уровнях.

В 2011 г. Катар выступил с инициативой открыть у себя представительство движения Талибан. Этот шаг направлен на поиски путей выхода из тупика, в который зашла ситуация в Афганистане. По заявлению представителя движения, «пришло время открыть наше бюро за границей, для того чтобы приступить к переговорам с мировым сообществом». Внешнеполитическое ведомство Катара объясняет свой шаг тем, что «решение афганского вопроса требует, чтобы Талибан был частью этого процесса и чтобы с ним взаимодействовали как с одним из политических участников»⁷.

Тот же Катар в 2011 г. стал посредником в урегулировании отношений между двумя противоборствующими политическими силами в Палестине – ХАМАС и ФАТХ. Посреднические усилия,

предпринятые эмиром Катара шейхом Хамадом бен Халифа для организации встречи в Дохе между председателем Палестинского Национального совета Махмудом Аббасом и главой политического бюро ХАМАС Халедом Машалем, дали результаты: два палестинских лидера выступили с совместным заявлением. Их примирение укрепит положение палестинцев в переговорном процессе с Израилем. Кроме того, ХАМАС ослабит свои связи с Сирией и Ираном, что будет отвечать прежде всего интересам государств ССАГЗ. Именно эти две страны они обвиняют во вмешательстве в их внутренние дела и поддержке антиправительственных сил.

ССАГЗ поддержали своего партнера по организации – Королевство Бахрейн, где 14 февраля 2011 г. начались выступления оппозиции с требованием внести изменения в конституцию с тем, чтобы усилить роль парламента. Протестные выступления росли, против них органы безопасности применяли силу, что вело к новым жертвам и накаляло обстановку в стране. Это стало причиной выдвижения со стороны вновь образованного шиитского блока – *Коалиции во имя республики (Тахалуф мин аджль аль-джумхурийя)* – требования о свержении королевской власти и превращении Бахрейна в республику. Этот блок был образован после возвращения из ссылки в страну руководителя одной из группировок, вошедшей в это объединение, Хасана Мушайяа, связанного с Ираном⁸.

Появление требований о свержении королевского режима напугало власть, и она обратилась за помощью к своим партнерам по Совету сотрудничества. 14 марта 2011 г. на территорию Королевства Бахрейн были введены объединенные войска ССАГЗ – «Щит полуострова». Эти войска были созданы в 1984 г., когда было заключено соглашение о коллективной обороне. В их состав входят военнослужащие из всех стран-участниц организации, но основной костяк составляют представители Саудовской Аравии, обладающей самыми многочисленными вооруженными силами среди всех участников ССАГЗ.

Отношение монархий Персидского залива к событиям в Йемене было особенно внимательным. Йемен – сосед ССАГЗ, и нарушение его внутривнутриполитической стабильности может иметь самые негативные последствия для членов этой региональной организации. Кроме того, летом 2010 г. Йемен стал источником прямой угрозы национальной безопасности Саудовского королевства, когда зона саудовско-йеменской границы стала театром проти-

востояния с хуситами. Вооруженные боевики секты хуситов, близкой по своим воззрениям шиитам, проникали на саудовскую территорию. Их действия были поддержаны Ираном. Саудовская Аравия провела успешную военную операцию по вытеснению хуситов из страны.

10 апреля 2011 г. в Эр-Рияде по инициативе саудовского руководства состоялось чрезвычайное совещание министров иностранных дел государств–членов ССАГЗ, на котором была принята «инициатива стран Залива по Йемену». Они предлагали президенту Салеху уйти в отставку в течение 30 дней после формирования временного правительства во главе с представителями оппозиции, которая, в свою очередь, должна была прекратить все акции протеста. Свои полномочия президент Салех должен был передать вице-президенту до выборов нового президента, при этом ему самому и его семейству гарантировался иммунитет от судебных преследований⁹.

Оппозицию не устроили некоторые пункты плана. 3 июня 2011 г. в Сане было организовано нападение на мечеть при президентском дворце. Президент получил ранение и отправился на лечение в Саудовскую Аравию.

После того как на президента Салеха было оказано давление со стороны Саудовской Аравии и других членов Совета сотрудничества, он согласился покинуть свой пост. В результате ситуация в Йемене была разрешена по сценарию, предложенному ССАГЗ.

Арабские монархии, и прежде всего государства–члены ССАГЗ и Марокко, были активными участниками разрешения ситуации в Ливии. Они жестко критиковали ливийский режим за неправомерное применение силы против мирных граждан.

17 марта 2011 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1973, объявившую воздушное пространство Ливии бесполетной зоной. Выполнение этого решения взяла на себя НАТО при участии монархий Персидского залива – Катара и ОАЭ.

Монархические государства Арабского мира сыграли ключевую роль в том, что эта акция была поддержана арабскими странами. Прямое военное участие двух государств–членов ССАГЗ в военной операции по свержению режима Каддафи осуществлялось, конечно же, по согласованию с членами этого регионального объединения. Кроме того, 11 марта 2011 г. ССАГЗ провел экстренное совещание министров иностранных дел стран–участниц, на котором они единодушно выразили свою позицию по Ливии, заявив о нелегитимности режима М. Каддафи и призвав между-

народное сообщество вмешаться для спасения жизней ливийских граждан, против которого правительство использовало авиацию и тяжелое вооружение.

Позиция государств ССАГЗ стала определяющей для Лиги арабских государств. Она смогла выработать совместное решение только в конце августа 2011 г. 27 августа состоялась чрезвычайная сессия ЛАГ, на которой была принята резолюция, одобрявшая военное вмешательство в Ливии.

В начале сентября 2011 г. по инициативе арабских стран, в первую очередь государств-членов ССАГЗ, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций поддержала предложение о предоставлении Переходному национальному совету (ПНС) права представлять страну в ООН.

Сложный характер саудовско-ливийских отношений последних лет (в Саудовской Аравии говорили о «раскрытии заговора ливийского режима в целях убийства короля Абдаллы бен Абдель Азиза») определил основные элементы политики в отношении Ливии. Кроме того, Марокко также было заинтересовано в смещении режима М. Каддафи из-за его непоследовательной политики в регионе Магриба. Позиция Марокко была важна для выработки общей политики государствами ЛАГ.

12 февраля 2012 г. Совет ЛАГ принял документ, касающийся ситуации в Сирии. Монархии Арабского мира, в первую очередь региона Залива, оказали определяющее влияние на принятые решения. Они касались мирного разрешения сирийского кризиса, проведения политических реформ и сохранения единства страны. Одновременно документ ЛАГ предусматривал введение мер экономического бойкота и прекращения торговых операций с сирийским режимом, за исключением тех, которые прямо касаются сирийских граждан¹⁰.

Вся ответственность за продолжающееся в стране кровопролитие возлагалась исключительно на правительство Б. Асада. Министры иностранных дел стран-участниц ЛАГ подтвердили приостановку всех форм дипломатического взаимодействия с представителями сирийского режима во всех государствах, а также в международных организациях и форумах, призвав все государства, заинтересованные в недопущении жертв сирийского народа, поддержать меры, предпринимаемые арабскими странами. Кроме того, в документе ЛАГ было подчеркнуто, что «масштабное использование насилия в отношении сирийских гражданских лиц, включая женщин и детей, должно рассматриваться международным

уголовным правом и требует наказания тех, кто совершает это насилие»¹¹.

Акцент в позиции политической элиты монархических государств, прежде всего членов ССАГЗ, был сделан на нарушениях прав человека в Сирии и обвинениях в адрес правящего режима, который дискредитировал себя своими противоправными действиями.

Саудовская Аравия провозгласила свое право действовать самостоятельно. Она открыто заявила о том, что будет поставлять оружие сирийской оппозиции. Эту же позицию занял и Катар. Их партнеры по ССАГЗ, как и Иордания и Марокко, в целом поддерживали их действия, но не принимали активного участия в решении сирийского вопроса.

Монархические государства в арабском мире проявляют готовность интегрироваться в мировое сообщество. Они заявляют о своей приверженности либеральным ценностям и выступают против арабских режимов, которые нарушают права человека и используют военную силу против мирных граждан.

Арабские монархии в период подъема массовых антиправительственных выступлений в арабском мире проводили политику, целью которой было усиление их влияния, с тем, чтобы компенсировать снижение роли Египта, на протяжении последних лет бывшего их надежным союзником. Кроме того, они стремились к тому, чтобы уменьшить роль Ирана, претендующего на роль регионального лидера в арабском геополитическом пространстве, и смягчить последствия политических изменений в регионе.

Примечания

- ¹ Фи хитам аль-кимма аль-халиджий... (В заключение саммита стран Залива...) // Аль-Хайят, 21 декабря 2011. – <http://international.daralhayat.com/print/341701>.
- ² Основной Устав ССАГЗ // Мелкумян Е.С. ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999. С. 140.
- ³ Там же.
- ⁴ Леджна аманийя халиджийя амрикийя ли дарс бина «дара сарухийя» (Комиссия по обеспечению безопасности США и стран Залива должна изучить возможность создания «ракетного щита») // Аль-Хайят, 1 апреля 2012. – <http://ksa.daralhayat.com/print/380965>.

- ⁵ Калима Суму вазир аль-хариджий аль-амир Сауд Аль-Фейсал (Выступление Его Высочества принца Сауда Аль-Фейсала, министра иностранных дел). – <http://www.gulfandglobe.org/home/ar/media-center/speeches-and-papers/28-2011-12-04-06-35-02.html>.
- ⁶ Насс аль-байян аль-хитами (Текст заключительного коммюнике) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 21 декабря 2011. – <http://www.aawsat.com/print.asp?did=65529&issueno=12076>.
- ⁷ Талибан сатафтах мактаба фи Катар (Талибан откроет бюро в Катаре) . – <http://www.aljazeera.net/Portal/Templates/Postings/PocketPcDetailedP...21.04.2011>.
- ⁸ Хасан Мушайяа получил образование в Куме (Иран). С 1994 г. принимал участие в акциях протеста. Входил в руководство Аль-Вифак, но в 2005 г. он вышел из ее состава и создал организацию Харакат хак. По обвинению в причастности к антиправительственным заговорам он был четырежды арестован, а в 2010 г. был выслан из страны, проживал попеременно в Тегеране и Лондоне. Вернулся в Бахрейн после объявленной королем амнистии и призыва наследника престола к всеобщему диалогу // Аль-Джазира, 27 февраля 2011. – <http://www.aljazeera.net/NR/exeres/FB7DA140-4279-4CDE-9F52-FB1>.
- ⁹ См.: *Бурова А.Н., Коротаев А.В.* Арабская весна: хроника событий: Арабская весна 2011 года: Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М., 2011. С. 21.
- ¹⁰ Насс таусыйят вузара аль-хариджий аль-араб (Текст рекомендаций арабских министров иностранных дел) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 февраля 2012. – <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=663393&issueno=12130>.
- ¹¹ Там же.

Е.Н. Соколова

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ»: РОЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССАХ РАЗВИТИЯ МАКРОРЕГИОНА

Статья основана на материалах специального исследования, проведенного на Дальнем Востоке в 2011 г. В ней анализируется когнитивная составляющая общности: ее представления о себе и о «других» («западниках», москвичих); а также выявляется характер и узкие места в коммуникации между политико-административной элитой субъектов ДФО и федеральным центром.

Ключевые слова: идентичность, идентификационная общность, коммуникация, принятие решений, Дальний Восток.

Территориальные идентификационные общности в России вовсе не исчерпываются критериями этничности и могут не иметь выраженных социально-политических границ. В ходе исследования общественного мнения, проведенного в 2008 г. на территории Приамурья, было выявлено наличие представлений о специфической идентификационной общности «дальневосточники». В марте–апреле 2011 г. было предпринято специальное исследование в центральных регионах Дальнего Востока – Амурской области и Еврейской автономной области, направленное на глубокое изучение когнитивных и аффективных компонентов дальневосточной идентичности, ее границ, представлений дальневосточников о других, а также того, каким образом наличие специфических представлений влияет на коммуникацию с федеральным центром в вопросах социально-экономического развития Дальнего Востока. Полевая часть исследования включала проведение 25 фокус-групп в населенных пунктах регионов; 21 экспертное интервью с предста-

вителями административно-политической и политико-экономической элиты; массовый опрос в Амурской области.

Несмотря на то что зачастую говорят о том, что «коренных» здесь нет, происхождение от той или иной волны заселения Дальнего Востока и само их осмысление имеет большое значение для конструирования идентичности. Как правило, в интервью фигурировало несколько таких волн, которые имеют особое значение: 1) казаки, фактически пограничники, которые осваивали, обживали и охраняли эту территорию для государства и государя. По смыслу близка этой волне и другая, более поздняя, – военнотруженики и их семьи; 2) крестьяне-поселенцы времен Столыпина, они получали бесплатно большие наделы земли и солидные подъемные; 3) переселенцы 20–30-х годов. Сюда нередко ехали от голода и разрухи украинцы, белорусы и русские с «запада»; 4) северные стройки, БАМ. Последняя по хронологии волна. Сюда ехали и за «длинным рублем», и на волне энтузиазма. С условиями было сложнее, но заработок был всегда неплохой; 5) ссыльные и поселенцы.

Четыре основные волны заселения и освоения Дальнего Востока породили ряд специфических представлений, характерных для дальневосточной матрицы сознания.

Первое значимое для дальневосточного сознания представление – это видение Дальнего Востока как форпоста. Причем именно в значении охранного пункта на границе, а не передового укрепления. Дальневосточники «держат» эту землю для России самим фактом жизни на этой земле, в этих сложных климатических условиях. Это воспринимается как «государева служба», за которую необходимо вознаграждение. К государству предъявляются очень высокие требования – заботиться, создавать условия как для жизни, так и для развития. Такое своеобразное преломление патернализма, сильного и в других регионах России, мне встретилось только здесь – на Дальнем Востоке. На самом деле, это редкое счастье для территориальной общности в современной России – иметь миссию, смысл довольно сложного существования. Но образ Дальнего Востока в процессе реализации программ развития потребует нового описания как форпоста – в значении стоящего впереди, авангарда.

Если «удерживать форпост» для российского государства – столь осознаваемая и значимая миссия дальневосточника, откуда тогда такой высокий отток населения? Да ровно потому, что это служба, и совсем не легкая. И нет такого дальневосточника,

который не мечтал бы, продолжая метафору, выйти на пенсию и пожить в свое удовольствие.

Дальневосточная элита, прежде всего экономическая, пожалуй, самая привязанная к территории категория населения. Ее держат дело, не только родственные, но и деловые связи.

Многие ключевые ценности и запросы становятся очевидными через образ «золотого века». Он описывает не столько прошлое, сколько желаемое будущее.

В других регионах России роль «золотого века», конечно, играет советский период нашей истории. Но для Дальнего Востока «золотой век» другой. Конечно, и здесь иногда всплывает ностальгия по советскому прошлому, по отдельным его моментам. Вспоминается, например, эпоха БАМа, когда шло инфраструктурное развитие, был приток молодого населения. Элитой оценивается понятность принципов работы с Москвой, например опыт Госплана, филиал которого располагался и в Хабаровске. Но этот период вовсе не считается идеалом. Причиной тому – понимание недостаточно правильной политики в отношении экономического, прежде всего, развития Дальнего Востока в советское время. Промышленное развитие, как считается, не велось сознательно, так как для значительной части территорий существовала военная угроза Китая и она могла быть сдана в ходе боевых действий.

В один голос представители дальневосточной элиты описывают «золотой век» как время столыпинских реформ и масштабного заселения земель в царские времена, когда давали большие подъемные и большие земельные наделы. Через эту призму оценивается сейчас и реализация программы по переселению соотечественников.

Что за идеалы развития, идеалы политики федерального центра в отношении Дальнего Востока заложены в этом «мифе о золотом веке»?

Во-первых, ценность сохранения и притока населения. Кстати, это одна из зон пересечения запросов и представлений дальневосточников и «западников».

Во-вторых, определенный патернализм, хотя и очень специфический, связанный с осознанием того, что без особых условий эта земля не так уж и привлекательна. Поэтому особые условия – преференции и льготы – должны непременно создаваться федеральной властью.

В-третьих, отсутствие бедности. Если ты работаешь – ты богат. Это, с одной стороны, и ответ на ту нищету, в которой живет

сейчас дальневосточная глубинка и которую хорошо знает дальневосточная административно-политическая элита. С другой стороны, это ценность труда, да хоть бы и тех же рабочих мест.

Можно говорить о том, что идентификационные общности могут обладать разной степенью содержательного развития. Во многом это зависит от необходимости постоянной репрезентации, провоцируемой, например, напряженностью конфликта с «другими». Когнитивная составляющая дальневосточной идентичности не строго закреплена, выделяются отчетливо пустующие зоны.

Когнитивные элементы дальневосточной идентичности являются не столько реальными характеристиками общности, ее истории, социальных и политических условий, сколько выражением запроса к «другим».

Географические границы общности в представлениях жителей Дальнего Востока не определены. Верно одно – за Уралом лежит Запад. Там люди другие. Во многом просто антиподы, что вполне естественно для идентификационных механизмов и оппозиций «мы – они».

То, что люди отвечают на вопрос, чем может гордиться ваш регион, – лакмусовая бумажка. Для дальневосточников – это природа и люди. Это самые простые, изначальные богатства. Жизненные силы Дальнего Востока еще не получили должного развития и не реализовались в чем-то «тварном», чем-то от человеческого труда, чем стоило бы гордиться.

Аффекты в отношении дальневосточной природы порождают некоторые вызовы на пути реализации проектов развития региона. Любая масштабная стройка, любая промышленность вызывают серьезные экологические опасения, зачастую иррациональные, не свободны от которых и представители местной хозяйственной и политической элиты.

Люди – вторая естественная гордость. Представление о себе – это важнейшая часть идентичности. Собственно, описание того, какие они – дальневосточники, сформировано очень четко. Везде, отвечая на этот вопрос, вам скажут, что у дальневосточников «открытая душа».

Открытость дальневосточников, таким образом, описывается в нескольких измерениях: это прямолинейность и несклонность к хитрости и обману; это открытость контактам с людьми, общительность; это готовность помочь, поделиться.

Как и у любого элемента в конструировании идентичности, у представления об открытости дальневосточников есть объек-

тивные предпосылки. Здесь, действительно, играют роль и география, и плотность населения, которая не способствует атомизации общества.

Тем не менее главное для рассматриваемой нами проблемы – это очевидный запрос к «другим». Это один из основных механизмов конструирования идентичности – перенос положительных, социально востребованных качеств на представителей своей группы и приписывание другим (в данном случае – москвичам, «западникам») их противоположностей.

Это важный запрос именно к Москве, «западникам», в том числе и в элитных взаимодействиях. Дальневосточники, оказываясь в Москве, испытывают дискомфорт в коммуникации. Поэтому открытость, уважение, внимание, взаимопомощь – столь востребованные качества, которые хотелось бы увидеть у «западников».

«Дальний Восток начинается там, где забыли про людей» – эта пронзительная формула прозвучала на одной из фокус-групп. Но так или иначе тема «нас забыли», «нас оставили» звучала при каждом нашем разговоре с простыми дальневосточниками. Если дальневосточники – государевы люди на границе, то последние пару десятков лет государство о них забыло. «Государство не обращает внимания» – здесь не просто стандартный речевой оборот, это серьезное и глубокое переживание.

Многолетняя экономическая депрессивность региона привела и к социальной депрессии. Здесь настолько за последнее время привыкли в общем-то выживать, что уже кажется, что у региона нет перспектив, что ничего нового не возникает, что развития нет.

Не свободна от этого ощущения отсутствия реального развития и политико-административная элита региона. Ее представители нередко признаются, что вопрос развития Дальнего Востока для федерального центра скорее носит декларативный характер.

И еще одна важная, пожалуй, для понимания дальневосточной матрицы сознания вещь. Из разговоров на более чем двух десятках фокус-групп, проведенных нами в Приамурье, стало очевидно, что деньги – естественный предмет гордости дальневосточника. Какая бы волна переселения ни сделала тебя дальневосточником, твои родители, предки шли сюда за лучшей жизнью. Здесь привыкли зарабатывать больше, отличаться и гордиться этим. Дальневосточники, привыкшие оправдывать тяжелые бытовые условия достойной зарплатой, потеряли эту возможность. Это также порождает проблемы в коммуникации с «западниками», москвичами. Этот коммуникативный дискомфорт на самом деле

работает и в случае с элитой. Оттого и столько разговоров о том, что Москва думает только о деньгах, а решить все можно только за взятку.

В противовес дальневосточникам москвичи наделяются качествами совершенно обратными. «Западники» – закрытые, индивидуалисты. Они не выслушают, не помогут в беде, не поделятся. Считается, что Москва не понимает, насколько беден Дальний Восток, а потому «придумывает» проекты, масштабные по федеральному звучанию, но мало адаптированные и эффективные для регионов.

Взаимодействие элит в процессе формирования и реализации программ по развитию Дальнего Востока – это фактически пересечение нескольких сетей социального обмена: сети политико-экономической элиты Москвы, т. е. «запада», и сетей политико-экономических элит дальневосточных регионов. Обмены в этих сетях идут с разной интенсивностью, в разном объеме и построены на несколько различных принципах.

В основе ряда разрывов коммуникации, факторов ее недостаточной эффективности лежат убеждения, комплексы и особенности, от которых не свободны и представители политико-экономических элит.

Как и у большей части населения страны, у дальневосточной политико-экономической элиты есть представление о том, что решаться все в России может только непосредственно волей высших руководителей страны. Как ни странно, но для элиты на Дальнем Востоке не менее, чем для простых жителей, силен образ «добраго царя». Впрочем, элита более сведуща в политической практике. Поэтому в ее понимании здесь есть ряд оговорок.

Во-первых, если визит высшего руководства в регион происходит, то элита ждет действительно рабочего визита, в ходе которого обсуждаются конкретные вопросы со специалистами и принимаются основательные решения.

Во-вторых, все понимают, что поручение руководителей государства – это, скорее, ресурс. И этот ресурс еще надо уметь обменять на распоряжения правительства, поправки в закон или, что самое сложное, средства из федерального бюджета. В этом плане вполне логично, что линия премьер-министра и правительства Российской Федерации представляется более сильной, чем линия президента и его администрации (отчасти такое восприятие связано с оценкой самих руководителей страны и может измениться с возвращением В.В. Путина в Кремль). Поручения председателя правительства понятнее трансформируются в конкретные решения

через исполнительную власть. Выстраивание взаимодействия Министерством экономического развития и Министерством финансов, а также с профильными министерствами – это первое, в чем заинтересованы региональные правительства в реализации программ развития Дальнего Востока.

В-третьих, сложно было бы представить миф о «добром царе» без неизменно сопутствующего ему мифа о «злых советниках».

В вопросах развития Дальнего Востока выделяются два уровня востребованной компетентности, которые местная административно-политическая элита хотела бы встретить в общении с элитой федеральной. Первый – это знание самой специфики Дальнего Востока. Причем требование это формулируется даже не как необходимость экспертного знания о макрорегионе, а хотя бы как «желание понять» его особенности и нужды. И вот здесь вновь выигрывает в глазах региональной элиты линия правительства. Считается, что у чиновников администрации президента, в силу более жесткой распорядительной линии, ориентированной от центра к регионам, подобных стимулов меньше.

Второй уровень – это собственно профессиональная, административно-управленческая экспертность. На самом деле, элита хочет профессиональной поддержки от москвичей, хочет получить от них ответы, перенять опыт. Это очень заметно, когда речь идет о работе над стратегией развития Дальнего Востока и Забайкалья или над отдельными проектами. В этом плане чиновники региональных правительств нередко отмечают, что легче работать с отраслевыми министерствами.

Введение фигуры полпреда в статусе вице-преьера, как это было ранее сделано для Северокавказского федерального округа, а в начале 2012 г. и для ДФО, позволит решить многие проблемы в коммуникации по вопросам развития региона между местной и федеральной элитой. Это своеобразный встроенный лоббист, человек от президента и премьера, чья задача – глубоко разобраться и помочь развитию региона. Именно такое институциональное решение востребовано в регионе. Возможно, что сходную роль сможет сыграть создаваемая в настоящее время Корпорация развития Дальнего Востока.

Работа полпреда в его нынешнем статусе вызывает на местах неоднозначную оценку. Ведь полномочия и функции полпреда законодательно не определены. Поэтому многое тут зависит от личности самого полномочного представителя и поставленных перед ним задач.

Ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье» была первой подобной организацией, созданной в России. По ее образцу сформировалось сначала «Сибирское соглашение», а затем и другие региональные ассоциации. В целом работа этого института как канала межэлитной коммуникации по вопросам развития Дальнего Востока оценивается местной элитой достаточно высоко. Это, действительно, работающая площадка для всестороннего обсуждения задач развития Дальнего Востока, а также канал лоббирования интересов региона на федеральном уровне. Свою эффективность ассоциация доказала в период разработки «Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.». Именно этот институт сыграл ключевую роль в сборе предложений от регионов и оформлении стратегии, фактически заместив значительную часть функций Министерства регионального развития и обеспечив должное продвижение интересов регионов. Стратегия, действительно, формировалась не сверху, а снизу.

Проблема представительства интересов дальневосточных регионов в федеральных органах исполнительной власти распадается, пожалуй, на несколько составляющих. Но так или иначе сейчас, по общему признанию, это далеко не основной канал влияния на политику в отношении развития Дальнего Востока. Впрочем, это объясняется еще и тем, что сейчас успех этого процесса зависит не столько от законодательных установлений, сколько от исполнительной власти, от выделения бюджетных средств. Отмечается, что представителей Дальнего Востока в Государственной Думе недостаточно. К тому же мало ярких и сильных представителей макрорегиона. Важная роль их, конечно, – в работе на местах, собственно с проблемами жителей регионов. Кроме того, власти регионов не в полной мере используют этот канал, они недостаточно четко ставят задачи перед своими депутатами.

Несмотря на то что в Государственной Думе существует специальный Комитет по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока, его работа особо не вспоминается в регионе, так как в большей мере связана с узкими вопросами именно северных территорий. Конечно, эти вопросы важны и для Дальнего Востока. Но это задает некоторый ракурс поддержания, а не развития, субсидий, а не условий для привлечения инвестиций и роста.

К Совету Федерации предъявляются большие требования. Ведь здесь регионы выбирают именно личных представителей, которые должны отстаивать интересы субъектов. Часто говорится

о том, что Совет Федерации потерял свою силу. Вспоминается время, когда в нем заседали руководители исполнительной и законодательной ветвей власти в регионах. Тогда там были и сильные личности, но прежде всего это была реальная площадка для обсуждения региональных проблем. Возможно, ситуацию изменят законодательные новеллы в плане формирования Совета Федерации, устанавливающие более тесную связь между регионом и его представителями.

Работает, безусловно, и партийная линия «Единой России». На Дальнем Востоке – вполне действующая система МКС (Межрегиональный координационный совет). Но эта линия все-таки больше ориентирована от центров к регионам – транслировать и контролировать выполнение федеральных политических задач на местах.

Достаточно эффективным каналом лоббизма оказывается линия Общественной палаты, конечно, если понимать лоббизм как продвижение представлений, оценок, информации, которые могут повлиять на принятие решений.

Крупные корпорации, имеющие представительства в Москве, способны оказывать серьезную и системную поддержку лоббистским усилиям регионов. Это как раз те игроки, которые в первую очередь заинтересованы в развитии региона. Поэтому *government relations* – развитое направление деятельности московских представительств и головных офисов. Руководители и топ-менеджмент нередко имеют и неформальные, личные связи в федеральной элите.

Одна из основных тенденций в современном взаимодействии центра и регионов, оказывающая серьезное воздействие на развитие Дальнего Востока, – это укрепление вертикали власти. От регионов к центру может идти только информация, сигналы. На места идут распоряжения, которые требуют исполнения. Учитывая специфику Дальнего Востока, что не все решения здесь могут быть реализованы и привести к адекватным результатам, это создает негативные тенденции в части развития регионов.

Язык эффективности – это современный язык федерального правительства, на котором очень сложно говорить Дальнему Востоку. Здесь еще слишком много нерешенных проблем.

Практика исследований социально-политического разнообразия

И.Б. Антонова

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА КАК СРЕДСТВО МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье предпринята попытка рассмотреть политическую и президентскую риторику как средство создания, описания и интерпретации политического действия. Риторическая роль института президентства, как и роль подтекста президентского языка, с наибольшей очевидностью проявляются в событии инаугурации, а также в риторике кризиса и войны. Названные жанры традиционно содержат позитивные символы прогрессивной политики, имеющие целью интерпретировать политическую и социальную реальность в соответствии с избранной властью политической стратегией.

Ключевые слова: президентская риторика, политическая риторика, памятные фразы, концепты, понятия, общественно-политическая реальность, моделирование, интерпретация.

Понятие «президентская риторика» вошло в научную литературу Соединенных Штатов Америки наряду с понятием «риторическое президентство». Последнее выступает как предмет исследования политологов и акцентирует их внимание на самом факте президентской коммуникации, а точнее – на необходимости института президентства публично актуализировать свою политическую позицию риторическими средствами; при этом сами риторические средства остаются за скобками политологической науки. Их наряду с другими вербальными и невербальными способами выражения изучает президентская риторика, уходя корнями в античную традицию времен Аристотеля.

Существует более чем достаточное количество фундаментальных работ, посвященных истории президентской риторики, ее жанрам, индивидуальным стилям и риторическому президентству в целом. Постоянство исследовательского интереса к заявленной теме объясняется просто: в процессе изменений, связанных с использованием в президентской коммуникации сначала радио (Ф.Д. Рузвельт с его «беседками у камина»), а впоследствии телевидения (частые ТВ-обращения Дж. Кеннеди к нации), началась постепенная, но неуклонная медиатизация самого института президентства, которая изменила его статус (он стал оказывать гораздо большее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны), а заодно и статус президентской риторики, превратив ее в один из основных источников институциональной власти, усиленный законным (однако не подкрепленным в Конституции США) правом президента актуализировать в публичной речи (через медиасредства) свою власть *когда угодно, где угодно и по любому выбранному им поводу*.

Такого рода медиариторизация института президентства дает начало и новой президентской риторике, которая под воздействием СМИ все чаще выступает средством множественной интерпретации и реинтерпретации политической действительности. Анализ феномена новой президентской риторики ставит нас перед необходимостью рассмотрения как минимум четырех связанных с ним вопросов:

- 1) роль президентской риторики США при оценке характера президентской деятельности в тот или иной исторический период;
- 2) от президентской риторики к президентской деятельности, или о соотношении слова и дела в политике;
- 3) смысловые концепты, фреймы и риторические прецеденты, лежащие в основе президентской риторики США, как средства моделирования политической реальности;
- 4) перспективы и следствия «риторического» моделирования политической реальности.

Для начала риторическому анализу будут подвергнуты не отдельные жанры президентского языка (инаугурация, обращение к Федеральному собранию и т. д.) и даже не индивидуальные стили отдельных американских президентов, а лишь небольшая, но, на наш взгляд, наиболее привлекательная и потенциально значимая часть президентской риторики, а именно – памятные фразы (*memorable phrases*), произносимые президентами США в тот или иной исторический период. Определение этой части как наиболее

аттрактивной не случайно: первое требование, предъявляемое к памятным фразам, – их фонетическая и стилистическая привлекательность для слуха и зрения (ear and visual appeal). В прямом смысле ласкающая слух фраза, произнесенная более 200 лет назад выдающимся американским оратором и политиком Патриком Генри – “Give me liberty or give me death”, или всем известный жесткий императив Дж. Кеннеди – “Don’t ask what your country can do for you; ask what you can do for your country” – идеальные примеры фонетической и стилистической аттракции. А вот насколько соответствует политической реальности то, что называется содержательной стороной политической риторики, мы рассмотрим, обратившись к вопросу о том, как по-разному содержание памятных фраз может быть интерпретировано в процессе исторического развития.

Вторая (после аттрактивной) функция памятных фраз – определять и оценивать прошлое. Так, фраза “Ich bin ein Berliner” напоминает о существовании Берлинской стены, знаменитое “Governments derive (извлекать) their power from the consent (согласие) of the governed” определяет роль народа в ходе мировой истории, а такие фразы, как “Nothing to fear but fear itself” и “Segregation tomorrow and segregation forever”, заставляют вспомнить, кто их произносил и по какому поводу. Однако памятная фраза далеко не всегда выступает в качестве тезиса к основной теме высказывания и далеко не везде отражает ключевую проблему политического дискурса его создателя. Так, фраза Мартина Л. Кинга (ставшая хрестоматийной в США и за ее пределами) “I Have a Dream” на самом деле не ключевая и к логосу всей речи имеет косвенное отношение. Главными требованиями Кинга в этой речи были осуществление обещанной демократии и борьба за гражданские права в демократическом обществе. Сама же фраза служит не более чем эмоциональным компонентом, призванным романтизировать и идеализировать будущую демократию.

Еще более противоречивой с точки зрения интерпретации ее в ходе истории, является фраза в инаугурационной речи Дж. Кеннеди “Ask not...”. Прежде чем Кеннеди начал свое президентство этой фразой, он пришел к выводу, что памятная риторика его предшественников Вудро Вильсона и Франклина Рузвельта уже не имеет того воздействия, которое отличало ее на момент произнесения. Программа В. Вильсона «Новая свобода» обещала нации новую экономическую политику, а «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта – безопасность и помощь тем, кто в ней нуждался. «Новая гра-

ница» Дж. Кеннеди не была пакетом обещаний, скорее пакетом вызовов. Он не предлагал народу ничего конкретного, а выражал намерение спросить с самих американцев. Тема самопожертвования нации, эксплицитно выраженная в этой фразе, представляет некую призму, через которую можно оценивать и переоценивать не только президентство Кеннеди, но и тот исторический период, на который оно приходится.

Интересным в этой ситуации является тот факт, что содержательная переоценка этой фразы произошла чуть ли не с первых дней президентства Кеннеди: последний сразу же заявил себя как ярый сторонник федерализма, проповедуя принципы государственной поддержки и финансовой помощи. Действия, предпринимаемые Кеннеди впоследствии, не соответствовали принципу «Ask not...», но это не помешало самой фразе остаться в анналах истории риторического президентства США, опровергнув тем самым утверждение спичрайтера Кеннеди Т. Соренсена: «Большая политика имеет потенциал стать великой речью, но речь по слабой и непоследовательной политике, независимо от словесного оформления, не выдержит испытания временем»¹. Справедливости ради следует отметить, что в случае с Кеннеди его воздействующая риторика (включая и эту фразу) не просто осталась в исторической памяти нации, но и является некой эманацией индивидуального стиля президента. А факт явного содержательного противоречия между тем, *что* говорилось и *что* делалось президентом, дает нам право обсудить вопрос о соотношении слова и дела в политике.

Отвечая на вопрос, какую роль играет язык в политике (и в президентской деятельности в частности), большинство политологов, историков и коммуникатологов сходятся во мнении, что язык есть средство реализации той или иной государственной политики, а я бы добавила, что язык – это и средство, с помощью которого человечество творит историю, аккумулирует историческое знание, нередко подвергая это знание интерпретации, реинтерпретации, переосмыслению. Безусловным является тот факт, что интерпретационный ресурс политического языка (как и языка вообще) огромен, практически неисчерпаем, но даже в ситуациях, не требующих переосмысления того или иного исторического события (в процессе которого язык будет выполнять целый комплекс разновекторных функций), любое политическое действие (начиная от инаугурации президента и заканчивая его обращением к нации в случае кризиса или войны) описывается языком, находит свое выражение в языке и, наконец, реализуется через язык. С другой стороны, возвращаясь

к теме президентской риторики, следует отметить, что публичное слово политического лидера нередко становится в момент его актуализации политическим действием и одновременно тем стимулом, который интерпретирует/реинтерпретирует его в тот или иной исторический период. Так, объявляя в стране кризис, президент способствует тому, что граждане начинают интерпретировать свою жизнь как «жизнь в кризисе» (риторика Кеннеди). Аналогичным образом риторическое моделирование некоторыми политическими деятелями реальности, населенной врагами и шпионами, навязывает целым народам жизнь в атмосфере подозрительности и страха (риторика Сталина). Последние примеры кажутся нам наиболее интересными с точки зрения использования в президентской риторике именно тех смысловых концептов и тех риторических прецедентов (термин Г.Г. Хазагерова²), которые навязывают массовому сознанию интерпретацию политической реальности «глазами политического лидера» вне зависимости от того, насколько точно эти интерпретации соответствуют политической реальности. Именно поэтому следующий вопрос, подлежащий рассмотрению, связан с использованием в политической и президентской риторике смысловых концептов, риторических прецедентов и политических фреймов.

Какие именно смысловые концепты лежат в основе президентской риторики (и памятных фраз в том числе)? В ее американском варианте первую группу составляют отдельные понятия, обозначающие позитивные символы прогрессивной политики (солидарность, справедливость, мировое сообщество и т. д.). Перечисленные и многие другие концепты подобного рода фиксируют точку зрения на предмете самого президента, предлагая, а иногда и просто навязывая массовому сознанию определенную точку зрения или целый сценарий, позволяющий заданным образом моделировать (фрейминг) политическую реальность, хотя в контексте наших рассуждений понятие политической реальности носит более чем метафизический характер. Тем не менее риторическое моделирование (в виде фрейминга и рефрейминга) способствует массовой концептуализации окружающего мира в соответствии с выбранной политической стратегией. Так, памятные фразы из президентской риторики, собранные вместе по тематическому признаку, дают начало новому (отличному от того, который возникал при актуализации одной памятной фразы) фрейму, позволяющему толковать историю США определенным, если не сказать заданным, способом. Так, утверждения типа “All people are created equal”, или “Liberty

and Union, now and forever, one and inseparable”, или “Government of the people, by the people, for the people” способствуют отождествлению Америки со страной, которая со времен своего основания вела долгую борьбу за демократию.

Создаваемые в ходе исторического процесса новые фреймы требуют новой риторики, поскольку только она с ее каноническими и неканоническими стратегиями убеждения способна их активировать. Концепты же прогрессивной политики и общечеловеческих ценностей, глубоко заложенные в американскую политическую риторику, еще долгое время будут считаться релевантными, а значит, не подлежащими рефреймингу. Достаточно сказать, что из семи основных тем президентской риторики тема общечеловеческих ценностей остается наиболее популярной, занимая второе место (на первом месте – темы международной политики) в рейтинге восьми послевоенных (начиная с Гарри Трумэна) американских президентов. Анализируя причины такой устойчивой популярности именно этих тем и используемых в них концептов, автор книги «Нюансы правления» Р. Харт пишет: «Темы экономики, международных конфликтов и принципов правления легко встраиваются в президентский дискурс, но так же легко уходят из него, а политическая проповедь никогда не расценивается как неуместная»³.

Автору «Нюансов...» вторит американский политолог Жак Эллал: «Для европейцев подобное “выставление напоказ” своих национальных ценностей – это повод для раздражения и критики. Они не понимают, почему американские политики посвящают десять процентов своей риторики разговорам об общечеловеческих добродетелях. Они не понимают, почему на такую риторику всегда находятся слушатели. И наконец, они не понимают, почему именно президент (а не кто-нибудь другой!) призван говорить на эти темы и почему эти темы в исполнении президента так скучны и банальны». Эллал объясняет проповедническую топику американских президентов их риторической рефлексией, возникшей как результат активного вмешательства в президентский дискурс СМИ. Это, по мнению Эллала, создало условия для «политизации американского общества» и «риторизации института президентства США»: «Сегодняшняя риторика президента имеет целью отвлечь его от реальных дел, а граждан – от осознания политической реальности в том виде, в котором она существует». По мнению Эллала, «режим, который много говорит об общечеловеческих ценностях, – это режим, вольно или невольно эти ценности отрицаящий»⁴.

Ситуация, по мнению того же Эллала, осложняется наличием уже сформированного глобального коммуникативного пространства, в котором ведущую роль играют СМИ. «Пропущенная» через СМИ современная политическая риторика играет не столько информационную, сколько дезинформационную роль, тенденциозно интерпретируя информацию в соответствии с конкретными политическими интересами и идеологическими установками представителей властных структур. Другими словами, основная роль современной политической и президентской риторики заключается в моделировании «нужного» политического сознания средствами политического языка. Это при том, что принципиальными характеристиками языка всегда были его самостоятельность и независимость от действительности. Тем не менее в последние десятилетия язык как символ оказывает значительное влияние на реальность политическую. Политика же самим фактом своего существования конституирует пространство с определенной системой ценностей и поэтому немыслима без наличия языкового элемента, который сначала определенным образом систематизирует и упорядочивает это пространство, а затем интерпретирует и навязывает его систему ценностей индивиду.

Итак, в качестве основных когнитивных средств моделирования выступают традиционные общекультурные и групповые ценности. Особенно актуальны они в президентской риторике США: *America, the American Dream, Puritan morality* – как национальные ценности, и *the people, freedom, faith, prosperity* – как «вечные» ценности. Существуют еще и так называемые прецедентные концепты, такие как преемственность политической традиции, особая роль Америки в мире, Америка как оплот демократии и т. д.

Стремясь максимально быстро войти «в семью цивилизованных наций» и испытывать на себе все «прелести» глобальной вестернизации, Россия внедряет в общественное сознание некоторые из «вечных» ценностей Запада. Политической элитой России такие концепты, как «правовое государство» и «гражданское общество», предлагаются в качестве основы новой российской идеологии. Однако в России в отличие от Запада понятия гражданства, государства и понятие общества находятся на разных полюсах политической реальности. Пророком в собственном Отечестве оказался П. Струве, утверждавший, что исторической традицией России всегда будет «антиобщественность государства и антигосударственность общества». Аналогичным образом понятие правового государства, часто используемое в политической риторике России,

не воспринимается ее гражданами как «политическая организация общества, основанная на верховенстве закона», к служащим которого в русском сознании сформировано традиционно недоверчивое отношение.

Таким образом, ни тот, ни другой концепты не дают адекватной интерпретации российской социально-политической действительности, не только не создавая постсоветской идеологической модели, но и не прибавляя ни на йоту достоверности в описании и регистрации общественного опыта и порождая таким образом недоверие к риторике власти вообще (кстати сказать, основной причиной провала многих политических начинаний российской власти в последние два десятилетия зарубежные политологи считают именно недоверие, *distrust*, россиян к риторике президента). Ощущая это недоверие, возможно, и на интуитивном уровне, президент все чаще пользуется не западными заимствованиями, а их традиционно российскими заменителями, включая в тексты своих обращений (вместо слов «законность», «правовое государство») такие нравственные категории, как «честь», «совесть». Прагматика политической культуры США настолько далека, чтобы быть актуализированной с помощью понятий «честь» и/или «совесть», что невозможно даже представить перспективу их кросскультурной «состыковки» путем аналогового перевода с одного языка на другой.

Еще один оценочный компонент, «стремящийся» моделировать новую идеологию российского общества, – это понятие справедливости. Как и предыдущие два (честь и совесть), этот концепт никак не воспринимается правовой культурой США как составляющий понятие правового государства (понятие *legal* – законный – давно вытеснило понятие *fair* – справедливый – из политического языка в сугубо бытовой). Частая апелляция к понятию справедливости в российской президентской риторике свидетельствует о тенденции власти следовать традиции оценивать все не по закону, а по справедливости, частично снимая с себя ответственность за исполнение законности в стране. Риторическое «моделирование» самого государства, не столько правового, сколько справедливого, не столько гражданского, сколько населенного исключительно честными и совестливыми гражданами, приводит к не запланированному риторикой власти неожиданному *обратному эффекту*, порождая всякого рода социальные фобии. Одной из главных социальных фобий в России выступает страх перед судьями, объективными причинами которого принято считать судебные процессы, свидетельствующие об отсутствии в России полноценной независимой судебной

системы. Впрочем, как уже было сказано, масла в огонь подливает и сама риторика представителей политической и судебной власти, уповающая скорее на честность (честь) и совестливость (совесть) судей, нежели на Его Величество Закон, которому судьи обязаны подчиняться по долгу службы.

Ситуация усугубляется еще и тем, что президентская риторика обеих стран нередко отождествляется с самим процессом правления, что неизменно приводит к девальвации того, о чем публично говорит президент. В связи с этим активно дискутируется вопрос о сокращении публичных выступлений президента и о необходимости прибегать к ним лишь в случае острых социально-политических ситуаций (риторика кризиса или войны). Крайняя точка зрения на чрезмерную риторизацию института президентства высказывается теми учеными, которые считают девальвацию языка власти наряду с очевидными неудачами президентской риторики поводом для объявления кризиса самой модели риторического президентства. В качестве альтернативы предлагается реформа самого института президентства, цель которой – вернуть президенту его исходные (заложенные в Конституции) функции (отнюдь не предполагающие выполнение им роли политического лидера или народного трибуна). Это должно естественным образом привести к кардинальным преобразованиям и в самой президентской риторике.

Перспектива подобной кардинальной трансформации языка власти не представляется нам возможной по ряду причин, главная из которых – крайняя медиатизация самого института президентства. В условиях президентской коммуникации средства массовой информации – не просто посредник при установлении контакта между президентом и массовой аудиторией: СМИ изначально (еще со времен «бесед у камина» Ф.Д. Рузвельта) диктуют логику этого контакта, в соответствии с которой главную роль в президентской коммуникации играет не президент, а его имидж. При этом процесс поиска консенсуса (который так необходим в политике!) включает все меньшее количество рациональных аргументов и все большее число манипуляций общественным мнением. Манипулирование в значительной степени повторяет процесс фрейминга, закрепляя в массовом сознании традиционные и создавая новые смысловые концепты, которые в конце концов актуализируют и новую, не существовавшую до этого, политическую реальность. Безусловную победу в области создания такой реальности одержали в свое время Дж. Кеннеди, вбросив через СМИ субъектно-оценочный концепт

«кризис», и М. Горбачев, сделав то же самое с не менее оценочным концептом «перестройка». На чисто языковом уровне при создании фреймов «кризис» и «перестройка» их авторами проделывалось все то, что описал в своей книге «Партия, власть и риторика» Г.Г. Хазагеров: вначале событие (пока не претендующее на реальное существование) получает имя, затем с ним связываются определенные словесные формулы и яркие образы, и наконец, создаются публичные тексты, которые надолго (если не навсегда) остаются в общественной памяти. Следующий уровень призван перевести чисто риторическое событие в разряд реально существующих: для начала президент по центральному телевидению объявляет, что в стране начался кризис, настаивая на том, что кризисная ситуация требует от него решительных мер и призывая нацию полностью поддержать его. На самом деле в случае с Кеннеди события 2 и 4 апреля 1964 г. вряд ли могли расцениваться как кризисные, если бы президент своим обращением к нации не прервал в один из этих дней популярное телешоу в прайм-тайм и не выступил с осуждением действий американских кораблей. Что касается вбрасывания М. Горбачевым концепта «перестройка», перевернувшего в свое время сознание россиян (а вместе с этим актуализировавшим переворот и самой российской действительности), то последствия подобного вбрасывания будут предметом национального и зарубежного мониторинга еще не один десяток лет.

Примеры с «кризисом» (и не одним!) Кеннеди и «перестройкой» Горбачева столь показательны, сколь и распространены. Тем не менее сама ситуация кризиса не создает и перестройкой не маркируется. Скорее восприятие президентом ситуации как кризисной или перестроечной, а главное – риторика, которой он пользуется для ее описания, маркируют событие как таковое. Поскольку президент имеет немедленный доступ к СМИ, а Конгресс (Дума) не имеет альтернативных источников информации (которые могли бы быстро проверить или поставить под сомнение предоставленную информацию), президент сталкивается с минимумом оппозиции для реализации желаемой политики. В результате происходит изменение общественного восприятия политической действительности, и президент в этой ситуации не просто актуализирует в своей речи некоторые смысловые концепты: он выступает носителем самого смысла, представленного в этих концептах, тем медиумом, посредством которого граждане интерпретируют окружающий мир.

Преобладание именно такого восприятия мира в рамках риторической политической модели целиком зависит от того,

насколько искусно смоделирован тот или иной фрейм и нет ли более искусно смоделированного фрейма, рекламирующего контрдействительность.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Тазмина А.Т.* Проблемы современной американской президентской риторики. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2001. С. 74.
- ² См.: *Хаззагерев Г.Г.* Партия, власть и риторика. М.: Изд-во «Европа», 2006. С. 20.
- ³ *Hart R.P.* The Sound of Leadership: Presidential Communication in the Modern Age. Chicago, 1987. P. 7.
- ⁴ Цит. по: *Hart R.P.* Op. cit. P. 55.

Е.А. Архипова

М. ВЕБЕР В ПРОСТРАНСТВАХ РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ XX В.

В статье анализируется восприятие работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» в российском гуманитарном знании XX в.: в дореволюционный период, в советский период и в 1990-е годы. Автор показывает, что только в 1990-е годы сложились благоприятные социально-политические и интеллектуальные условия для того, чтобы концепция М. Вебера не только стала предметом специального исследования, но явилась отправной точкой для общественных и научных дискуссий о прошлом и настоящем российского капитализма и предпринимательства, в том числе старообрядческого.

Ключевые слова: капитализм, предпринимательство, трудовая этика, протестантизм, православие, старообрядчество.

Работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» известна не только в среде гуманитариев. В настоящий момент не имеет смысла специально рассматривать обстоятельства ее создания и анализировать ее содержание. Об этом уже много сказано и написано.

Современный уровень гуманитарного знания, новые тенденции в развитии такого историографического направления, как интеллектуальная история, заставляют нас ставить новые вопросы: как была прочитана та или иная работа в определенных социально-политических и интеллектуальных условиях? почему она оказалась востребованной или, наоборот, невостребованной? разработке какой проблемы она способствовала? Эти вопросы и будут интересовать нас в рамках данной статьи.

Указанная выше работа М. Вебера увидела свет в 1905 г. В России в начале XX в. сочинение М. Вебера не было опубликовано. Причину этого можно отчасти усматривать в том, что развившаяся первая русская революция заставила читательскую публику обратиться к вышедшим в 1906 г., уже после публикации «Протестантской этики», статьям М. Вебера о русской революции и судьбе освободительного движения в России¹.

Нельзя сказать, что сочинение М. Вебера осталось в России совсем без внимания. Одним из проводников идей автора «Протестантской этики» стал С.Н. Булгаков. Во многих его работах проявилось влияние веберовской концепции².

С.Н. Булгаков в целом разделял представление «новой исторической школы национальной экономики» о природе экономического и о роли человеческого фактора в развитии экономики. «Человеческая личность есть самостоятельный “фактор” хозяйства...» – писал он. Поскольку «в душе человека сочетаются различные мотивы, как своекорыстные, так и идеальные», политическая экономия, по его мнению, должна принимать во внимание мотивы и второго рода³.

С.Н. Булгаков соглашался с В. Зомбартом и М. Вебером в том, что современный капитализм возник благодаря не только экономическим и техническим переменам, но и переменам психологического, духовного порядка⁴.

Анализ работ современных западных исследователей, прежде всего работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и Г. Шульце-Геверница «Британский империализм и английская свободная торговля» (1906), заставил С.Н. Булгакова высказать сожаление, что «подобного рода исследования почти совершенно отсутствуют относительно русской хозяйственной жизни, в частности истории русской промышленности». Причину этого он видел в господстве так называемого экономизма, свойственного неомарксистам и народникам, не принимавшего во внимание духовных факторов экономического развития. В частности, Булгаков отмечал «связь русского капитализма со старообрядчеством». «Выяснение характера этой связи, – как он писал, – вообще изучение влияния конфессиональных различий на хозяйство было бы весьма интересно»⁵.

Таким образом, С.Н. Булгаков заявил о необходимости изучения поставленной М. Вебером проблемы на российском материале, однако до конкретных исследований дело не дошло.

1920-е годы характеризовались еще относительным теоретическим и методологическим плюрализмом, что давало возможность свободно осмысливать наследие немецкого социолога.

В 1928 г. в журнале «Атеист» был опубликован первый раздел «Протестантской этики» без справочного аппарата⁶. Публикация была не вполне корректной. В предисловии редакции пояснялось: «Мы даем полный перевод работы Вебера, опуская только слишком уже гелертерские примечания и те места, где слишком резко торчат “буржуазные уши” Вебера, где проскальзывает, например, вера автора в незыблемость капитализма и т. д.»⁷.

В предисловии отмечалось также, что концепция М. Вебера не противоречит марксизму: она показывает обратное влияние надстройки на базис, не отрицаемое последним. Помимо этого, говорилось и о практическом значении работы немецкого социолога в связи с изучением сектантства на территории СССР⁸.

Но еще до этого издания, в 1927 г. на страницах журнала «Под знаменем марксизма» молодой исследователь А.И. Неусыхин дал глубокий анализ «Протестантской этики и духа капитализма»⁹.

В центре внимания советского историка оказалась методология и методика работ М. Вебера, рассмотренные в свете влияния, которое оказали на него Г. Риккерт и К. Маркс¹⁰. А.И. Неусыхин подчеркивал, что социолог не собирался давать религиозное объяснение генезиса капитализма, и тем самым снимал с него обвинение в идеализме¹¹. По мнению А.И. Неусыхина, М. Вебер взял от Маркса интерес к проблеме возникновения современного капитализма и представление о капитализме как «об исторически сложившемся, своеобразном строе хозяйства, не имеющем полных аналогий в прошлом»¹². Но в отличие от К. Маркса Вебера интересовал вопрос о генезисе хозяйственной идеологии господствующего класса капиталистического общества. Таким образом, Вебер просто обратился к другой стороне проблемы¹³.

Более того, А.И. Неусыхин показал, что Марксу не была чужда постановка вопроса о субъективных предпосылках капитализма. Последним были сделаны некоторые замечания на сей счет, в частности о роли протестантизма. Таким образом, и в этом вопросе, по мнению А.И. Неусыхина, проявилось влияние Маркса на Вебера¹⁴.

Анализируя работы М. Вебера, исследователь пришел к выводу, что немецкий социолог не только использовал категории Маркса, но и конкретизировал их, например усложнив конструкцию базиса–надстройки. А.И. Неусыхин был убежден, что марксизм должен принять эти попытки Вебера конкретизировать абстракции и категории Маркса, но при этом сохранив философское значение учения Маркса¹⁵. Главную заслугу Вебера перед наукой он видел в том, что тот «дал образчики удачного исторического анализа взаимо-

отношения различных сторон общественного целого и сделал это на практике, а не в теории, широко использовав при этом учение об обратном влиянии надстройки на базис. В этом смысле он – по духу, если не по букве – является последователем Маркса на почве истории»¹⁶.

А.И. Неусыхин планировал продолжить изучение наследия М. Вебера и опубликовать статью, посвященную анализу его логики, в журнале «Под знаменем марксизма». Но это так же, как и публикация его перевода «Протестантской этики», не было реализовано. Причина этого заключалась, с одной стороны, в одиозности автора, особенно после его выступления в 1928 г. в поддержку новой книги Д.М. Петрушевского, с другой – в том, что в рамках господствовавшего дискурса М. Вебер был все-таки чересчур идеалистичным¹⁷.

Таким образом, исследования М. Вебера, которые могли бы, с точки зрения А.И. Неусыхина, обогатить исследовательский инструментарий историков, оказались по большей части не востребовавшими в конце 1920-х годов.

В 1970-е годы советские исследователи вновь обратились к наследию М. Вебера. В 1972 г. Институт научной информации по общественным наукам издал в переводе М.И. Левиной «Протестантскую этику и дух капитализма» М. Вебера¹⁸. Тираж был небольшой – всего 550 экземпляров. Примечательно, что М.В. Левина опиралась при переводе на статью А.И. Неусыхина и сделанный им или под его редакцией перевод. М.В. Левина как автор предисловия, следуя идеологическому канону, вписывала публикацию данной работы в контекст борьбы с идеологами капиталистической системы¹⁹.

Несмотря на то что автор перевода и предисловия, как она сама заявляла, опиралась во многом на работу А.И. Неусыхина, она не разделяла его оценку теоретико-методологической позиции М. Вебера. М.В. Левина определила установку немецкого социолога как идеалистическую, хотя и приводила его собственные слова о том, что он не собирался в своем исследовании заменять материалистическую точку зрения спиритуалистической²⁰. Такого же взгляда на работы М. Вебера по социологии религии придерживался и А.А. Кузнецов²¹.

Таким образом, трактовка веберовской концепции становления западного капитализма, представленная в советском научном дискурсе 1970-х годов, была весьма односторонней и идеологизированной.

В 1990 г. в условиях ослабления идеологического прессинга вышло полноценное академическое издание «Протестантской этики и духа капитализма» и других работ М. Вебера²².

Публикация исследований немецкого социолога сопровождалась возвращением к той трактовке религиозной социологии М. Вебера, которая была высказана советскими учеными еще в 1920-е годы. Так, в своих работах А.И. Патрушев утверждал, что концепция Вебера не является опровержением материалистического понимания истории. На самом деле пафос его исследований заключался в критике «вульгарно-экономического обоснования религии»²³.

Интерес к Веберу был обусловлен не только внутренней логикой развития советско-российской науки, которая постепенно освобождалась от идеологического контроля и нуждалась в свободном диалоге с немарксистскими школами и концепциями, но и логикой развития общества в целом. Перестройка поставила вопрос о необходимости построения новой экономической системы, которая, оставаясь на платформе социализма, адаптировала бы и капиталистические элементы. Но возникал вопрос: элементы какого капитализма следует принять на вооружение?

Так, Ю.Н. Давыдов, опираясь на идею М. Вебера о двух типах капитализма, противопоставлял авантюрный, финансовый, торговый тип капитализма капитализму рациональному, продуктивному и промышленному. Каждому из этих типов капитализма соответствовал свой тип экономического человека: «торговый человек», авантюрист, который стремится быстро сколотить капитал, и человек продуктивно-промышленного типа, для которого характерна методичность и стремление не к случайному выигрышу, а к гарантированной прибыли. По мнению социолога, перестройка как раз нуждалась во втором типе экономического человека, который бы не только развивал экономику страны, но и закладывал этические основы предпринимательской деятельности. А чтобы продуктивное предпринимательство стало доминирующим, необходимо сформировать продуктивно-трудовую мотивацию, необходима реформация²⁴.

Вопрос трудовой этики встал еще более остро после утверждения в России рыночной экономики. Исходя из идеи многовариантности капиталистического развития, российские интеллектуалы поставили вопрос о необходимости выработать свой, российский путь в рыночной экономике. В ходе дискуссии в редакции журнала «Вопросы философии» в 1992 г. один из выступавших,

Д.Е. Фурман, заявил, что «свободная рыночная экономика не может принести успех “автоматически”. Прочный успех в ней может принести лишь выработка адекватных ей, ее правилам и одновременно соответствующих культуре народа рыночных трудовых мотиваций, адекватных ей и соответствующих культуре народа форм хозяйственной жизни»²⁵.

Переломить же ситуацию, сделать рынок эффективным, по мнению Д.Е. Фурмана, возможно, если, например, «образцом для подражания станет частный, но обязательно честный, рыночный предприниматель, работающий не для того, чтобы “нахапать”, но из чувства долга и потребности в труде»²⁶.

В газете «Московские новости» была напечатана статья-отклик на дискуссию в редакции журнала «Вопросы философии». В своих размышлениях автор статьи Д. Казутин как раз приводил пример такого честного предпринимателя. Этим образцом был Тимофей Морозов. Но не только он один, а в целом предприниматели-старообрядцы²⁷.

В основе рассуждений Казутина лежало сопоставление России и Запада, протестантизма и старообрядчества. Автор отмечал, что дореволюционная Россия не пережила своей Реформации, и религиозному иррационализму (кроме сектантского) не удалось трансформироваться в предпринимательский рационализм «столь обширно и глубоко, как это произошло на Западе».

Таким образом, наследие М. Вебера оказалось востребованным в новых социально-экономических условиях. Его концепция служила отправным пунктом в дискуссиях о развитии капитализма в России, о настоящем и прошлом российского предпринимательства. Российские публицисты и исследователи начали искать в истории своей страны аналоги протестантского предпринимательства.

Отталкиваясь от веберовской концепции, многие исследователи рассматривали историю российского предпринимательства через призму влияния на него православия. Как отмечали В.А. Писемский и Ю.Н. Калашнов, «православие не просто нашло свой собственный эквивалент протестантскому рационализму. Оно изначально исходило из более высоких нравственных критериев, что не могло не отразиться и в деловой сфере»²⁸. Ссылаясь на слова С. Булгакова о противоположности протестантизма и православия, авторы заключали, что «для православного человека сам по себе успех предпринятого дела, величина приносимой им прибыли еще не является доказательством его этической оправданности, богоугодности»²⁹.

Вообще этот тезис о высокой нравственности российских предпринимателей стал общим местом экономической литературы. Так, А. Соболевская заявляла, что «для большинства русских предпринимателей материальное благосостояние, обогащение, личный успех не были чем-то самодовлеющим. Развивая свое дело на самом современном уровне, они ставили перед собой задачи его религиозного осмысления, видели необходимость улучшения жизни народа, его просвещения и образования, поддержки культуры, науки, искусства»³⁰.

Конечно, не все признавали этот «елейный» образ истинным лицом дореволюционного российского предпринимательства. Так, Г. Гловели указывал на то, что и для русских промышленников, так же, как и для западных, были характерны алчность и жестокость. Экономист также подчеркивал, что традиции благотворительности были характерны не только для православия, но и для протестантизма. При этом американские предприниматели жертвовали гораздо больше средств на образование³¹.

Н.Н. Зарубина также выступала против идеализации российского предпринимательства. Исследовательница признавала, что «образ дореволюционного российского предпринимателя неоднороден, подчас противоречив». Этот образ, по ее мнению, складывался из разных граней: «тяжелый самодур и тонкий меценат, эксплуататор, рвач и благородный радетель об общественном благе, благочестивый христианин и безбожные “надувалы морские” (Н. Гоголь)»³².

Н.Н. Зарубина указывала на то, что в дореволюционной российской культуре индивидуализм и практицизм играли важную роль³³. Но вместе с тем она замечала: «Хотя утилитарные установки и не были маргинальными, русская культура была далека от культа богатства и “сильной личности” самого по себе. Здесь можно согласиться с идеологами “русского пути”: эти установки занимали подчиненное место в общей системе русской культуры (как и любой другой) и нуждались в оправдании, подкреплении с помощью других ценностей, имеющих более высокий статус»³⁴.

По мнению исследовательницы, православие не сформировало специфическую хозяйственную и предпринимательскую этику, так что мирская деятельность не получила в православии какой-то особой санкции. Однако в российской культуре была развита идеология служения. И для купечества общественное служение выражалось в пожертвованиях на оборону в период войн, в меценатстве и благотворительности. Подобная деятельность россий-

ских предпринимателей объяснялась тем, что хозяйственный успех занимал периферийное положение в системе ценностей. Поэтому предприниматели стремились заслужить общественное признание в тех сферах, которые в глазах общества были более престижными и уважаемыми³⁵.

В дискуссиях 1990-х годов о традициях российской экономики и российского предпринимательства особое место отводилось старообрядчеству. И опять же отправной точкой разговора о старообрядчестве становилась концепция М. Вебера.

Высказывалось мнение, согласно которому старообрядчество не выработало своего учения, аналогичного протестантскому учению о предопределении, и осталось в догматических рамках православия. Экономическая же активность старообрядцев объяснялась их неполноправным положением, которое и заставляло их заниматься предпринимательской деятельностью. Их корпоративизм, способствовавший торговой и промышленной деятельности, также вытекал из их социального положения³⁶.

Помимо этих причин, экономические успехи старообрядцев объяснялись Н.Н. Зарубиной эсхатологическими переживаниями, которые заставляли их быть более усердными в следовании заповедям и традициям³⁷.

Г. Гловели сравнивал раскол и реформацию, старообрядчество и протестантизм. В духе идей Н.И. Костомарова и А.П. Щапова (на которых он и ссылался) исследователь видел в расколе, с одной стороны, интеллектуальное пробуждение народа, с другой – демократическое движение³⁸. Гловели отмечал, что «отъединенность от государства и от устроенной по государственному подобию церкви привела старообрядчество к переносу церковности в домашний быт (“не человек для храма, а храм для человека”), близкому “домашней религии” протестантов»³⁹. Деловые успехи старообрядцев он связывал с их конфессиональной солидарностью и миссионерством, что также указывало на сходство старообрядчества и протестантизма⁴⁰.

В статьях, непосредственно посвященных старообрядчеству, также проводилась аналогия между ним и протестантизмом, подчеркивалась роль старообрядчества в развитии капитализма в России⁴¹.

Рассмотренные выше статьи экономистов и историков начала 1990-х годов не являлись результатом целенаправленных эмпирических исследований. Дискурс о российском, в том числе и старообрядческом, предпринимательстве формировался преимуще-

ственно на основе дореволюционной историографии (Н.И. Костомаров, А.П. Щапов, Н.Я. Аристов, В.В. Андреев, П.И. Мельников, С.Н. Булгаков, И.А. Кириллов), на основе литературы мемуарного характера, созданной представителями российской буржуазии (П.А. Бурьшкин, П.Т. Вишняков, В.П. Рябушинский), на основе литературных произведений (П.И. Мельников-Печерский, П. Боборыкин). Исходя из аналогии с протестантизмом, исследователи рассматривали вопрос о роли старообрядчества в становлении капитализма скорее не как исследовательскую гипотезу, а как вполне доказанный факт.

Исторический образ российского предпринимательства, сконструированный в работах экономистов и публицистических статьях историков, несмотря на все оговорки, оказался вполне положительным, во всяком случае по сравнению с его западным аналогом.

В конце 1990 – начале 2000-х годов были предприняты специальные исследования, посвященные феномену старообрядческого предпринимательства. Среди них следует прежде всего выделить работы В.В. Керова и Д.Е. Раскова. Эти исследователи уже не только опирались на теоретическую модель М. Вебера, но и учитывали результаты дискуссий и исследований по соответствующей проблематике, а также использовали другие теоретические конструкции и интеллектуальный инструментарий. Так, В.В. Керов, используя сравнительный метод, показал специфику старообрядчества по сравнению с протестантизмом, разрешив таким образом противоречие, которое не могли разрешить западные исследователи, накладывавшие веберовскую матрицу на старообрядчество и искавшие в старообрядчестве учение, подобное кальвинистскому учению о предопределении.

Судьба «Протестантской этики» М. Вебера в российском гуманитарном пространстве XX в. оказалась весьма тяжелой. Увидевшая свет в самом начале XX в., эта работа оказалась действительно востребована российским гуманитарным знанием как на теоретическом, так и практическом уровне только в 1990-е годы. Только в этот период сложились благоприятные социально-политические и интеллектуальные условия для того, чтобы сочинение М. Вебера не только стало предметом специального исследования, но явилось отправной точкой для общественных и научных дискуссий о прошлом и настоящем российского капитализма и предпринимательства, в том числе старообрядческого.

-
- ¹ См.: *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и Россия // СОЦИС. 1992. № 3. С. 115–129. О статьях М. Вебера, посвященных России военного времени и Февральской революции «Переход России к псевдодемократии» и «Русская революция и заключение мира», см.: *Шпакова Р.П.* Макс Вебер о становлении демократии в России // СОЦИС. 2003. № 3. С. 109–114.
- ² О влиянии идей М. Вебера на творчество С.Н. Булгакова см.: *Давыдов Ю.Н.* Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения. М., 1998. С. 121–149.
- ³ *Булгаков С.Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Два града: Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 2008. С. 177.
- ⁴ Там же. С. 183–184.
- ⁵ Там же. С. 190.
- ⁶ См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Атеист. 1928. № 26. С. 19–31; № 30. С. 41–72.
- ⁷ Там же. № 30. С. 42.
- ⁸ Там же. С. 41–42.
- ⁹ См.: *Неусыхин А.И.* «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Под знаменем марксизма. 1927. № 9. С. 113–143; № 12. С. 111–137.
- ¹⁰ См.: *Неусыхин А.И.* «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Проблемы европейского феодализма. М., 1974. С. 413–471.
- ¹¹ Там же. С. 424–425.
- ¹² Там же. С. 444.
- ¹³ Там же. С. 445.
- ¹⁴ Там же. С. 446–448.
- ¹⁵ Там же. С. 452–457.
- ¹⁶ Там же. С. 457.
- ¹⁷ См.: *Мильская Л.Т.* Александр Иосифович Неусыхин: Тернистый путь ученого // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 149–150, 156, 159.
- ¹⁸ *Вебер М.* Протестантская этика: сб. статей / Редкол.: С.Д. Сказкин [и др.]; пер. и введ. М.И. Левиной. М., 1972.
- ¹⁹ См.: *Левина М.И.* Введение // Вебер М. Протестантская этика: сб. статей. С. 1.
- ²⁰ Там же. С. 5–7.
- ²¹ См.: *Кузнецов А.А.* Критика социологии религии М. Вебера: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1975. С. 7.
- ²² *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М., 1990. С. 44–272.

- ²³ См.: *Патрушев А.И.* Макс Вебер: дух и этос капитализма // *Философские науки*. 1990. № 6. С. 37–45; *Он же.* Макс Вебер и германская буржуазная историография в эпоху империализма: Проблемы политики и теории: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. С. 11–12.
- ²⁴ См.: *Давыдов Ю.Н.* Кто ты, Гомо Экономикус?: Социологи исследуют созидательную роль капитализма // *Наука и жизнь*. 1990. № 11. С. 106–111; *Он же.* Гомо экономикус: [интервью] // *Диалог*. 1990. № 14. С. 94–102.
- ²⁵ Трудовая этика как проблема отечественной культуры: современные аспекты: (материалы «круглого стола») // *Вопросы философии*. 1992. № 1. С. 8–9.
- ²⁶ Там же. С. 9.
- ²⁷ См.: *Казутин Д.* Камень, который отвергли строители: Размышления по поводу одной публикации в журнале «Вопросы философии» // *Московские новости*. 1992. № 16. 19 апр. С. 20.
- ²⁸ *Писемский В.А., Калашнов Ю.Н.* Православие и духовный тип российского предпринимателя // *Из истории экономической мысли и народного хозяйства России / Ин-т экономики РАН; Волгоград. гос. ун-т. М., 1993. Вып. 1, ч. 2. С. 346–347.*
- ²⁹ Там же. С. 347.
- ³⁰ *Соболевская А.* Духовные истоки российского предпринимательства // *Вопросы экономики*. 1993. № 8. С. 88.
- ³¹ См.: *Гловели Г.* Цивилизационный опыт России: необходимость уточнения // Там же. С. 116–117, 123.
- ³² *Зарубина Н.* Российское предпринимательство: идеи и люди // Там же. 1995. № 7. С. 82.
- ³³ Там же. С. 82–83.
- ³⁴ Там же. С. 84.
- ³⁵ Там же. С. 84–87.
- ³⁶ См.: *Писемский В.А., Калашнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 345.
- ³⁷ См.: *Зарубина Н.* Указ. соч. С. 85.
- ³⁸ См.: *Гловели Г.* Указ. соч. С. 118–120.
- ³⁹ Там же. С. 121.
- ⁴⁰ Там же. С. 121–123.
- ⁴¹ См.: *Вышегородцев В.* Старообрядческий капитализм // *Былое*. 1993. № 5. С. 3; *Роштин М.Ю.* Старообрядчество и труд // *Грани*. 1994. № 173. С. 245–273.
- ⁴² *Расков Д.Е.* Старообрядческое предпринимательство в экономике России в конце XVIII–XIX вв.: неинституциональный подход: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2000; *Керов В.В.* «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004.

Е.А. Долгова

СПОРЫ О МЕТОДЕ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ В 1920-е ГОДЫ*

Статья посвящена проблеме выявления факторов и механизмов моделирования научной традиции. Обращаясь к определению науки как конкуренции идей (научных позиций и групп), автор анализирует понятие кризиса исторической науки, приходит к выводу о сосуществовании в проблемном поле 1920-х годов нескольких взаимоисключающих друг друга подходов.

Ключевые слова: гуманитарное знание, кризис позитивизма, теория и методология истории, марксизм.

В современном научном знании одним из наиболее перспективных подходов является изучение науки с точки зрения *конкуренции* идей (научных позиций и групп). Большое внимание при этом уделяется анализу факторов и механизма моделирования научной традиции, связанной преимущественно с набором авторитетных – классических – текстов и фигур¹.

Одним из сюжетов, иллюстрирующих принцип моделирования научной традиции, представляется историографическая ситуация 1920-х годов. Этот период характеризуется параллельным развитием нескольких тенденций: влияния на российскую историческую науку общеевропейского кризиса позитивизма первой трети XX в.; трансформации кризисных тенденций в 1920-е годы; установления в качестве доминирующей теории исторического познания экономического материализма.

«Общим местом» историографии стало обозначение данного периода как «кризиса» исторической науки. При всем различии

© Долгова Е.А., 2013

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 12-31-01232 а2.

его интерпретаций² ученые сходятся в одном: кризис российской исторической науки поставил комплекс проблем, которые волновали всю европейскую историческую мысль; он стал проявлением наступавшего на рубеже XIX–XX вв., по определению Л. Февра, «великого кризиса человеческого духа». «Великая и драматическая теория относительности, потрясшая все здание науки», властно диктовала условие – «старые теории необходимо было заменить новыми»³.

По отношению к российской исторической науке понятие «кризис» впервые было использовано Р.Ю. Виппером, ведущим отечественным специалистом начала XX в. по истории античности. Так он назвал свой полемический сборник, увидевший свет в 1921 г.⁴ Как отмечает современный исследователь Г.П. Мягков, «трудно назвать иное историческое сочинение столь малого объема (37 стр.), изданное в удалении от столиц (Казань) далеко не массовым тиражом (3000 экз.), когда, казалось, более злободневными были глобальные вопросы власти, хлеба, мира, а не принципов научных изысканий, вокруг которого сразу же развернулся “бой за историю”⁵. В чем же была причина столь широкого интереса к работе?

Размышляя о своем опыте исследовательской и преподавательской работы, Р.Ю. Виппер выделял принципиальные вопросы эволюции основ исторического познания: о «нашей прежней исторической манере», путях ее «перемены», пытался уловить характер и причины резких поворотов в исторической науке. С точки зрения Р.Ю. Виппера, современная ему европейская и российская историческая наука оказались в кризисном состоянии из-за разразившихся в начале XX в. социальных катаклизмов: Первая мировая война и революция в России заставили усомниться в теории прогресса, до того «составлявшей чуть ли не главный догмат культуры XIX века»⁶. Другим симптомом кризиса согласно Р.Ю. Випперу стала переориентация исследовательских интересов научного сообщества, отказ от «тех научно-познавательных приемов, которые господствовали в период, лежащий позади нас, период “позитивизма”⁷». Бурные политические события современности, писал он, заставили ученых радикально изменить проблематику исследования: «Мы еще недавно спрашивали о состояниях, о жизни масс, о направлении интересов. Мы теперь хотим, прежде всего, знать события, роль личностей, сцепления идей»⁸. Наконец, актуальным стал и вопрос о роли познающего субъекта в процессе научного познания: ученые стремились «прежде всего дать себе отчет, определить, что мы сами

вносим в восприятие, в наблюдение фактов; с какими категориями приступаем мы к ним; какова во всем нашем знании о мире доля необходимых и неизбежных предрасположений нашей мысли»⁹. Таким образом, «кризис исторической науки» для Р.Ю. Виппера означал не упадок, а скорее отказ от прежнего понимания истории, попытку расширить поле исследований и выйти из теоретического тупика.

Ощущение того, что «старый метод» устарел, что необходим поиск новых «методологических оснований», прослеживается не только в научной литературе, но и в источниках личного происхождения того времени. Так, М.В. Нечкина в своем дневнике от 6 ноября 1919 г. писала: «Вся трагедия нашей науки в том, что в ней масса противоположных мнений кажется одинаково возможной. В ней есть страшная возможность доказывать и утверждать противоположное. <...> Тоска по методу поднимается в душе. И главное – не по тому методу, который дается профессорами на практических занятиях, а по какому-то другому. Тот метод, который преподносят нам, дает возможность доказать противоположное. Я все это еще очень смутно осознаю, но знаю, что меня не удовлетворяет он, что мне хочется чего-то другого»¹⁰. Убежденность М.В. Нечкиной в том, что в «старых» контурах науки решение волнующих ее проблем невозможно, подчеркивают строки ее дневника: «Я глубоко убеждена, что уже ничего не смогу приобрести на университетских практических занятиях. Они уже не дают мне ничего, кроме растущего убеждения в шаткости их исторического метода и необходимости работать как-то иначе <...> они [профессора] не мучаются методом, он для них положительно и твердо установлен, для них непреложны именно те стороны, которые вызывают во мне больше всего сомнения»¹¹. В университетской науке, по мнению талантливой, критически мыслящей студентки, больше не было жизни, в ней были только «каста, мертвечина и личные счета»¹².

Специфика «кризиса метода» в российской исторической науке заключалась в том, что под влиянием внутривосточных событий в 1920-е годы кризисные тенденции подверглись деформации, приобрели еще большую остроту. М.Н. Покровский писал: «Моя личная судьба ничем не отличается от судеб всех живых историков, которые все переменили вехи в том или другом направлении. <...> На прежних позициях после 1917 г. остались только безнадежные академические засушины. Красный поток размыл и обнажил такие геологические глубины, которые не снились даже и марксистам: одни испугались этих глубин и полезли на старый берег <...> дру-

гие увидели перед собой материк такой глубины и твердости, что самые “смелые” их мечтания вчерашнего дня показались им детским лепетом»¹³.

По словам историка Н.И. Кареева, революция изменила «внешние условия», в которых стала развиваться наука. Он отмечал два противоречивых процесса: с одной стороны, бурное развитие «социального знания», выразившееся в увеличении массы литературы, появлении многочисленных журналов, «кратких учебников и пособий хрестоматийного характера»; с другой – приобретение марксизмом положения «государственного учения»¹⁴. Важно отметить, что эти процессы до конца 1920-х годов оставались в подвижном, размытом и внутренне поляризованном состоянии¹⁵. Главным источником напряжения между ними в институциональной сфере было противостояние традиционных и «красных» институций¹⁶; в области марксизма – расхождение между научным методом и политической идеологией, революционным критицизмом и легитимацией существующего, большевистского, порядка¹⁷; среди самих ученых – идейные и поколенческие разногласия¹⁸.

Идейный плюрализм 1920-х годов иллюстрирует дневник М.В. Нечкиной в казанский период ее жизни. На страницах источника прослеживается некоторая «мешанина» идей: записи юного историка, будущего классика советской исторической науки, свидетельствуют о ее интересе к социологии, биологии, психологии (в частности, фрейдизму), физиологии¹⁹. При этом для самого автора дневника противоречий не возникало, и в ворохе тем для нее был важен именно поиск метода: по ее словам, «все разнообразные темы спаяны одной – человек. А надо всем этим видимым хаосом, даже над единой спайкой “человек” царит один вопрос: *как* познавать мир? Именно *как* интереснее всего, потому что отвечает на вопрос, возможно ли познание. Как всегда на первом месте метод: *не что, а как?*»²⁰. Однако постепенно М.В. Нечкина сосредоточила свое внимание на теории экономического материализма как предлагающей наиболее однозначные ответы на поставленные вопросы²¹.

Интерес молодого, «ищущего метод» исследователя к теории экономического материализма и готовность принять ее основные принципы вполне объяснимы. Гораздо сложнее обстоит дело с научной позицией ученых, чья творческая судьба оказалась искусственно «разорвана» на два периода революцией 1917 г.

В письме к историку Н.И. Карееву от 1923 г. один из его адресатов писал: «Не печальтесь особенно по поводу Вашего временного изъятия из обращения, ведь это частью уже случилось, частью

случится со всеми историками-немарксистами»²². А уже в 1928 г. ученый-марксист Н.Н. Андреев отмечал на страницах периодического издания: «В наших вузах безраздельно господствует марксизм. <...> Представители немарксистского направления не имеют возможности ни двигать вперед общественную науку, ни преподавать ее нашему юношеству»²³. Казалось, в подобных условиях наиболее предсказуемой поведенческой практикой для исследователей, обусловленной прежде всего политическим фактором, была переориентация на марксизм²⁴. При этом важно было не только овладение методологическим инструментарием марксизма, но и в первую очередь политическая лояльность ученых: «Недостаточно признавать, что история есть борьба классов <...> марксист лишь тот, кто не только признает факт борьбы классов, но и приемлет социалистическую революцию как ее неизбежный результат»²⁵.

По сути, после 1917 г. марксизм уже не воспринимался вне идеологического контекста и к 1930-м годам утратил импульс конкурирующего научного учения, превратившись в обязательный для усвоения догматический набор методологических установок. Методологическому «разброду и шатаниям» в «буржуазной» исторической науке ученые-марксисты противопоставляли концептуально-теоретическую целостность советской науки, опирающейся на принципы марксистско-ленинского учения. Как писал в 1933 г. В. Волгин, «историк-марксист <...> важнейшей своей задачей должен считать противопоставление методологическому хаосу, идеалистическим установкам современной буржуазной историографии строгих методологических принципов исторического материализма и выяснение тех перспектив, которые открывает перед наукой применение марксо-ленинского метода»²⁶.

Подводя итоги, следует отметить, что 1920-е годы – это время конкуренции плюралистического и монистического подходов в методологии исторической науки. В силу причин политического характера альтернативные марксизму направления исторической мысли фактически не получили шанса на развитие. Важной вехой борьбы стала критика работ «старой профессуры» с позиций догматизированного марксизма, направленная на дискредитацию альтернативных марксизму течений в глазах молодого поколения исследователей. Итогом борьбы представляется искусственное «моделирование метода» посредством вытеснения из интеллектуального поля разнообразных течений обществоведческой мысли, заклеянных с помощью искусственно сформированного концепта «идеализм».

- ¹ См., например: *Классика и классики в социальном и гуманитарном знании* / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М., 2009.
- ² См.: *Нечухрин А.Н.* Смена парадигм в русской историографии всеобщей истории (90-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 1992. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН за № 47748 от 22.02.1993. С. 5–34; *Дорошенко Н.М.* Философия и методология истории в России (конец XIX – начало XX века). СПб., 1997; *Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград, 1999–2000.
- ³ *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 32, 34.
- ⁴ Подробнее см.: *Мягков Г.П.* Наставница в роли ученицы: теоретические исследования Р.Ю. Виппера в координатах науки и идеологии // Рубеж: альманах социальных исследований. 1994. № 5. С. 59–68.
- ⁵ Там же. С. 59.
- ⁶ *Виппер Р.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921. С. 15, 17, 29.
- ⁷ *Виппер Р.Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания // Виппер Р.Ю. Две интеллигенции и другие очерки: сборник статей и другие лекции: 1900–1912. М., 1912. С. 26.
- ⁸ *Виппер Р.Ю.* Кризис исторической науки. С. 13.
- ⁹ Там же. С. 27.
- ¹⁰ Дневник М.В. Нечкиной: Казанский университет, 1917–1924 гг. Казань, 2003. С. 41–42.
- ¹¹ Там же. С. 43.
- ¹² Там же. С. 60.
- ¹³ Под знаменем марксизма. 1924. № 10–11. С. 211.
- ¹⁴ *Кареев Н.И.* Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 287.
- ¹⁵ См.: *Дмитриев А.Н.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // НЛО. 2007. № 88. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/722/724> (Дата обращения: 04.12.2012).
- ¹⁶ См.: *David-Fox M.* Revolution of the Mind: Higher Learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca, 1997.
- ¹⁷ См.: *Marcuse H.* Soviet Marxism. N.Y., 1958; *Gouldner A.W.* The Two Marxisms. N.Y., 1980.
- ¹⁸ См.: *Сидорова Л.А.* Смена поколений историков и инновационные процессы в отечественной исторической науке // Связь веков: исследования по источниковедению истории России до 1917 г.: памяти профессора А.А. Преображенского: сб. ст. М., 2007. С. 428–442; *Она же.* Межличность коммуникации трех поколений советских историков // Отечественная история. 2008. № 2. С. 129–137.

- ¹⁹ См.: *Бикташева А.Н.* «Мой дневник... это большей частью дневник моих переживаний, моего внутреннего мира»: из личных дневников академика М.В. Нечкиной // Дневник М.В. Нечкиной... С. 13–14.
- ²⁰ Дневник М.В. Нечкиной... С. 81.
- ²¹ Там же. С. 82.
- ²² НИОР РГБ. Ф. 119. К. 10. Д. 126–127. Л. 3.
- ²³ *Андреев Н.* Методологические проблемы истории // Записки научного общества марксистов. 1928. № 2 (10). С. 71.
- ²⁴ По мнению А.Н. Дмитриева, предложившего концепцию «академического марксизма», дело далеко не всегда было только в показной лояльности и желании спокойно продолжать свои исследования, подверстав их под принципы марксистского мировоззрения, – как и молодому поколению, ученым «старой школы» марксизм зачастую виделся как наиболее перспективный подход, выход из методологического кризиса. См.: *Дмитриев А.Н.* Указ. соч.
- ²⁵ Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.): [Доклад Н. Лукина] // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 49.
- ²⁶ *Волгин В.* Методологическая дискуссия на Варшавском конгрессе // Борьба классов. 1933. № 10. С. 24.

ЯЗЫК ПРАВА: ФОРМИРОВАНИЕ СИМВОЛОВ И ВЛИЯНИЕ НА РЕАЛЬНОСТЬ

Право является одним из средств моделирования общественных отношений, моделирования окружающей гуманитарной действительности. Одновременно с этой детерминацией писаным правом окружающей действительности осуществляется встречное влияние на право детерминантами объективной реальности. Взаимная детерминация общественных отношений и права выражается через язык – инструмент взаимного влияния. Действительность несет в себе означаемое, язык права – означающее (символ). Такое положение языка в писаном праве позволяет считать юридический язык искусственным языком, основанным на естественном языке, и выявлять способы связи означаемого и означающего в регулятивной и охранительной функциях права.

Ключевые слова: язык права; искусственный язык; регулятивная функция права; охранительная функция права; правовая методология; язык науки.

Моделирование объективной действительности общественных отношений осуществляется многочисленными способами, которые по своему научному объекту принадлежат разным областям знания; одной из таких областей знания является право. Писаное право, представленное набором формально – то есть языковыми средствами – фиксированных правил поведения, обладающих свойствами общеобязательности, рассчитанных на многократное применение и подкрепленных возможностью властного принуждения, является средством моделирования реальности об-

щественных отношений. Интересный момент здесь – язык права как средство формальной фиксации правил поведения.

Общее положение о языке права и выраженных с его помощью правил состоит в том, что очень многоплановая, даже можно сказать, *sua sponte*¹ развивающаяся объективная действительность детерминирует право, которое, в свою очередь, является одним из детерминантов той же самой объективной действительности общественных отношений. В этом смысле есть несколько самостоятельных направлений для исследовательской работы, в частности детерминанты в праве и язык права. Внешние (принадлежащие многоплановой объективной действительности) и внутренние (собственно юридические) детерминанты права показывают сущность соотношения права и действительности общественных отношений. Язык права – служебное средство, инструмент, используемый в обеих названных детерминациях. Собственно, на языке права как на средстве формирования правовых символов (внешняя детерминация права) и влияния на реальность (моделирование правом общественных отношений) и остановимся.

Язык права является искусственным языком, полностью основанным на естественном языке. Искусственные языки – это языки, целенаправленно сконструированные для некоторых, заранее определенных, целей. К таковым, помимо общеизвестных разговорных², относятся, в частности, формализованные языки науки. Вполне очевидно, что искусственные языки свойственны в первую очередь наукам о природе, поскольку дают возможность теоретического описания и прикладного применения естественно-научных законов, открытий и конструкций. Гуманитарные науки, как правило, специально не акцентируют внимания на искусственности или естественности используемых ими языков. При исследовании некоторого объекта гуманитарной наукой этот объект получает описание и «переводится» в предмет данной науки путем использования подходящих по смыслу слов естественного языка. В случае необходимости такие слова приобретают научное положение терминов, благодаря чему отслеживается терминологическая устойчивость. Само по себе исследование языка науки составляет пласт не предметных научных разработок, а методологических. Специальное обращение к вопросу о языке науки требуется в тех случаях, когда меняет свою конфигурацию объект науки, когда имеющегося методологического инструментария недостаточно для определения путей выхода из какого-либо научного парадокса, при описании научного открытия или при моделировании научной

конструкции³ и т. п. Исследование языка науки составляет самостоятельную метанаучную работу. Результаты методологической работы дают, в частности, научный инструментарий, которым ученый или практик пользуются при объект-предметной работе в пределах данной науки. Язык науки как раз и является таким научным инструментарием, который позволяет выполнить описание исследуемого научного объекта, уточнить и объяснить сущность и свойства научного предмета, решить заранее определенные научные (теоретические или прикладные) задачи.

Наиболее очевидны искусственные языки, пользующиеся собственным словарем и собственной грамматикой. Самым ярким примером искусственного языка среди формализованных научных языков является язык классической двузначной формальной логики: набор символов и правила преобразования дают отличный способ управляться с правилами мышления, которые и составляют предмет науки логики⁴. Также в качестве иллюстрации можно вспомнить конструирование искусственного языка математики (путем сведения математики к логике), предпринятое в свое время А. Уайтхедом и Б. Расселом в труде «*Principia Mathematica*»⁵. Вот как Б. Рассел позднее комментирует эту идею в курсе лекций: «...В логически совершенном языке слова в пропозиции однозначно соответствовали бы компонентам соответствующего факта <...>. В логически совершенном языке для каждого простого объекта будет не более одного слова, а все, что не является простым, будет выражено комбинацией слов, и эта комбинация, конечно, производна от входящих в нее слов для простых предметов. <...> Язык такого типа будет полностью аналитическим и сразу же будет показывать логическую структуру утверждаемых или отрицаемых фактов. Язык, предлагаемый в *Principia Mathematica*, предназначен для того, чтобы быть языком такого типа. Этот язык имеет только синтаксис и не имеет какого бы то ни было словаря. Подчеркивая отсутствие словаря, я утверждаю, что это вполне нормальный язык. Его цель быть языком такого типа, чтобы при добавлении словаря получился бы логически совершенный язык»⁶.

К. Бюлер, определяя в своей «Теории языка» понятие языка и его признаки, отмечает: «Современная логика изобрела для зрячих систему искусственных знаков и назвала ее “языком”. <...> Что же сохранится от неповторимого, уникального облика языка после всех сравнений и аналогий? Уже говорилось о его многосторонности как инструмента, его многоступенчатости как знакового механизма, возможности его рассмотрения sub specie практики

и творчества. Остается отметить четвертый признак, считающийся первым в традиционной науке <...>; языковыми структурами являются *слова* и *предложения*. Нельзя абсолютизировать тот *или* иной термин, они взаимосвязаны и могут быть определены лишь в рамках корреляции»⁷.

В сравнении с искусственными естественно-научными языками, а в особенности в сравнении с языком формальной логики, искусственность языка права представляется сперва малоочевидной. Это потому, что и словарь, и грамматика, и синтаксис юридического языка полностью совпадают со словарем, грамматикой, синтаксисом естественного языка. В процессе правотворчества – акта человеческой деятельности, посвященного официальному созданию или описанию норм и правил – из естественного (государственного, разумеется⁸) языка заимствуются слова, которые в результате нормотворчества превращаются в систему целенаправленно сконструированных терминов и понятий. Целью этих превращений является создание специализированной системы единых смыслов и значений таким образом, чтобы некоторое юридическое понятие имело четко определенный смысл и распространялось бы на все возможные для этого смысла значения⁹.

Нормативно-правовая система государства состоит в упорядоченном наборе писаных норм и правил, выполняющих, во-первых, регулятивную, а во-вторых, охранительную функции. Если бы гипотетически удалось создать формализованную систему юридического языка по подобию языка формальной логики – возможно, юридическое исчисление правил поведения было бы делом более простым, хотя и более специализированным, тем более что при наличии символов часть юридической работы могли бы выполнять компьютерные программы¹⁰. Но юридический язык ориентирован в первую очередь не на специалистов-юристов, а на все гражданское общество (часть которого составляют специалисты юридических профессий), и потому нормы писаного права должны быть: 1) понятными по смыслу и значению; 2) *интуитивно* очевидными из обычного жизненного опыта¹¹ и здравого смысла. В таком случае правовые предписания будут действенными и смогут эффективно выполнять регулятивную и охранительную функции. Именно по той причине, что правовые предписания рассчитаны на всеобщее применение, а не только на узкопрофессиональное, искусственный юридический язык полностью и целиком основан на естественном языке.

Общественные отношения, фактически существующие (общественные отношения *de facto*), и общественные отношения, кото-

рые еще только собираются создать, смоделировать через введение новых нормативных правил (общественные отношения *in spe*¹²), должны быть понятны любому участнику «правового процесса» – поэтому естественный язык является единственным источником искусственного юридического языка. Более того, при формулировке терминов нельзя слишком отклоняться от общепринятого значения и смысла взятого слова, иначе получатся нормы, неспособные к «самоисполняемости». Право, конечно, обладает признаком общеобязательности; для поддержания этого признака существуют специальные структуры государственного аппарата, призванные следить за правильным применением и исполнением норм права; однако же важнейшим критерием правового уровня является «самоисполняемость» правовых предписаний. Именно это обстоятельство обуславливает требование разумности, понятности, работоспособности закона. Влиять на корректную реализацию права возможно различными способами: через установление жесткой правоохранительной системы; через воспитание и стимулирование осознанного правомерного поведения на уровне общественного самосознания; иными способами – но при этом требование смыслового соответствия означаемому для закона является обязательным. Другие, более генеральные и менее юридические, способы составляют надстройку к языковому базису моделирования реальности правовыми методами.

Понимание искусственности языка права необходимо в основном участникам профессионального юридического процесса: авторам нормативно-правовых актов; практикующим юристам и юристам-теоретикам; студентам, обучающимся юридическим специальностям, и преподавателям юридических дисциплин. Для повышения качества работы участникам профессионального юридического процесса следует учитывать правила и обычаи искусственного языка права в том числе и для сохранения правовой догмы, являющейся внутренним стержнем любой отрасли права и соответствующей ей отраслевой правовой науки.

Итак, искусственный юридический язык заимствует в естественном языке слова и наделяет их собственными правовыми значениями. В контексте моделирования реальности слова-термины являются символами, знаками, *означающим*, а общественные отношения, ими названные – *означаемым*. Наделение символа значением и смыслом происходит: 1) в процессе правотворчества; 2) в процессе правоприменения; 3) в процессе теоретического изучения объекта и предмета правовой отрасли. Задачами право-

творческой, правоприменительной, правореализационной и метаправовой деятельности являются формирование нормативного массива, устойчивой практики его применения и конструктивно развивающегося толкования. Правовой язык, используемый при этом, составляет инструмент для выражения желаемого результата. Формальный правовой язык – это система символов и знаков, а реальность общественных отношений – это феномен, означаемое, окружающая действительность. Символ-означающее (право, норма, правило) и означаемое (реальность общественных отношений) должны соответствовать друг другу, неподходящие же символы вступают в противоречие с тем означаемым, к которому они неверно приписаны. В правовом смысле это противоречие символа и означаемого порождает массу сопутствующих проблем. В тех случаях, когда в естественном языке допустимо использование синонима или иного близкого по значению символа, в искусственном языке права перемена символов на аналогичные недопустима; в принципе относительно правового символа возможно только расширительное толкование, да и то в тех лишь случаях, когда это специально разрешено догмой соответствующей области. Очень яркий пример подмены символа, на отдаленный взгляд безобидной, но, по существу, весьма вредоносной, приводит Е.Е. Рязанов в публичной лекции «Право как цивилизационное достижение человечества»: в утверждениях типа «суд может» вместо «суд вправе» допустимая с точки зрения естественного русского языка замена дозволения с «...вправе» на «...может» в юриспруденции приводит к опасной по последствиям смысловой замене юридической обоснованности решения («...вправе») на внеюридическое должностное усмотрение («...может») ¹³. Это несоответствие символа и означаемого допускает дальнейшее развитие некорректных представлений об основаниях принятия решений должностными лицами правомочных органов.

В общем приближении, в соотношении писаного права с практикой его реализации, с одной стороны, и реальности общественных отношений, с другой стороны, право может обозначать существующие *de facto* общественные отношения или моделировать общественные отношения *in spe*. Взаимодействие символа и означаемого в этих случаях происходит немного по-разному, хотя регулятивная и охранительная функции заложены в любом случае.

Существующие *de facto* общественные отношения требуют правового описания таким образом, чтобы не препятствовать нормальному течению этих, как правило, уже сложившихся общественных отношений. К таковым относятся многие регулируемые частнопра-

новыми средствами отношения: событие купли-продажи *de facto* состоит в том, что одно лицо передает другому имущество, которое то должно оплатить и принять. Особенные правила *de jure* могут касаться деталей: различия договоров поставки и купли-продажи, сроков, порядка исполнения, формы договора, других дополнительных обстоятельств – однако же неизменной остается сущность имеющихся *de facto* общественных отношений, складывающихся по поводу обмена вещи на универсальный эквивалент стоимости. При правовом регулировании такого рода существующих *de facto* общественных отношений соотнесение символа и означаемого выполняется путем изучения имеющегося означаемого и подбора наиболее близкого по значению символа, не противоречащего другим положениям и понятиям догмы права.

Несколько иная ситуация характерна для моделирования общественных отношений по заданным критериям – тех общественных отношений, которые еще не существуют, но которые должны сложиться, или же тех общественных отношений, форма и содержание которых должны быть изменены. При моделировании общественных отношений *in spe* нет возможности ориентироваться на фактически существующее означаемое по причине его отсутствия (означаемым в искусственном юридическом языке является только то, что соответствует писаному праву); поэтому при подборе символов и составлении их в нормативно-правовую систему могут использоваться нижеследующие методологические способы:

1) наложение на имеющийся способ регулирования: если некоторая система выполняет какую-либо функцию, то она будет выполнять и сходную функцию. Наложение в основном предполагает расширение смысла и значения символа на дополнительное означаемое. Так, при введении нового налога он будет вписан в существующую налоговую систему. Преимущество такого способа моделирования реальности отлично описывается «бритвой Оккама»; недостатком является перегрузка символов значениями;

2) аналогия имеющегося способа регулирования: если не удастся осуществить наложение на имеющийся способ регулирования в силу отличия между моделируемыми *in spe* общественными отношениями, то допустима аналогия способа регулирования. Аналогия предполагает введение новых символов для обозначения сходного означаемого. Таким образом возникают составы вновь открытых общественно опасных способов поведения: размещаются в соответствующей объектной главе Уголовного кодекса,

соотносятся с имеющимися субъектным составом и объективной стороной;

3) создание нового способа регулирования: если моделирование общественных отношений вводится впервые (в силу новизны объекта регулирования), то создается новый способ регулирования. Новый способ регулирования требует новых символов для нового означаемого. Преимуществом такого способа моделирования реальности является индивидуальность регулирования, недостатком – избылие самостоятельных символов.

В заключение немного об отношении символов к правовым функциям. Регулятивная функция права выполняется при нормальном соответствии общественных отношений (в принципе подпадающих под правовое регулирование) правовым символам. Другими словами, означаемое и означающее в таком случае тождественны. Охранительно-восстановительная функция права выполняется при принудительном возврате общественных отношений в состояние, при котором означающее и означаемое тождественны (насколько этот возврат возможен). Охранительно-восстановительная функция права демонстрирует восстановительную справедливость. Охранительно-наказательная функция права выполняется при наложении кары на виновного в случаях невозможности возврата общественных отношений к заданным значениям (нормальным соответствиям означаемого правовым символам). Охранительно-наказательная функция права демонстрирует пропорциональную справедливость.

Примечания

-
- ¹ Своими силами, внутри себя, сам по себе (*лат.*).
  - ² Эсперанто, волапок и др.
  - ³ О понятии научных открытий и конструкций см.: *Кошелева А.Ю.* Открытия и конструкции в науке уголовного права: Ученые записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 2 (18). <http://www.scientific-notes.ru/pdf/019-025.pdf>. Зарегистрировано 22.06.2011 под номером 0421100068/0060.
  - ⁴ Исчисление высказываний, классов, предикатов см.: *Гильберт Д., Аккерман В.* Основы теоретической логики / Пер. с нем. А.А. Ерофеева, ред., вступ. ст. и коммент. С.А. Яновской. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1947.
  - ⁵ *Whitehead A.N., Russel B.* Principia Mathematica. Cambridge: Univ. Press, 1910; 1912; 1913.

- ⁶ Рассел Б. *Философия логического атомизма*. Томск: Водолей, 1999. С. 23.
- ⁷ Бюлер К. *Теория языка: Репрезентативная функция языка*: Пер. с нем. / Общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной, А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 2000. С. 67.
- ⁸ Любопытным вопросом с точки зрения языка как системы знаков и с точки зрения определения внешних детерминантов права (здесь – культурных и политических) является правотворчество на негосударственном языке.
- ⁹ Значение и смысл принимаются в определении Г. Фреге: «Знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, т. е. с тем, что можно было бы назвать *значением* знака, но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать *смыслом* знака; смысл знака – это то, что отражает способ представления, обозначаемого данным знаком». *Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика*. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 183.
- ¹⁰ Идея формально-логического исчисления текста уголовного закона представлена в разных работах В.Ф. Щепелькова; см., в частности: *Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / Под ред. Н.И. Пикурова*. М.: Юрлитинформ, 2003.
- ¹¹ Для примера обзор дискуссий по вопросу о лингвистической интуиции в уголовном праве применительно к проблемам причинной связи и о применении метода лингвистической интуиции см.: *Музыка А.А., Багиров С.Р. Причинная связь: уголовно-правовой очерк*. Хмельницкий: Изд-во Хмельницкого университета управления и права, 2009. С. 44–48. Работа также доступна по адресу [http://sartraccs.ru/Pub/muzyka\(0312_1\).pdf](http://sartraccs.ru/Pub/muzyka(0312_1).pdf) (дата обращения 07.08.2012).
- ¹² В будущем, в надежде, в намерении (*лат.*).
- ¹³ *Рязанов Е.Е.* Право как цивилизационное достижение человечества: Публичная лекция 11.04.2012, ФИПП (ИАИ) РГГУ.

Н.А. Медушевский

ФАБРИКИ МЫСЛИ ТАЙВАНЯ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ ПРОЦЕССА МОДЕЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Обзор фабрик мысли Тайваня демонстрирует комплекс характерных особенностей, которые позволяют говорить о критическом пути восприятия идейного концепта фабрики мысли национальным экспертным сообществом, а также о сознательном использовании данной организационной формы в целях укрепления политической системы. Отношениями научных и аналитических организаций на Тайване управляют рынок и материальная выгода, а так как срок существования большинства тайваньских фабрик мысли относительно невелик, то они до сих пор находятся в состоянии формулирования собственных приоритетов развития и поиска возможных рычагов влияния на государственную политическую элиту.

Ключевые слова: фабрика мысли, трансформация государственных институтов, три этапа развития экспертного сообщества.

Фабрики мысли, существующие на территории острова Тайвань, имеют специфический статус, соответствующий неопределенному статусу самого острова.

Тайвань уже на протяжении многих лет отстаивает права на свою государственность и возможность иметь своего представителя в ООН.

В настоящее время государственный суверенитет Китайской Республики Тайвань признают лишь 23 государства.

Тайвань осуществляет свои дипломатические отношения через экономические и культурные представительства и не признает легитимность политической власти, существующей в КНР.

Активную поддержку Тайвань получает со стороны США, не заинтересованных в усилении и территориальном росте КНР, однако США тоже не признают суверенитет Тайваня, так как это могло бы повлечь за собой дестабилизацию отношений во всем регионе Юго-Восточной Азии.

Поддержка политических союзников позволяет Тайваню держать в своем резерве армию в 22 млн человек и активно развивать систему служб специального назначения, которые включают в себя Бюро национальной безопасности (National Security Bureau – NSB), Бюро военной разведки, Бюро расследований Министерства юстиции (контрразведка) и ведомства, отвечающие за внутреннюю безопасность (береговая охрана, военная полиция). Ключевую роль в спецслужбах играет разведслужба – Бюро национальной безопасности.

Предположительно активную помощь при подготовке специальных агентов перечисленных служб оказывают разведывательные структуры США и Японии, активно действующие в данном регионе¹.

Несмотря на значение для политики Тайваня «серой» составляющей, ее значение на порядок ниже, чем в КНР. Разведывательные структуры выступают скорее прикладным инструментом, нежели инструментом стратегического государственного планирования, как в КНР. Данная ситуация обусловлена существующим в Тайване широким плюрализмом и имеющей место ротацией политической элиты, которая вынуждена дистанцироваться от силовых ведомств².

Роль институтов стратегического планирования выполняют преимущественно не военные и не государственные, а гражданские организации. На острове существуют более 30 аналитических центров, которые возможно классифицировать по степени их важности, политической интегрированности и масштабу проводимых исследований.

На основании анализа информационного контента, в качестве ключевых, наиболее резонансных фабрик мысли, обладающих информационными сайтами, позиционирующими себя как фабрики мысли и публикующими материалы своих исследований, стало возможным выделить следующих двадцати организаций³:

- Тайваньский институт экономических исследований;
- Чжунхуа Институт экономических исследований;
- Институт национальной политики исследований;
- Институт международных отношений;

- Фонд национальной политики;
- Информационный центр науки и технологии национального научного совета;
- Институт социальных наук и философии имени Сунь Ят-Сена;
- Мировое экономическое сообщество;
- Фонд защиты демократии;
- Фабрика мысли Тайваня;
- Колледж гуманитарных и социальных исследований Dharma Drum;
- Агентство полевых исследований Тайваня;
- Общество дикой природы Тайваня;
- Тайваньский центр исследования вопросов безопасности;
- Исследовательский институт Тайваня;
- Институт международных отношений;
- Институт национальных политических исследований;
- Фонд международных и кросскультурных исследований;
- Фонд азиатско-тихоокеанских исследований;
- Национальный исследовательский институт в сфере образования.

Перечисленные выше фабрики мысли имеют в рамках экспертного сообщества Тайваня различный статус, масштаб и сферу деятельности, но, несмотря на это, каждая из указанных организаций участвует в процессе разработки проектов политических решений.

Из всех фабрик мысли, действующих на территории Тайваня, старейшей и наиболее известной является Институт международных отношений (国际关系研究中心)⁴, который был основан в 1953 г. Организационный статус данной фабрики мысли – институт, аффилированный с университетом.

Институт был создан для проведения исследований в сфере международных отношений и выработки стратегии взаимодействия с коммунистическим Китаем. Институт готовил доклады для предоставления на высшем государственном уровне и в международных организациях. Деятельность института на начальном периоде его существования возможно сопоставить с деятельностью одной из наиболее известных и значимых американских фабрик мысли – корпорации RAND, однако в выборе приоритетов своей деятельности институт был более зависим от государства, а содержание и методология исследований были менее разнообразны.

Несмотря на консервативность данного учреждения по современным меркам, его роль в структурировании экспертного сообщества Тайваня оставалась ведущей на протяжении более чем 20 лет.

В 1968 г. при участии института был создан Институт исследований Восточной Азии (东亚 研究所), что возможно, на наш взгляд, считать важной вехой на пути развития политической системы Тайваня, так как с этого времени начинают проводиться исследования широкой геополитической направленности, выходящие за ось США – Тайвань – Китай.

В 1970 г. в институте состоялась первая китайско-американская конференция по материковому Китаю (中美 中国大陆 问题 研讨会), которая затем стала проводиться ежегодно.

В 1975 г. Институт международных отношений (ИМО) вошел в состав Государственного университета Чжэнчжи (ГУЧЧ).

ИМО можно сравнить с RAND. Данные организации находились в условиях сходного вызова – необходимости противодействия милитаризированной социалистической системе, что сформировало и сходное внутреннее разделение по исследовательским направлениям, затем привело к тесному сотрудничеству с университетской наукой и накоплению больших массивов фактологической и аналитической информации. При этом сохраняется постоянный заказчик в лице государства и системы экспертных сообществ Тайваня и США, развивающихся во взаимодействии друг с другом. Возможно также констатировать, что корпорация RAND сегодня является исследовательской организацией мирового уровня, лишь опосредованно связанной с политической системой США, и служит примером для развития фабрик мысли второго и третьего поколений, в то время как ИМО до сих пор привязано к системе исследований, сложившейся 40 лет назад, и не сформулировало столь же глубокой методологической базы и даже на уровне острова Тайвань уступило свои позиции организациям, созданным в 70-е и 90-е годы.

Такое расхождение путей развития невозможно объяснить лишь масштабом финансирования, которое у ИМО и сегодня является весьма высоким – примерно 4,5–5 млн долларов США.

Более вероятно, что расхождение путей развития обусловлено особенностями национального менталитета и политической культуры, для которых, как и для материкового Китая, характерны государствоориентированность и консерватизм в исследовательских подходах, преодолеваемые не эволюционно (посредством методичного совершенствования), а революционно (посредством вытеснения устаревших организаций новыми).

ИМО сегодня является стабильной организацией. Стабильность достигается за счет концентрации нескольких научных по-

токов и издания большого количества журналов, востребованных как на Тайване, так и в КНР, но, несмотря на это, уже к середине 80-х годов для Тайваня стала очевидной необходимостью трансформации исследовательских подходов. Трансформация могла быть достигнута через создание новых фабрик мысли. Обозначенная необходимость была связана в том числе с изменением политической ситуации в Китае и на самом Тайване, где возникли идеи о важности дипломатического диалога с КНР.

В связи с этими факторами был инициирован второй этап развития фабрик мысли Тайваня. 1 сентября 1976 г. в Тайбэе был основан Тайваньский институт экономических исследований (TIER)⁵.

Институт стал первым независимым академическим научно-исследовательским институтом на территории Тайваня.

Миссия данного учреждения заключается в обеспечении исследований в отечественной и зарубежной экономике и промышленности и представлении результатов в правительство. Большая часть аналитических материалов готовится в целях мониторинга и оптимизации национальной промышленности и экономической системы. Фабрика мысли выступает одним из основных поставщиков экономической информации о Тайване, Китае и Азии.

Финансирование Тайваньского института экономических исследований обеспечивается за счет пожертвований и доходов, полученных от научных публикаций. Институт участвует в Тихоокеанском экономическом совете (ТЭС), Совете Тихоокеанского экономического сотрудничества (СТЭС), Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) и Конференции по развитию тихоокеанской торговли (РАФТАД).

В 1989 г. институт претерпел значительную реорганизацию. Сегодня его целью является содействие внутренним и внешним экономическим исследованиям и обмену прогрессивным опытом с другими международными организациями.

В течение 30 лет институт завоевал лидирующую позицию среди других мозговых центров на Тайване. Одним из важнейших его проектов стала поддержка Министерства экономических дел (МОЕА) в операциях Консультативного совета по промышленному развитию.

Деятельность ведущей фабрики мысли Тайваня возможно резюмировать в комплексе актуальных задач данной организации.

В аспекте политического прогнозирования и форсайта институт:

- обеспечивает макроэкономiku и инновационную промышленность услугами прогнозирования;
- оказывает консультационные услуги, необходимые для технологического прорыва новых областей промышленности;
- помогает правительственным структурам планировать и выстраивать все виды стратегического планирования.

В аспекте профессионального развития институт:

- обеспечивает индустриальные исследования и консультирование на уровне фабрики мысли национального уровня;
- производит единую и единственную на Тайване базу данных индустриального развития и текущих испытаний;
- усиливает консультационные услуги при обеспечении операционных стратегий частных предприятий.

В аспекте международной деятельности институт:

- обеспечивает консультирование компаний, выходящих на международный рынок;
- развивает бизнес-стратегии и сферу инвестиционного консультирования для иностранных участников рыночных отношений;
- оказывает консультационные услуги иностранным правительствам, заинтересованным в развитии отношений с тайваньской экономикой;
- разрабатывает стратегии помощи и субсидирования дружественных режимов Южной Америки и других регионов;
- конструирует сеть сотрудничества для международных корпораций, академических институтов и правительственных структур.

Другим важнейшим аналитическим центром современного Тайваня является Институт экономических исследований Чжунхуа (CIER)⁶. Институт был создан в 1981 г. в ответ на разрыв дипломатических отношений между Тайванем (Республика Китай) и США в 1979 г. Фабрика мысли участвует в публичной политике, но при этом выполняет и государственные контракты.

Модель функционирования данного центра обусловлена его исторической ролью.

1 января 1979 г. США и КНР установили между собой дипломатические отношения согласно подписанному в декабре 1978 г. коммюнике. При этом США заявили о разрыве дипломатических отношений с Китайской Республикой и о прекращении действия договора между США и КР «О взаимной обороне» от 2 декабря 1954 г.

Одобренный конгрессом в 1979 г. закон «Об отношениях с Тайванем», который был обозначен как составная часть «системы регионального баланса сил» (наряду с Японией, Республикой Корея и Филиппинами), обязывал США «противостоять любому применению силы» в деле урегулирования тайваньской проблемы.

С данного момента начинается «разрядка» в отношениях между КНР и Тайванем, но при этом – ухудшение отношений между Тайванем и США. В контексте внезапного изменения отношений с мировым сообществом, от Тайваня требуется разработать новую стратегию, которая позволила бы развивать отношения с материковым Китаем, но при этом избежать интеграции и поглощения.

Основой для сотрудничества послужило постановление «О мерах по финансовым и экономическим реформам». Одним из направлений реализации постановления стало создание независимого института исследований при финансовой поддержке правительства, промышленности и бизнеса. Это юридическое лицо должно было взять на себя задачу изучения местной и международной экономической ситуации, посредством привлечения ученых и экспертов как с территории Тайваня, так и из-за рубежа, и предложить рекомендации по вопросам реализации политики правительства в экономической и финансовой сферах.

После того как проект был одобрен, принимается решение о создании учебного заведения – «Института экономических исследований Чжунхуа» (CIER).

Для создания нового института была собрана специальная комиссия, которая финансировалась за счет Фонда экономического и социального развития ROC-US, т. е., несмотря на политический кризис, США сохраняли свое присутствие в стратегически важных сферах государственного развития Тайваня, что позволяет говорить об определенной преемственности идей и целей, ставившихся перед фабриками мысли США и новообразованными фабриками мысли Тайваня.

Для поддержки деятельности нового института был создан специальный фонд в размере 1 млрд американских долларов. 900 млн долларов были пожертвованы фондом экономического и социального развития ROC-US, а еще 100 млн долларов составили пожертвования промышленных и деловых кругов Тайваня.

Обладая значимым стартовым капиталом, новый институт смог принять активное участие в формировании институциональ-

ной структуры экспертного сообщества Тайваня и через данное формирование достичь своей цели: вытеснить из экспертного поля материально необеспеченных игроков, т. е. аналитические центры, отстаивавшие более консервативные, в том числе консервативные, идеи, и постепенно предпринять действия для восстановления отношений с США через придание системе политического консультирования специфического, проамериканского ракурса.

Формально данная фабрика мысли ставит своей целью:

- участие в формировании экономической и промышленной политики Тайваня;
- политическое прогнозирование и форсайт в экономической и промышленной политике;
- анализ стратегии промышленного развития, а также содействие в развитии промышленности;
- создание платформы для обмена знаниями в сфере экономики на национальном и международном уровнях;
- развитие аналитического и исследовательского потенциала.

Создание Тайваньского института экономических исследований и Института экономических исследований Чжунхуа⁷ обусловили второй этап развития фабрик мысли острова Тайвань, исторический период которого занимает не более 14–15 лет, – с 1976 по 1989 гг.

Данный период характеризуется мощным американским влиянием, значимыми финансовыми вливаниями и формированием экономико-финансовой ориентации тайваньских фабрик мысли.

Выбор именно экономико-финансовой ориентации возможно объяснить через простое разделение сфер ведения: американские аналитические центры оставляли за собой формирование политического вектора развития региона, альтернативой которому была китайская геополитическая концепция. При этом на территории Тайваня, как и ряда других территориально близких к Китаю государств, возможно было эффективно проводить сбор и анализ информации из небольших информационных потоков, основная часть которых приходилась на экономические отношения и финансовый сектор.

В таком контексте уместной является аналогия с системой НАТО, в которой основную роль играют силы США, но военная политика в странах-участницах альянса проводится их собственными силами, а на третьих территориях – объединенными силами, что позволяет обеспечить единство военной политики и одновременно легитимировать активную позицию США.

Третий этап развития тайваньских фабрик мысли начинается с 1989 г., когда создается Институт исследований национальной политики (INPR)⁸.

Институт исследований национальной политики (INPR) был официально учрежден в январе 1989 г. по инициативе председателя компании Evergreen Чанг Юнг-фа как дочернее предприятие Чанг Юнг-фа Foundation. Это был первый полностью финансируемый из частных источников центр социальных и политических исследований на острове Тайвань, а также первый беспартийный мозговой центр. При этом ИИИП нельзя считать первой фабрикой мысли, так как организации первых двух этапов развития также производили независимый исследовательский продукт и инициировали собственные политические и социальные исследования, не всегда предназначенные для партийных и государственных структур.

Специфика ИИИП, которая позволяет говорить о моменте создания данной организации как о начале нового периода развития фабрик мысли Тайваня, связана с четырьмя направлениями деятельности данной организации, которые раньше не присутствовали в таком виде в повестке дня национальных аналитических центров.

Это – развитие демократических принципов и конституционализма; продвижение либеральных свобод и создание справедливой экономической системы; восстановление социальной этики и морали; повышение международного статуса Тайваня. Для достижения этих целей ИИИП, при щедрой поддержке со стороны Фонда Чанг Юнг-фа, стал активно привлекать таланты отечественных и зарубежных исследователей в области политики, экономики, социологии и международных отношений. Для того чтобы распространять результаты исследований, институт регулярно публикует периодические издания и книги на китайском и английском языках и выступает спонсором различных конференций, симпозиумов и других мероприятий.

Важно, что ИИИП стал первой фабрикой мысли Тайваня, претендовавшей на международное признание и получившей его в течение всего 10 лет. В данном контексте важна личность второго президента организации – Тьена Хун-мао, профессора политологии университета Висконсина США, который занял этот пост в 1992 г.

Руководство президента Тьена было отмечено быстрой интернационализацией. Под его руководством ИИИП расширился и наладил партнерские отношения и отношения сотрудничества с влиятельными научно-исследовательскими институтами по все-

му миру. ИИНП создал каналы связи с политическими элитами в крупнейших странах Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки.

Во многом успех данной организации возможно связать не с ее формой более совершенной, независимой фабрики мысли, а с соответствием направленности деятельности ИИНП общему мейнстриму 1990-х годов, суть которого сводилась к демократическому развитию консолидации, увеличению национальной безопасности во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе. С изменением мейнстрима после событий 11 сентября 2001 г. связано и снижение международной активности данной организации, которая вынуждена была уступить часть своего лидерства более консервативным фабрикам мысли, в том числе первого и второго этапов развития.

Тем не менее значение ИИНП для политической жизни Тайваня крайне велико, так как за годы своего существования фабрика мысли собрала более 100 отечественных и международных конференций и способствовала развитию многочисленных научно-исследовательских инициатив, которые в целях проводимого исследования необходимо рассмотреть подробнее.

В середине 1980-х годов Тайвань столкнулся с рядом проблем, связанных преимущественно с преобразованиями в его политической системе. Ключевыми среди них были укрепление демократии и экономическая либерализация. В этой широкой и разнообразной области исследований институт сосредоточил свои усилия на таких направлениях, как конституционность преобразований, административная реформа, реформирование правовой системы, реформирование системы органов местного самоуправления, а также выстраивание отношений между государством и бизнесом.

Кроме того, институт принимал участие в многочисленных международных программах, имеющих целью провести расширенный анализ демократизации Тайваня и презентовать опыт демократизации на международном уровне. Из этих событий самой интересной можно считать международную конференцию «Консолидация демократии: третья волна», которая состоялась в Тайбэе в 1995 г.

В более поздний период особое исследовательское значение имеет конференция, прошедшая в Чили в 1999 г. Она была проведена совместно с Международным форумом демократических исследований по теме «Государство, рынок и демократия в Восточной Азии и Латинской Америке», а в 2001 г. ИИНП провел семинар в Тайбэе при поддержке Совета по делам материкового Китая

по теме «Укрепление и развитие демократии Тайваня. Проблемы и перспективы после переходного периода».

В данном контексте интересен переход с международного уровня на локальный, а затем и вовсе на национальный. Указанный переход, на наш взгляд, может служить примером изменения приоритетов в деятельности национальных фабрик мысли Тайваня, тесно связанных в своей деятельности с внутривнутриполитическими процессами, находящимися, в свою очередь, под воздействием транснациональных факторов политической трансформации режимов как на региональном, так и на международном уровне.

Примечания

- ¹ Портал [agentura.ru](http://www.agentura.ru) [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2012]. URL:<http://www.agentura.ru/dossier/taiwan/>(дата обращения 05.09.2012).
- ² Портал [agentura.ru](http://www.agentura.ru) [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2012]. URL:<http://www.agentura.ru/dossier/taiwan/>(дата обращения 05.09.2012).
- ³ Официальный сайт Institute of International Relations (IIR, 國際關係研究中心) [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2012]. URL: <http://iir.nccu.edu.tw> (дата обращения 05.09.2012).
- ⁴ Официальный сайт Taiwan Institute of Economic Research (TIER) [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2012]. URL: <http://www.tier.org.tw> (дата обращения 05.09.2012).
- ⁵ Официальный сайт Chung-Hua Institution for Economic Research (中華經濟研究院). [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2012]. URL: <http://www.cier.edu.tw/mp.asp?mp=1> (дата обращения 05.09.2012).
- ⁶ Официальный сайт Chung-Hua Institution for Economic Research (中華經濟研究院). [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2012]. URL: <http://www.cier.edu.tw/mp.asp?mp=1> (дата обращения 5.09.2012).
- ⁷ Официальный сайт Institute for National Policy Research (中華經濟研究院). [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Б. м., 2012]. URL: <http://www.inpr.org.tw>(дата обращения 5.09.2012).

В.Е. Путырский

МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЭКОПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье описываются способы изучения политологических проблем с помощью методов моделирования. Рассматриваются международные вопросы устойчивого развития на основе количественного анализа эколого-хозяйственных факторов. Характеризуются региональные трансграничные проблемы. Решаются конкретные задачи в области охраны окружающей среды.

Ключевые слова: устойчивое развитие, природные ресурсы, антропогенное воздействие.

Метод моделирования применяется в науке для исследования функционирования сложных систем с помощью изучения поведения их упрощенных аналогов. В основном известно математическое, физическое, техническое, натурное (экспериментальное) и графическое моделирование. При этом анализируются главные процессы, а второстепенными факторами обычно пренебрегают. Используются всевозможные комбинации параметров (предикторов), что позволяет рассматривать многочисленные варианты развития событий в рамках единой теории.

Моделирование все активнее употребляется и для решения исторических, политологических, социально-экономических проблем. Разрабатываются концепции прошлого, формируется теория исторического образа, выполняется конструирование общественного развития и т. д.

В мировой политике строятся прогнозы о будущем стран – «ключевых игроков» на планете, с применением различного вида моделей, в том числе эколого-хозяйственных. Сегодня ясно, что

основа устойчивого развития любой страны мира определяется сохранением ее природно-ресурсного потенциала. Величина этого потенциала может быть определена путем задания в модели экологических и хозяйственных параметров.

Общее представление об экологическом состоянии отдельных стран дает сопоставление их удельных весов по территории, населению, производству. Помимо *количественных* показателей государства различаются по *качественным* признакам, важным с экологической точки зрения. Эти показатели и признаки были рассмотрены на международной конференции «Устойчивое развитие: природа—общество—человек», проходившей в Москве в 2006 г.¹

Среди количественных показателей в них фигурируют доля в производстве, доля в населении, доля в территории. Среди качественных показателей рассматриваются биологическая продуктивность территории, душевой ВВП по паритету покупательной способности (ППС) населения, энергопотребление на единицу территории в производстве.

В разрабатываемых моделях национальные территории имеют следующие качественные отличия:

- по уровню биологической продуктивности ландшафтов, что в определенной степени характеризует их устойчивость к техногенным воздействиям. Например: хозяйствование в районах вечной мерзлоты может быть наиболее губительно;

- население разных стран охарактеризовано по душевому валовому национальному продукту. Его величина отражает уровень потребления населения и одновременно задает степень воздействия на природу. Например: количество частных автомобилей в данном государстве демонстрирует техногенную нагрузку на природную среду;

- производственный блок дифференцируется по энергопотреблению на единицу территории, что также отражает определенную долю хозяйственного воздействия на природу.

С помощью сочетания параметров для каждой из рассматриваемых стран построены блочные диаграммы.

Отмечается, что американская графическая модель выглядит на первый взгляд более устойчивой. Однако ее блок «населения» давит на территорию не столько количеством, сколько его качеством, а именно высокой покупательной способностью. Так, по душевому потреблению средний американец на порядок превосходит индийца или китайца.

На диаграммах наглядно показаны устойчивые фигуры, характеризующие Россию, Бразилию, Канаду, Австралию с точки зрения

экологического баланса и хозяйственного развития. С другой стороны, крайней неустойчивостью отличаются графические образы Китая, Индии и европейских государств.

Другой разновидностью эколого-хозяйственного моделирования является построение графических фигур, учитывающих величину изъятия вещества из природы и объем выводимых в нее промышленных отходов. В данном случае принималась во внимание репрезентативная выборка изымаемых из природы веществ и произведенных отходов. Объем промышленного производства задается как часть валового внутреннего продукта (по ППС), созданная в промышленности.

Изучению были подвергнуты 11 крупнейших стран мира, которые занимают свыше половины земной суши, где проживают 55% населения и производится 75% мирового ВВП. Итоги моделирования изображаются графически в виде конструкций, на которых проводится типология по соотношению блоков (цилиндров) производства, добычи и отходов.

Результаты моделирования показаны на рис. 1.

При анализе рассматриваемых конструкций прежде всего обращает на себя внимание их большое различие по величине. Близкие по размерам фигуры Китая и США оставляют все остальные далеко позади себя. На эти две страны приходится около 60% промышленного производства, добытого минерального сырья и промышленных отходов от суммы представленных стран. Лишь Индия на фоне Китая и США может быть условно отнесена к категории «средних» по эколого-промышленным параметрам стран.

Для отражения структуры и конфигурации графических моделей вычисляется ряд коэффициентов, характеризующих степень «экологичности», сбалансированности фигур и т. д. Самые экологически обустроенные страны – Япония, Франция, Великобритания, а в числе стран с наиболее неэкологическими показателями называется Австралия. Наибольшей сбалансированностью отличаются бразильская, канадская и китайская конструкции, а самые несбалансированные – у самых экологических, именно у Японии, Франции и Великобритании, за счет гипертрофии производственного блока. Наблюдаемый дисбаланс австралийской и индийской конструкций связывается с заметным преобладанием добывающего и отходопроизводящего блоков. Российская конструкция относится к средней по уровню сбалансированности, а по экологичности попадает в середину «худшей» пятерки.

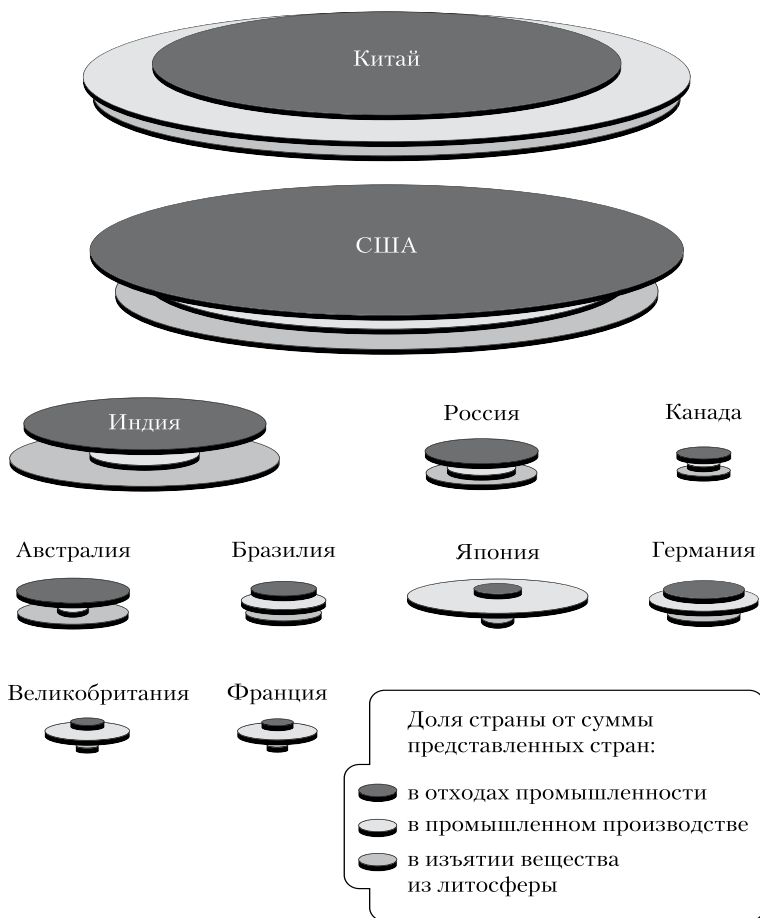

Рис. 1. Графические образы устойчивого развития стран по эколого-промышленным показателям

В целях унификации предлагается интегральная типология, учитывающая перечисленные признаки. Тогда получается следующее распределение:

а) производственный высокоэкологический тип – Япония, Франция и Великобритания;

б) производственный относительно экологический тип, включающий два подтипа:

– производственный отходопроизводящий (Германия),

- производственный добывающий (Китай);
- в) относительно сбалансированный тип (Бразилия, Канада);
- г) неэкологический тип, который включает два подтипа:
  - отходопроизводящий (США, Россия),
  - добывающий (Индия, Австралия).

Из анализа результатов графического моделирования следует, что далеко не все развитые страны отличаются рациональным соотношением природно-хозяйственных параметров.

Строение и конфигурация графических образов характеризуют степень экологичности и сбалансированности экономик отдельных стран. Однако главным эколого-промышленным фактором в типологии является величина объемов производства, добычи и отходов. По фактору «величина» в современном мире, безусловно, выделяются США и Китай.

В политологических исследованиях рассматриваются проблемы национальной безопасности, включая вопросы последствий загрязнения окружающей природной среды. Для изучения трансграничных потоков поллютантов применяются в том числе и методы гидродинамического моделирования. Они позволяют рассчитывать поступление загрязняющих веществ с сопредельных территорий, выполнять оценку возможного экологического ущерба в пограничных районах на этапе предпроектных исследований строительства того или иного промышленного объекта повышенной опасности, намечать пути международного сотрудничества для оптимизации мероприятий по ликвидации ущерба от техногенных катастроф путем рассмотрения различных сценариев развития событий.

Одна из решенных задач в указанной области относится к моделированию гипотетической аварии в районе сопредельных акваторий в юго-восточной части Балтийского моря².

Балтика – маленькое море с большими проблемами. В данном случае изучаются процессы распространения примесей техногенного характера в морских водах в районе Балтийского пролива, соединяющего Вислинский эстуарий с Гданьским заливом. Здесь располагается Калининградская область РФ и непосредственно соприкасаются интересы России, Польши, Литвы. В связи с проектами строительства на побережье нефтеналивного терминала, а также Калининградской АЭС указанному району оказывается повышенное международное внимание.

Загрязнение морских акваторий внутренних и окраинных морей, озер, поверхностных водотоков веществами антропогенного происхождения – актуальная научная проблема. Ее решение требует

изучения воздействия на природную среду береговых техногенных источников поступления примесей. Значительную роль при этом играют явления турбулентного (вихревого) рассредоточения примесей в водной среде, осадкообразования, процессов сорбции (поглощения), химической и биологической деструкции.

Особое значение в последнее время приобретают исследования формирования ареалов донных загрязнений и их накопления в илах. Дело в том, что регистрируемые значения фонового уровня загрязнения водоемов под воздействием донных осадков и других внешних источников нередко сопоставимы по величине между собой (бензапирен, нитриты, фосфор и пр.), но иногда почти полностью определяются содержанием микроэлементов в донных осадках (тяжелые металлы, радионуклиды).

Так, по данным мониторинга концентраций стронция Sr^{90} и цезия Cs^{137} в Балтийском море, который ведется с 1960 г., проведены балансовые расчеты притока и выноса радионуклидов. Установлено, что разница между притоком и выносом Sr^{90} и Cs^{137} точно соответствует количеству этих радионуклидов в донных осадках. Инвентаризация таких радиоактивных элементов, как свинец (Pb) и цезий (Cs), показала, что около 99% и 50% соответственно было найдено в донных осадках начиная с 1980 г. Учитывая, что к 1982 г. резко упала радиоактивность атмосферных осадков (прекращение испытаний ядерного оружия в атмосфере), можно связать поступление радионуклидов в основном с действием береговых источников.

Как показывают натурные наблюдения, аккумуляция примесей происходит чаще всего в локальных областях, что связано с особенностями циркуляции вод водоема. Помимо характеристик течения, они зависят от эффектов придонного пограничного слоя. Формирование придонного пограничного слоя определяется процессами турбулентного трения и условиями стратификации (изменения по вертикали температуры и плотности воды). В настоящее время эти процессы не полностью исследованы. Их изучение представляет собой фундаментальную научную проблему термогидродинамики при познании тонкой вертикальной структуры водных потоков. Задача определения механизмов утилизации примесей в донных отложениях объектов гидросферы еще более осложняется при попытках учета в ней явлений сорбции и десорбции, ионного обмена, кристаллизации и других сопутствующих физико-химических реакций.

Загрязнение водной среды в основном связывается с эксплуатацией береговых промышленных объектов. Негативные последствия техногенных выбросов приобретают особую остроту вблизи

границ сопредельных государств, т. е. там, где возникает проблема трансграничного переноса загрязняющих веществ.

Минимизация уровня воздействия на природную среду требует проведения комплексных исследований особенностей распространения и аккумуляции антропогенных веществ от техногенных источников. Важное значение такие исследования имеют в соответствии с Международной конвенцией об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте³.

Геополитические реалии поставили перед Россией задачу скорейшего строительства морских портов и нефтегазоперекачивающих терминалов на побережье Балтийского моря в Ленинградской и Калининградской областях. Как известно, в этих районах трансграничные международные отношения достаточно напряженные, и любые технологические решения требуют тщательной научной проработки вопросов ассимиляционной способности морских акваторий. Естественно, что реализация указанных энергетических проектов может потребовать проведения соответствующих международных экологических экспертиз. Поэтому одним из путей выработки решений должна стать объективная количественная оценка трансграничного переноса примесей, в том числе для аварийных ситуаций.

Распространение консервативной примеси (не учитываются реакции химической и биологической деструкции) описывается с помощью совместной численной реализации нескольких подмоделей: гидрологической, диффузионной и аккумуляционной. При этом определяется общее количество примеси, поступившей на дно за время T изучения процесса осадкообразования.

Экологическое состояние водных объектов главным образом определяется органическими и неорганическими составляющими взвешенного вещества (ВВ) в воде. Известно, что основной перенос поллютантов, в частности углеводов и тяжелых металлов (до 80%), связан именно с динамикой ВВ в воде.

В связи с интенсивным индустриальным развитием в бассейне Вислинского эстуария и Балтийского пролива со стороны Польши и Калининградской области РФ естественно предположить, что без принятия адекватных мер положение может только ухудшаться. Поэтому необходимы предварительные оценки масштаба техногенного воздействия для принятия решений, в том числе на политическом уровне.

На основе гидродинамического моделирования оценено турбулентное рассеивание в море условно загрязняющих веществ

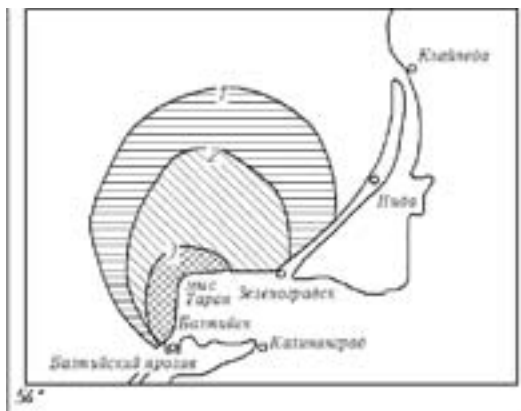

Рис. 2. Потоки осаждающихся на дно загрязняющих веществ.

Значения величин потоков: 1 – 10^{-5} , 2 – 10^{-4} , 3 – 10^{-3} в $\text{г} \cdot \text{с}^{-1} \cdot \text{м}^2$.

из района Балтийского пролива. Для изучения ареалов донных загрязнений анализируются потоки примеси, поступающие из распространяющегося под влиянием течений облака поллютантов. Картина распространения в море загрязняющих веществ и процесс их осаждения на дно приводится на рис. 2.

Проанализировано пространственное распределение вертикальных потоков примеси, осаждающейся на дно. В результате расчетов установлено, что в условиях нагонных явлений, возникающих в южной Балтике под воздействием продолжительных юго-западных ветров, осуществляется загрязнение обширной акватории к северу от мыса Таран. Распространение примеси обладает свойством правой асимметрии, в связи с чем наиболее существенен ареал донных загрязнений акватории вдоль побережья на участке Балтийск – мыс Таран – Зеленоградск.

Получены также распределения величин концентрации загрязнителя непосредственно в донных осадках. Из результатов расчетов следует, что наибольшие значения концентрации наблюдаются в донных осадках российских территориальных вод: от Балтийска до Зеленоградска.

В плане проведения трансграничных экспертных оценок следует указать, что при рассмотренном гипотетическом источнике поступления техногенных сбросов, который может соответствовать аварийной ситуации в районе Балтийского пролива, отмечается

достижение загрязняющими веществами сопредельных территориальных вод. Ареал значимых величин концентрации загрязнения формируется на обширной акватории к северу и достигает траверза г. Клайпеды (Литва).

При более мелких, но частых утечках антропогенных веществ будет происходить их медленная аккумуляция в донных осадках. Постепенно может возникнуть опасность превышения фонового уровня, в том числе на акватории, примыкающей к Куршской косе. Тогда существенному загрязнению подвергнутся донные отложения вдоль побережья Литвы на участке Нида–Клайпеда, имеющем рекреационные свойства мирового значения.

Далее рассмотрим некоторые результаты комплексного моделирования трансформации озерных систем Валдайского национального парка.

Валдайский национальный парк, расположенный в Новгородской области между Москвой и Санкт-Петербургом, является уникальной охраняемой природной территорией. Своеобразный микроклимат и громадные рекреационные ресурсы привлекают к нему тысячи туристов. Здесь расположен один из наиболее почитаемых у православных верующих Иверский монастырь, основанный еще патриархом Никоном. Его посещают сотни паломников со всего света. Этнокультурные памятники на территории парка насчитывают сотни и тысячи лет.

Одновременно Валдайский национальный парк выполняет функции биосферного резервата. Он регенерирует атмосферный воздух и снабжает чистыми водами большие сопредельные пространства. Сохраняет редкие виды флоры и фауны. На его основе проводится мониторинг состояния окружающей среды. Организуются исследования по многочисленным отечественным и международным научным программам.

В соответствии с концепцией биосферного резервата национальный парк должен быть способен выполнять три взаимодополняющие функции:

- сохранение и контроль состояния биоразнообразия на всех уровнях его проявления, а именно генетический фонд, разнообразие видов, экосистем, ландшафтов;
- развитие территории и содействие устойчивому развитию прилегающих районов;
- научно-техническое обеспечение для поддержки демонстрационных проектов, мониторинга состояния окружающей среды, экологического образования, экотуризма и пр.

Всем перечисленным требованиям Валдайский национальный парк, безусловно, удовлетворяет. В этой местности сосредоточены удивительные озера и малые реки, не имеющие себе равных по красоте. Помимо рекреационных целей, они используются для питьевого водоснабжения коренного населения, гостей края и сопредельных областей.

Известно, что озерные системы относятся к сложным элементам гидросферы. Их функционирование обусловлено совокупностью разнообразных природных и техногенных факторов (климатические, географические, ландшафтные, гидрологические, геологические, геоструктурные, гидрогеологические, антропогенные и др.). Они участвуют в формировании водного баланса, определяют интенсивность водообмена, а также создают особенности гидрохимического режима озерных вод и геохимических свойств донных отложений.

В гумидной зоне европейской России располагается огромное количество озерных систем различного генезиса. Наибольшее распространение получили озерные системы моренного типа, сформированные в котловинах ледникового происхождения.

Под влиянием антропогенных факторов геохимический состав открытых водотоков изменяется. Особенно уязвимыми они становятся в условиях многолетнего воздействия рассредоточенных и локальных источников загрязнения. Изменение качества поверхностных вод и загрязнение донных отложений стало одной из актуальных экологических проблем в различных регионах мира. Это приводит к возникновению очагов социальной напряженности, формированию протестных движений «зеленых», экономическим потерям и, как результат, ухудшению качества жизни населения.

Известно, что добытые из земных недр и обогащенные в технологических циклах, многие элементы в окружающей среде приобретают токсичные свойства. Так, металлы поступают в среду обитания человека в составе стоков и выбросов различных производств, из отвалов пород, диффузных источников, выщелачиваются кислотными осадками. Это хорошо видно на примере анализа динамики кривых роста мирового производства металлов и поступления их в окружающую среду на протяжении XX в. В последние десятилетия в европейских странах и в России наметилась позитивная тенденция снижения выбросов и поступления металлов в окружающую среду. Однако антропогенные выбросы пока еще превалируют над естественной эмиссией⁴.

В различных регионах Российской Федерации, как и в странах Западной Европы, отмечается повсеместное изменение

свойств озерных систем. Например, в районе Кольского полуострова почти 64% водоемов находятся почти в критическом состоянии. Изучение состояния озер в Ярославской и Вологодской областях также выявило региональное изменение свойств озерных вод. Многочисленные исследования показывают, что ухудшение свойств озерных вод проявляется, с одной стороны, в уменьшении концентраций ряда химических ингредиентов (рН, HCO_3^- , Ca^{2+} и пр.), а с другой – в значительном увеличении концентраций SO_4^{2-} .

На основе перечисленных научных фактов представляется весьма актуальным исследование особенностей техногенной трансформации озерных систем, включая территорию Валдайского национального парка. Снижение качества озерных вод и загрязнение донных отложений могут способствовать активизации нежелательных процессов в водоносных системах, ухудшению свойств питьевых вод, увеличению заболеваемости, нарушению рекреационных возможностей региона.

Исследования выполнялись для нескольких озерных систем Валдайской возвышенности (оз. Борое, Долгое, Брезгово, Короцкое, Ужин и Валдайское) в течение 1987–2007 гг.⁵

Валдайская возвышенность расположена в зоне смешанных лесов и характеризуется чередованием холмов и сильно заболоченных водосборов. Переувлажнение территории обусловлено в первую очередь атмосферными осадками. В отдельные годы их количество превышает 700–800 мм. Четвертичные отложения сплошным чехлом покрывают размытую поверхность пород палеозойского возраста, представленных закарстованными известняками и доломитами.

Выполненные исследования показали, что гидрохимический состав озерных вод весьма существенно связан с гидрологическим режимом, а также с геохимическими процессами на водосборах озер. При этом установлена значимая роль разгрузки подземных вод в формировании гидрохимии озерных систем, что говорит о хорошей гидравлической связи открытых и закрытых водотоков.

Для рассмотренных озерных систем получены значения величины нейтрализующей емкости (АНС). Отрицательные значения данного параметра указывают на проявление процессов закисления не только в озерных водах, но и на примыкающих водосборах. Также получены результаты термодинамического моделирования, характеризующие степень влияния щелочно-кислотных условий на усиление выщелачивания основных породообразующих мине-

ралов палеозойских отложений, в которые врезаются ложа некоторых озер.

Формирование агрессивных озерных вод может негативно сказаться на активизации карстовых процессов в карбонатных породах, из которых производится хозяйственно-бытовой водоотбор. Это важно, поскольку в изучаемом районе для питьевого водоснабжения населения используются воды верхнего карбона.

Изучение динамики изменения гидрохимических равновесий указывает на дальнейшее уменьшение коэффициентов насыщения во времени. Особенно явно смещение динамического равновесия озерных вод наблюдается на границе вода–дно, что свидетельствует об аккумуляции различных токсикантов. Поэтому для рассматриваемых озер изучались детально донные отложения и механизм их загрязнения.

Отбор донных отложений осуществлялся Валдайским филиалом ГГИ Росгидромета. Пробы отбирались для всех станций с дискретностью по глубине 2–3 см. В изучаемых озерных системах мощность донных отложений изменялась от 51–53 до 665 см. Наибольшая мощность донных отложений была отмечена в Валдайском озере. Определения выполнялись на рентгенофлюоресцентном приборе ОРТЭК-ТЭФА-611. В пробах анализировался валовой состав донных отложений (SiO_2 , Al_2O_3 , Fe_2O_3 , CaO , MgO , MnO , Pb и Zn).

Сопоставление полученных данных для верхних слоев донных отложений (0–3 см) с количественными оценками для нижних слоев (3–100 см) показало, что антропогенное воздействие проявилось в более высоких концентрациях Mn , Fe , Pb и Zn . Загрязнение донных отложений озер в наибольшей степени проявляется по Zn . При этом наиболее динамичная аккумуляция токсикантов отмечалась для оз. Борое, находящегося на самых высоких гипсометрических отметках.

Нами проанализированы имеющиеся сведения о миграции и аккумуляции Zn и Pb в придонной области реального водного объекта – Усадьевского залива оз. Валдайское. Для изучения гидрофизических параметров распространения загрязняющих веществ в системе «атмосфера–водоток–донные отложения» сформулирована математическая модель, описывающая динамику взвешенных частиц по вертикали с помощью уравнения массопереноса. Охарактеризованы условия миграции примесей цинка и свинца в донных отложениях оз. Валдайское. Определено значение коэффициента диффузионной дисперсии в придонной области $D = 3 \cdot 10^{-6} \text{ см}^2/\text{с}$.

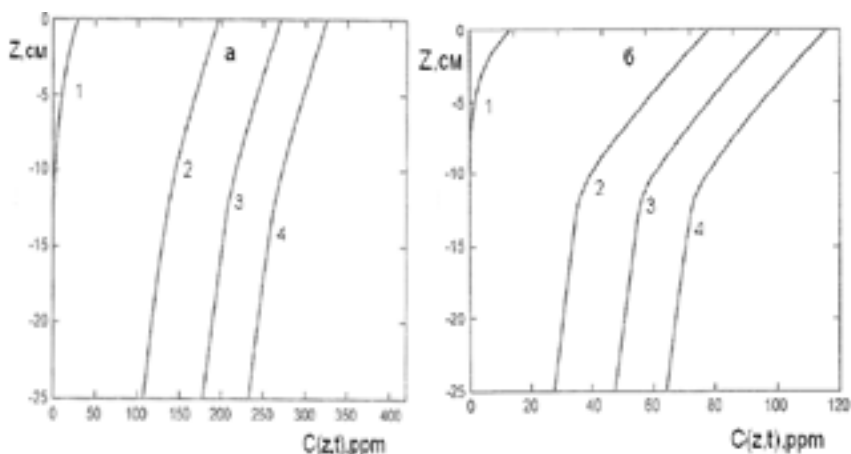

Рис. 3. Расчет концентрации: а – цинка, б – свинца в донных отложениях неоднородной структуры оз. Валдайское для моментов времени: 1 – 1970 г., 2 – 2005 г., 3 – 2040 г., 4 – 2070 г.

Учитывая аккумуляционную способность донных отложений к ряду токсикантов, отметим важность полученных результатов для изучения фрагментарного загрязнения подземных вод при их гидравлической связи с поровыми водами донных отложений озерных систем. При неблагоприятных условиях поступления техногенных элементов увеличивается вероятность локального загрязнения подземных вод за счет проникновения токсикантов в эксплуатируемые водоносные горизонты.

Далее были проведены расчеты миграции примеси в слоистой толще донных отложений для временного периода в 100 лет (1970–2070 гг.) с промежуточными интервалами около 30 лет. Из результатов расчетов следует, что происходит заметный рост концентрации $C(z,t)$ в донных отложениях с течением времени. Другими словами, отмечается постепенное накопление ВВ, которое может вызвать впоследствии недопустимое вторичное загрязнение водоема за счет их поступления из донных осадков.

Динамика накопления загрязняющих веществ на дне озера приводится на рис. 3 (а, б).

В итоге с помощью комплексного моделирования природных объектов Валдайского национального парка выполнена количественная оценка экологических показателей. Проанализированы

явления миграции некоторых токсикантов в объектах гидросферы с течением времени.

Учитывая, что территория Валдайского национального парка является одним из важнейших биосферных резерватов северо-запада РФ с исключительными рекреационными возможностями и этнокультурными достопримечательностями, полученные прогностические оценки экологического состояния озерных систем могут быть востребованными при разработке мероприятий по социально-хозяйственной гуманизации деятельности в этом уникальном уголке России.

Для эколопитологических исследований существенным является установленный механизм накопления примесей в донных отложениях и грунтовых водах. Рассмотренные токсиканты в основном попадают в озера Валдайской возвышенности из атмосферы, где преобладает перенос воздушных масс из районов Западной Европы.

Таким образом, в статье продемонстрированы возможности методов моделирования для анализа и прогноза условий устойчивого развития территорий на основе решения региональных эколопитологических проблем.

Примечания

- ¹ Материалы международной конференции «Устойчивое развитие: природа–общество–человек». М., 2006.
- ² См.: *Путьрский В.Е., Фролов А.П.* Процессы формирования ареалов загрязнений в донных осадках (на примере балтийского побережья Калининградской области) // *Геоэкология*. 2004. №2. С. 122–129.
- ³ См.: *Путьрский В.Е.* О методах изучения трансграничного переноса примесей, связанных со строительством морских портов // *Водные ресурсы*. М.: Наука, 1997. Т. 24. № 2. С. 252–254.
- ⁴ См.: *Моисеенко Т.И.* Антропогенно-индуцированные процессы в биосфере // *Вестник Российской академии наук*. 2011. Т. 81. № 12. С. 1100–1108.
- ⁵ См.: *Путьрский В.Е., Злобина В.Л.* Техногенная трансформация озерных систем Валдайского региона // *Водное хозяйство России*. 2010. № 5. С. 70–80.

Исследование практик социально-политического разнообразия

Е.В. Барышев

ИНТЕРНЕТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИИ

Статья посвящена современным исследованиям Интернета как особой формы информационного пространства. Новые информационные и коммуникационные технологии в современном обществе все чаще используются как инструмент для мобилизации масс и давления на власть. В статье рассматриваются взгляды западных политологов на потенциал совершенствования демократии посредством интернет-технологий.

Ключевые слова: политическая информация, Интернет, электронная демократия, информационно-коммуникационные технологии.

Массовое распространение Интернета ознаменовало собой появление новой, особой формы информационного пространства. Целый ряд общественных и политических движений в последнее время использовали его как инструмент для мобилизации народных масс и давления на власть. Наглядным примером являются события в странах Ближнего Востока (Турция, Египет) и в России. В основном организаторами активистских движений оказывались лидеры общественного мнения в сети, в частности в социальных сетях и блогах. Именно таким образом им удавалось собрать максимальное количество сторонников разного возраста.

Достоинства Интернета – мобильность, скорость информационного потока, отсутствие географических и временных границ – привели к тому, что и политики, и активная часть гражданского населения стали рассматривать сеть как способ возрождения демократической политики. В этом случае их интерес основывается на двух ожиданиях. Публичные деятели рассчитывают использовать

информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) в сети Интернет для привлечения граждан в публичную политику. Для самих граждан ИКТ создают возможность получения знаний о гражданских делах и общественных практиках, а также эффективно коммуницировать с представителями правительственных структур, руководствуясь не только своими потребностями, но и обоснованными точками зрения.

Известно, что новые информационные и коммуникационные технологии влияют на все сферы жизни в современном обществе, но в ИКТ исследователи политических коммуникаций видят потенциал усовершенствования демократии¹. Изменения в современном обществе породили комплекс причин, которые дестабилизируют традиционные системы политической коммуникации:

- возрастание социокультурной разнородности и влияния, которое ИКТ оказывают на акторов политической коммуникации;
- рост средств массовой информации наряду с изменениями в форматах продукции СМИ, расплывчатость и смешение жанров, размывание границ между журналистикой и тем, что ею не является;
- возрастающее число политических юристов и политических посредников, включая специалистов по политической коммуникации (экспертов, консультантов, спин-докторов и т. д.), которые иногда играют более убедительную роль, чем журналисты;
- меняющаяся география политической коммуникации как символ ослабления традиционных национальных границ;
- какофония, которая является следствием увеличения численности политических акторов и посредников;
- возрастающий цинизм и разобщение среди граждан.

В современной политологической литературе получил распространение термин «электронная демократия». В словарях общественно-политической лексики под демократией обычно понимают правление народа, осуществляемое как напрямую, так и через выборных представителей. В обыденном сознании с демократией зачастую отождествляют более высокий уровень благополучия. Под демократией подразумевается и метод управления обществом, форма правления, при которой граждане обладают политическими инструментами. Демократия рассматривается как необходимое, но сложно реализуемое условие существования идеального общества, в котором неограниченные решения большинства в то же время могут иметь и негативный аспект (например, они могут быть использованы для подавления мнений и принципов тех, кто находится в меньшинстве)².

Демократия предполагает, что все взрослое население должно иметь возможности для принятия участия в политике. Для этого обществу нужны современные государственные организации, которые способны решать проблемы демократической формы правления. Это означает, что граждане или их выборные представители должны уметь контролировать государственную бюрократию, военные и крупные частные корпорации, чьи чиновники не подотчетны народу. Такая власть обладает способностью защищать традиционные либерально-демократические убеждения, такие как гарантии надлежащего исполнения договоров, так же, как и возможность обращать внимание на информационные, социальные и экономические проблемы (например, установление стандартов защиты уязвимых персональных и государственных данных или использование человеческого труда и природных ресурсов). В противном случае неизбранные (назначенные) чиновники, военные лидеры и юридические лица смогут произвольно воспользоваться информационными и экономическими возможностями для влияния на управление нацией.

Западные исследователи заметили, что сегодня большая часть общества считает, что их участие в политике не имеет должного эффекта, и многие решают оставаться в стороне. Но и тем, кто выбрал участие, не хватает знаний для рациональных и ответственных действий, или же они понимают, что элиты контролируют доступ к информации, дающей эти знания³. Исследователи и критики, одобряющие ограничение демократического участия, рассматривают Интернет как механизм для обучения граждан с целью получить сознательный выбор населения между конкурирующими кандидатами⁴. Те же, кто поддерживает широкое и активное участие масс в политической жизни, видят в Интернете механизм снабжения граждан обоснованно важной информацией для понимания политического курса⁵. Так или иначе, все стороны полагают, что у Интернета есть перспективы улучшения демократического правления. Всемирная сеть расширяет гражданское вовлечение в публичную политику. Интернет становится средством для увеличения демократии в тех вопросах, где прежде преобладали единоличное принятие решений и авторитарная сфера влияния на гражданское общество.

В то же время Интернет дает возможность создавать бесчисленное количество виртуальных сообществ, в которых люди и «живут», и работают. Это – и онлайн-расширение реально существующих организаций, и создание новых групп интересов в сети, связанных с реальным миром.

Таким образом, аналитики отмечают, что онлайн-демократия воспринимается более совершенной, чем ее классическая форма. Граждане «киберпространства» устанавливают формы взаимодействия и самоконтроля, которые приобретают большую значимость, чем гражданство в этнически или территориально разграниченных национальных государствах. Интернет и связанные с ним информационные и коммуникационные технологии предоставляют неограниченные временем и территорией площадки, на которых любой может выражать свои демократические воззрения⁶.

Но и технический прогресс имеет свою оборотную сторону. В западной политологии существует мнение, что даже в «умеренных» настроениях Интернет может взрастить антидемократические тенденции: большую политическую фрагментацию, хакерство во имя политических целей и снижение культуры общения⁷.

Шведский исследователь П. Далгрэн выделяет несколько секторов сетевых общественных пространств:

- «электронное правительство», обладающее иерархичным характером;

- сектор правозащитной деятельности, где дискуссии проводятся организациями с разными воззрениями, ценностями и целями, используя различные формы политического вмешательства: традиционную парламентскую политику, активистские группы политических интересов, а также новую политику общественных движений;

- сектор разнообразных гражданских форумов, где граждане обмениваются мнениями и свободно размышляют. Обычно под этим понимается парадигматический вариант публичной сферы в Интернете;

- сектор партийной борьбы, который вводит в обсуждение социальные и культурные темы, отражая лишь сходные интересы;

- сектор журналистики, который включает в себя большинство новостных организаций, перешедших в новостное онлайн-пространство (обычно без достаточной или вообще без собственной информации), такие как Yahoo!⁸ (для российских СМИ – это Lenta.ru, Newsru.com, Firstnews.ru и пр.).

Несмотря на всемирное распространение Интернета, главным вопросом всегда остается выбор его положительного и отрицательного восприятия: не утихают споры о том, что такое Всемирная сеть – это возможное решение проблем демократизации или, наоборот, разрушение общества?

Сторонники положительного влияния Интернета рассматривают проводную связь как воссоединение людей, однако есть

и другое мнение. Как замечают исследователи, во многих западных обществах (особенно в США) существует проблема отдаления граждан друг от друга. Люди больше не вступают в группы, не социализируются и, помимо всего прочего, не доверяют друг другу так, как доверяли раньше⁹. В то же время приверженцы отрицательной теории видят в Интернете угрозу гражданской активности.

С появлением сети гражданское взаимодействие сделало исторический шаг к переходу в онлайн-пространство, и нестабильный характер публичной сферы становится все более устойчивым.

Будет ли Интернет влиять на общественную сферу, и если будет, каковы признаки этого влияния? Взаимодействие Интернета и демократии имеет два аспекта:

- взаимодействие граждан с медиа (коммуникативные процессы, позволяющие интерпретировать события и делать выводы);
- взаимодействие граждан друг с другом, которое может включать в себя все что угодно – от диалогов до масштабных встреч.

Взаимодействие граждан имеет свои позиции и пространства, свои дискурсивные практики, психокультурные аспекты.

К положительным тенденциям относят увеличение электората и появление новых моделей политического вовлечения. Еще одним несомненным достоинством стала культурная разнородность, которая при правильном обращении может привести к росту демократии, расширить политическую коммуникацию через горизонтальную и вертикальную общественную коммуникацию, с учетом ослабления политической эффективности.

Исследователи обращают внимание на то, что демократическое обсуждение практически полностью находится в тени защиты интересов потребителей, развлечений, неполитических связей, простых бесед и т. д. Таким образом, они приходят к выводу, что использование сети в политических целях может только на малую долю процента быть принятым во внимание в публичной сфере. Коммуникативный характер политической дискуссии не всегда способствует развитию идеального общества: большая часть политически активного общества изолирована и его содействие формированию демократической воли не всегда успешно¹⁰.

В то же время можно отметить, что современная архитектура сети все еще предоставляет место для множества форм общественных инициатив. Критерий доступа к Интернету и его использования стал таким, что «цифровой барьер» (ограничение возможностей социальной группы из-за отсутствия у нее доступа к современным

средствам коммуникации) в западных демократиях начал сокращаться, если не сказать, совсем исчез (на глобальном уровне, как известно, перспективы абсолютного вовлечения общества в сеть довольно небольшие).

С целью помешать гражданскому обществу выйти на уровень онлайн-политической коммуникации авторитарные режимы по всему миру попытались сократить использование сети в демократических целях (пример Китая), поскольку увидели в этом прямую угрозу для власти. Однако их методы не были до конца успешны, несмотря на имеющиеся механизмы контроля.

Политологи отмечают, что Интернет предоставляет неограниченные возможности для общественного взаимодействия, но не может гарантировать быстрое приобщение к демократии¹¹.

Считается, что Интернет играет важную роль в усилении публичной сферы через посредничество в политических дебатах. Интернет рассматривается не как технологическое чудо, благодаря которому представительная демократия будет спасена, или как катализатор лучшего участия, а скорее как открытие потенциальных возможностей в реалиях неформальных политических процессов и общественных движений.

Примечания

- ¹ См.: *Anderson D.M., Cornfield M.* (eds.) *The civic web: Online politics and democratic values*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003; *Jenkins H., Thornburn D.* (eds.) *Democracy and the new media*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
- ² См.: *Dahl R.A.* *Democracy and its Critics*. New Haven: Yale Univ. Press, 1989. P. 106–118.
- ³ См.: *Barber B.* *Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age*. Berkley: Univ. of California Press, 1984; *Barber B.* *Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole*. N.Y.: Norton, 2007.
- ⁴ См.: *Fishkin J.S., Laslett P.* (eds.) *Debating Deliberative Democracy*. Malden: Blackwell, 2003.
- ⁵ См.: *Deibert R.J.* International “Plug’n’Play”? Citizen Activism, the Internet, and Global Public Policy // *International Studies Perspective*, 2000. P. 255–272.
- ⁶ См.: *Castronova E.* *Synthetic Worlds. The Business and Culture of Online Games*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2005. P. 205–226.
- ⁷ См.: *Cornfield M., Rainie L.* *The Internet and Politics: No Revolution, Yet* // *Pew Internet & American Life Project*, 2006. November 6.
- ⁸ См.: *Dahlgren P.* *The Internet, Public Spheres, and Political Communication: Dispersion and Deliberation* // *Ibid.* 2005. № 22. P. 147–162.

- ⁹ См.: *Putnam R.D.* Bowling alone. N.Y.: Simon & Shuster, 2000.
- ¹⁰ См.: *Uslaner E.M.* Trust, Civic Engagement, and the Internet // *Political Communication*, 2004. № 21. P. 223–242; *Barber B.* Strong Democracy: Participatory Politics for a New Age. Berkley: Univ. of California Press, 1984; *Barber B.* Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole. N.Y.: Norton, 2007.
- ¹¹ См.: *Blumber J.G., Gurevitch M.* The new media and our political communication discontents: Democratizing cyberspace // *Information, Communication & Society*. 2001. № 4. P. 1–14.

И.А. Гордеева

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО МИРНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР В 1980-е ГОДЫ

В 1982 г. в СССР возникло независимое мирное движение, основателями которого были ученые, евреи-отказники, хиппи и представители некоторых других маргинальных групп советского общества. Движение, представленное двумя неформальными организациями – группами «За установление доверия между СССР и США» и «Свободная инициатива», провозгласило своей целью предотвращение ядерной войны посредством налаживания низовых контактов, народной дипломатии и прочих мер в направлении установления доверия между простыми людьми – представителями капиталистического и социалистического блоков. Постановка вопроса о доверии была необычным явлением в советском обществе, где уже не первое десятилетие культивировались изолированность и закрытость, а борьбу за мир в рамках официальных советских организаций мало кто воспринимал всерьез. Интеллектуальным источником появления идеи доверия у советских ученых – инициаторов организации «Группы доверия» – прежде всего стали идеи английского математика, квакера, одного из основателей науки мира, Льюиса Фрая Ричардсона.

Ключевые слова: пацифизм, борьба за мир, доверие, народная дипломатия, хиппи, диссидентское движение, Группа за установление доверия между СССР и США, «Свободная инициатива», Советский комитет защиты мира, квакеры, Льюис Фрай Ричардсон, конфликтология.

4 июня 1982 г. в Москве на квартире художника-нонконформиста Сергея Батоврина состоялась пресс-конференция для иностранных журналистов, на которой было объявлено о создании Группы за установление доверия между СССР и США

(«Группа доверия»). Батоврин зачитал декларацию группы, которая была отослана на имя Л.И. Брежнева и Р. Рейгана, а также в ТАСС, в газету «Правда» и в Советский комитет защиты мира (СКЗМ) под названием «Обращение к правительствам и общественности СССР и США».

В этом обращении, ставшем программным документом группы, ее учредители писали:

«СССР и США обладают средствами убивать в масштабах, способных подвести итоговую черту под историей человеческого общества.

Равновесие страха не может надежно гарантировать безопасность в мире. Только доверие между народами может создать твердую уверенность в будущем.

Сегодня, когда элементарное доверие между двумя странами полностью утрачено, проблема доверия перестала быть просто вопросом двусторонних отношений. Это вопрос – будет ли человечество раздавлено собственными разрушительными возможностями или выживет?

Эта проблема требует сегодня немедленных действий. Однако совершенно очевидна неспособность политиков обеих стран в ближайшее время договориться о каком-либо заметном ограничении вооружений и тем более о существенном разоружении.

Соблюдение политиками объективности в вопросах разоружения затруднено их политическими интересами и обязательствами [...].

Мы убеждены в том, что пришло время для широкой ответственности не только ставить вопросы о разоружении перед теми, кто принимает решения, но и решать их вместе с политиками.

Мы выступаем за четырехсторонний диалог – за то, чтобы в диалог политиков равномерно включились советская и американская общественность»¹.

Выступая за ограничение вооружений общего типа, авторы документа предлагали в качестве первого шага собрать предложения советской и американской общественности по вопросу о том, как можно установить доверие между СССР и США, и создать смешанные международные общественные группы для анализа таких предложений. Помимо этого, «Обращение» содержало призыв к ученым обеих стран учреждать исследовательские группы для борьбы за мир на научной основе, а также к политическим деятелям и представителям прессы с предложением создать условия для открытого обмена мнениями.

После подавления «толстовского» пацифизма в 30-е годы ценности ненасилия в СССР были надолго забыты, а движение за мир было возможно лишь в форме официальных общественных организаций, главной из которых с 1949 г. был СКЗМ. До появления «Группы доверия» в СССР имели место лишь единичные миротворческие инициативы неофициального характера: антиядерные выступления А.Д. Сахарова, открытое письмо ученых Прибалтики с требованием включить в «безъядерную зону» в Северной Европе Балтийское море, Эстонию, Литву и Латвию, а также пацифистские демонстрации советских хиппи, которые проводились в день защиты детей начиная с 1971 г.

Постановка вопроса о защите мира «Группой доверия» была абсолютно новым явлением в условиях позднего советского времени по крайней мере в двух своих аспектах. Во-первых, группа поставила перед собой задачу не негативную, а позитивную – бороться не против войны, а за мир, залогом которого является доверие. Именно отсутствие доверия между СССР и США, Востоком и Западом члены группы считали причиной существования ядерной угрозы человечеству. По их мнению, «антиядерные протесты должны сопровождаться также широкими массовыми позитивными действиями, направленными на очеловечивание отношений», на преодоление недоверия (установление широких гражданских связей, сотрудничество и свободный обмен информацией и людьми, дискуссии и диалог)².

Во-вторых, участники группы стремились создать массовое низовое движение за мир. Они считали, что настало время защищать мир «снизу», силами простых людей, независимой от партии и правительства общественности. Объясняя свои мотивы участия в движении, Батоврин в интервью, данном 20 мая 1983 г. в Вене корреспонденту радио «Свобода», сказал: «Все дело в том, что каждый участник группы в один прекрасный день для себя почувствовал, что проблемы мира во многом зависят от того, будет ли каждый человек лично для себя понимать, что он должен приложить какие-то собственные личные усилия для того, чтобы мир был прочным, т. е. борьба за мир не должна быть монополией политиков, а это должно быть каждодневным занятием тысяч и тысяч людей»³.

Организаторы движения заявляли, что СКЗМ выступает исключительно с позиций советского правительства, «за все время своего существования он не выдвинул ни одного собственного предложения и фактически занимается изложением правительственной линии», в то время как настоятельно требуется объеди-

нение всех людей вне зависимости от их гражданства, идеологических, политических или религиозных взглядов («ядерная угроза всех людей делает равными»). Самих себя они считали не гражданами какой-то страны, а гражданами мира – людьми, не обремененными какими-то определенными политическими рамками или идеями⁴.

Авторами обращения были 11 человек: художник-нонконформист Сергей Батоврин, инженеры Мария и Владимир Флейшгакеры, врач Игорь Собков, учитель математики Сергей Розеноер, физики Геннадий Крочик, Виктор Блок и Юрий Хронопуло, Михаил и Людмила Островские, математик Борис Калюжный. К обращению в первые же дни присоединились врач Владимир Бродский, географы Юрий и Ольга Медведковы, математик Марк Рейтман, филолог Олег Радзинский, экономист Лев Дудкин, физик Валерий Годяк с женой и многие другие. Инициаторами создания независимого мирного движения была интеллигенция Москвы и Долгопрудного, но очень скоро «группы доверия» и единомышленники появились в Новосибирске, Ленинграде, Куйбышеве, Риге, Одессе, Рыбинске, Львове, Киеве, Вильнюсе.

Группа направила в Моссовет письмо, в котором информировала о своем создании и просила зарегистрировать ее как общественную организацию. К письму был приложен текст обращения. Письменного ответа на эту и последующие просьбы о регистрации группа не получила, зато устно им было сказано: «Чтобы бороться за мир, в нашей стране не нужно регистрироваться»⁵.

Возникновение независимого мирного движения было замечено за границей в выступлениях представителей ряда стран на II Специальной сессии ООН по разоружению. Многие пацифистские организации выразили им свое одобрение и поддержку. Группа объявила о создании «телефонной линии мира» – круглосуточном приеме по телефону мирных предложений из разных стран⁶.

После создания группы ее членам стали поступать предложения об установлении доверия, которые она регулярно анализировала и включала в свои письма, адресованные правительствам СССР и США, а также общественности обеих стран. Было получено более ста таких предложений, среди которых были следующие:

– обмен детьми между советскими и американскими семьями, включая семьи руководителей правительств и ответственных правительственных сотрудников (это гарантирует от неожиданного ядерного нападения, а также гарантирует взаимопонимание в будущем);

– регулярное проведение совместных советско-американских дискуссионных телепередач, которые транслировались бы одновременно в обеих странах и на которых политики, представители науки и культуры отвечали бы на вопросы телезрителей другой страны;

– пропаганда мира в школьных учебниках;

– создание советско-американского брачного агентства, увеличение числа браков между советскими людьми и американцами;

– создание бюро, которое занималось бы организацией переписки и личного знакомства между гражданами обеих стран;

– создание советско-американских передовых в научном отношении медицинских лечебных центров, сотрудничество между врачами;

– разработка программы совместных космических исследований;

– совместная помощь нейтральной развивающейся стране;

– создание неправительственной советско-американской комиссии по исследованию общественного мнения, которая бы регулярно проводила опросы населения обеих стран по всем вопросам двусторонних отношений в целях выработки совместных рекомендаций правительствам по нормализации отношений;

– исключение военных игр детей, прекращение производства и продажи военных игрушек;

– совместное обсуждение антивоенных произведений киноискусства и литературы;

– присвоение ряду улиц в новых районах имен видных деятелей США, внесших вклад в дело справедливости и демократии и способствовавших сближению СССР и США, подав тем самым пример США;

– публикация биографий прославившихся американцев русского происхождения;

– снижение почтового тарифа для международной корреспонденции и телефона, упрощение процедуры оформления туристских поездок, снижение их стоимости;

– использование в качестве товарных знаков слова, связанные с идеей мира (мир, доверие, разрядка, детант, паритет);

– использование телевидения для знакомства с культурой друг друга;

– включение в школьные программы изучения законодательных и государственных документов обеих стран, наиболее значимых художественных произведений;

– проведение спортивных соревнований между советскими и американскими сотрудниками предприятий и учреждений одного профиля;

– организация кругосветного марша мира и многое другое⁷.

Часть этих заявлений участники группы направили в СКЗМ, Президиум ВС СССР и ряд газет, советских и зарубежных.

Сразу же после организации группа принялась активно рассылать обращения к правительствам и общественности СССР, США и других стран, в международные организации с призывами к немедленному прекращению ядерных испытаний и с предложениями об установлении доверия. Ни одного официального письменного ответа на свои обращения от советских органов группа не получила.

Зарубежные корреспонденты и представители западных пацифистских организаций, напротив, с большим интересом отнеслись к инициативам советских «мирников», они выразили им свое одобрение и поддержку и приняли активное участие в их защите от преследований.

С самого начала существования места встреч участников группы и места их проживания стали объектом пристального внимания милиции и КГБ. Милиция многократно пыталась попасть в квартиры членов группы, задерживала их на улице «для выяснения личности», члены группы получали повестки и звонки с предписаниями явиться в отделение милиции, в исполком, в прокуратуру, в КГБ, задерживались, доставлялись в милицию для бесед, получали угрозы по телефону и в личном общении с сотрудниками силовых органов, которые применяли оскорбления и физическое насилие, на работе на них тоже давили, угрожали увольнениями и увольняли, домашние телефоны отключали, подвергали домашним арестам на срок от одного дня до одного месяца. Уже в первые месяцы после возникновения движения несколько человек были арестованы по сфабрикованным делам, впоследствии они попали в заключение или в психиатрические больницы.

Недовольство властей вызывал сам факт возникновения низового, независимого движения, а также нарушение монополии государства в лице СКЗМ на борьбу за мир. Не имея возможности напрямую обвинять участников группы в борьбе за мир, КГБ стало фабриковать против них дела о хулиганстве и антисоветской агитации и пропаганде.

Почти одновременно с «Группой доверия», в том же 1982 г., в Москве появилась еще одна независимая пацифистская организация – группа «Свободная инициатива», в состав которой

входили в основном хиппи. Ее лидерами были Юрий Попов (Диверсант), анархист Сергей Троянский и Роман Осипов. Мирное воззвание этой группы в конце мая или 1 июня 1983 г. подписали 89 человек. Оно носило название «Обращение к молодой Америке» и также было построено на идее необходимости установления доверия между людьми:

«Нам бесконечно близка и понятна американская молодежь.

Нас объединяет общая боль и надежда, какие бы абсурдные формы она ни принимала в глазах старшего поколения.

И мы верим, что честная молодежь Америки так же, как и мы, видит свое будущее более свободным от организованного насилия, процветающего в атмосфере страха и взаимного недоверия.

Мы призываем рабочую, студенческую и “незанятую” молодую Америку поддержать неправительственные мирные инициативы, выступить за установление контактов между простыми людьми наших стран, в чем мы видим единственную возможность преодолеть формализм в отношениях, неизбежно возникающий, когда они опосредствованы средствами массовой информации. Ведь настоящего друга можно найти лишь соприкоснувшись с ним сердцем.

Нас многое объединяет, и в первую очередь – это пацифистское движение планеты, которое родилось и выросло на американской земле. И сейчас нам особенно ясен глубокий смысл слов трагически погибшего Джона Леннона: “Нам нужна только любовь. Только любовь спасет нас всех”»⁸.

Хиппи-пацифисты с 1971 г. проводили 1 июня массовые собрания в защиту мира, в которых, по некоторым сведениям, участвовали от 300 до 500 человек⁹. Помимо этого, ежегодно 8 декабря, в день смерти Джона Леннона, хиппи проводили свои пацифистские митинги на смотровой площадке на Ленинских горах. Леннона они считали своим «идейным руководителем и наставником». В 1971 г. Светлана Барабаш (Офелия), выпускница факультета журналистики МГУ, была отстранена от защиты диплома за участие в пацифистской демонстрации хиппи на Манежной площади 1 июня¹⁰. Будучи знакома с Батовриным еще с 70-х годов (они оба были участниками арт-группы «Волосы»), в 1982 г. она поставила свою подпись под обращением «Группы доверия». Также среди советских хиппи были последователи религиозно-общественных (в том числе и пацифистских) идей Л.Н. Толстого.

Таким образом, характер деятельности низового мирного движения в СССР свидетельствует о том, что непосредственной причиной ее начала была искренняя «озабоченность» советской обще-

ственности «ядерным вопросом»¹¹. Какими же путями пацифисты позднего советского периода пришли к идее доверия и необходимости борьбы за мир «снизу» в обществе, где господствующим типом личности был «человек изолированный» – «внутренне (в своих установках и привычках) изолированный от внешнего мира, не готовый к его восприятию и пониманию, к диалогу и пр.»¹², и где борьба за мир воспринималась как «тоскливое и лицемерное занудство»¹³?

Один из ответов на этот вопрос связан с историей неофициальных научных семинаров 1970-х годов.

В сообщении «О “Группе доверия”» (1982) о причинах ее создания говорилось следующее: «1980 год был годом начала очередного экономического спада в большинстве развитых стран. Обострение энергетической, сырьевой и экологической проблем в одних странах, продовольственной, технологической и управленческой – в других, придало этому спаду остроту и длительность, не свойственную, например, предыдущему спаду 1974–1975 гг. Убедившись в неэффективности различных эффектов оздоровления экономики и для отвлечения внимания своих народов от насущных экономических проблем правительства неизбежно должны были обратиться к старому и проверенному рецепту – вложению денег в долгосрочные военные программы. Такой шаг, легко оправдываемый в глазах народов внешней военной угрозой, имеет для правительства и другую притягательную сторону – он способствует консолидации общества на псевдопатриотической основе. Вслед за этим неминуемо должны прийти внедрение милитаристского духа, увеличение закрытости общества, урезание демократических свобод и прав человека. Все это должно усилить и привести к власти военно-промышленные комплексы и союзы политической полиции с военными»¹⁴.

С весны 1980 г. «группа московских интеллигентов» участвовала в работе неофициального семинара по «применению точных методов естествознания в ряде областей с плохо определенной методикой и структурой», где рассматривались модели коллективного поведения, массовая психология, парапсихология, а также проблемы войны и мира¹⁵. На семинаре обсуждались идеи основателя науки о мире британского квакера, физика и математика Льюиса Фрая Ричардсона (1881–1953). Секта квакеров, к которой принадлежал Ричардсон, является одной из самых старых (возникла в XVII в. в Англии, также известна как «Общество друзей») и последовательно миротворческих религиозных групп. Ричардсон, озабочен-

ный проблемой международного мира, занимался математическим моделированием международных отношений, прогнозированием войн и конфликтов¹⁶. По словам М. Рейтмана, участники семинара «жадно набросились на его труды и труды его многочисленных последователей и стали пытаться и сами творить в том же плане»¹⁷.

Семинар этот распался на несколько других, на одном из которых обсуждалась проблема «ядерной зимы», создавалась математическая модель возможного «ядерного кошмара» и велась работа над докладами по проблемам войны и мира. Ученые разработали метод вычисления «индекса враждебности» газетных статей и выступлений политических руководителей, позволивший им «установить факты преднамеренного создания противостоящими сторонами враждебных настроений по отношению друг к другу и в особенности перед планируемыми важными политическими событиями». Зная о существовании на Западе мощного пацифистского движения и считая работу СКЗМ недостаточно эффективной, они вместе с другими представителями интеллигенции, озабоченными проблемой мира, решили, что больше молчать нельзя и нужно действовать самостоятельно в целях предотвращения войны¹⁸.

Математические методы подсказали им, что гонкой вооружений можно управлять посредством усиления обмена людьми (туристами, эмигрантами, командированными), что и подтолкнуло их к организации «Группы доверия»¹⁹. Как говорилось в докладе «Энергетическая модель противостояния двух государств», представленном 6 ноября 1982 г. на научном семинаре в Москве, противостояние СССР и США можно описать с помощью системы обыкновенных дифференциальных уравнений, допускающей качественное исследование²⁰. В докладе был сделан вывод о том, что «при определенных реалистических значениях параметра устойчивость системы не определяется более экономическими причинами, а зависит исключительно от степени взаимопонимания. В этом случае все меры, которые могут препятствовать формированию ложных представлений о намерениях противостоящей стороны: туризм, иммиграция, эмиграция, культурный обмен, свобода обмена информацией и торговые связи стабилизируют систему»²¹.

Научный семинар «Мирные и социальные исследования» в г. Долгопрудном положил начало дружественной «Группе доверия» группе «Дружба и диалог». Группы проводили совместные семинары. В 1983 г. ученые группы «Дружба и диалог» занимались проблемами реконверсии на своих семинарах совместно с зарубежными пацифистами²².

В июле 1982 г. к московской группе присоединились новосибирские ученые. Сотрудники новосибирского Академгородка заявили о том, что разделяют идеи московской «Группы доверия» и присоединяются к ее предложениям. Авторы документа призывали правительства полностью прекратить любые испытания и разработку ядерного, бактериологического и химического оружия, а также создать неформальные международные группы ученых для совместной разработки проблем, решение которых может укрепить доверие между народами («например, анализ случаев наблюдения НЛО над территорией СССР и США, исследование национальных и социальных корней ксенофобии в разных странах, изучение причин индивидуальной агрессивности и их связи с социальным и идеологическим окружением»²³). От имени Инициативной группы доверия новосибирского Академгородка документ подписали семь человек: инженер Э.А. Горбман, физики А.П. Иванский и М.Д. Малеев, математики В.М. и Л.А. Исаковы, филолог Б.А. Колненский, программист Н.А. Косянский²⁴.

Таким образом, непосредственным толчком к созданию независимого мирного движения в СССР стало влияние на советских ученых идей английского математика Л.Ф. Ричардсона, который в то же самое время был представителем старейшей миротворческой секты квакеров. Помимо Ричардсона, на идеологию низового мирного движения в СССР оказал свое влияние также пацифизм Л.Н. Толстого, Джона Леннона и движения хиппи. Активисты «Группы доверия» быстро осваивали повестку дня и методы протеста западных «мирников», и к середине 1980-х годов группа превратилась в настоящую пацифистскую организацию, говорящую на западном политическом языке, имеющую опыт общественно-политической борьбы, достойную репутацию и обширные связи за рубежом.

Примечания

- ¹ АС (Архив самиздата). № 4788. Л. 1–2. Все документы самиздата цитируются здесь по копиям, хранящимся в архиве Института «Открытое общество» (Будапешт, OSA Archive).
- ² РС (Радио «Свобода»). № 116/83. Л. 4; АС. № 4858. Л. 3.
- ³ РС. № 116/83. Л. 2.
- ⁴ Там же. Л. 2.
- ⁵ АС. № 5928. Л. 4.

- ⁶ Там же. № 4867.
- ⁷ РС. № 116/83. Л. 1–4, см. также: АС. № 4833, 4836, 5173.
- ⁸ АС. № 5326. Л. 1.
- ⁹ Интервью учредителя группы «Свободная инициатива» Ю. Попова // Экспресс-хроника. 1988. № 5 (26). С. 7.
- ¹⁰ См.: *Батоврин С.* Беспечное путешествие с группой «Волосы» (URL: <http://sistefriend.ucoz.ru/forum/21-304-1>).
- ¹¹ АС. № 4949. Л. 1.
- ¹² *Левада Ю.* Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М., 2006. С. 266.
- ¹³ См.: *Рейтман М.И.* Мир и не от мира сего: Заметки о группе «Доверие» // Страна и мир. 1986. № 4. С. 43. Подробнее об особенностях современных воспоминаний о советском опыте борьбы за мир см.: *Орлова Г.А.* «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/54/or6.html>).
- ¹⁴ АС. № 4912. Л. 1.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: *Hunt J.C.R.* Lewis Fry Richardson and His Contribution to Mathematics, Meteorology, and Models of Conflict // Annual Review Fluid Mech. 1998. № 30. P. XXIX.
- ¹⁷ АС. № 5090. Л. 4.
- ¹⁸ Там же. № 4912. Л. 2.
- ¹⁹ *Рейтман М.И.* Указ. соч. С. 50–51.
- ²⁰ АС. № 4942. Л. 1.
- ²¹ Там же. Л. 2; см. также: АС. № 4956, 4957, 5172.
- ²² Там же. № 5153. Л. 4.
- ²³ Там же. № 4928. Л. 2.
- ²⁴ Там же.

Т.Л. Каминская

ПРИМЕТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СТАРОРУССКИХ ТЕРРИТОРИЙ

В статье обсуждается влияние процесса глобализации на идентичность жителей старинных русских городов, поскольку признаки нового образа жизни особенно заметны на территориях бывшего Советского Союза и территории городов Европы с богатым историческим прошлым.

Создавая новую социальную реальность, многие новые элементы контрастируют с привычным восприятием города и его образом жизни, что часто способствует кризису идентичности жителей.

Автор статьи, опираясь на экспертный опрос, проведенный в Великом Новгороде, приходит к выводу, что в риторических стратегиях региональной власти необходимо актуализировать образы из великого прошлого для преодоления кризиса идентичности.

Ключевые слова: социальное пространство, глобализация, кризис идентичности, Великий Новгород.

Признаки нового образа жизни особенно заметны в социальном пространстве бывших «советских» территорий Европы и в городах России с богатым историческим прошлым. Еще совсем недавно в таких старинных русских городах, как Новгород Великий, трудно было представить возможность появления кафе «Макдональдс» и логотипов брендов Mitsubishi и Hyundai недалеко от вокзала, расположенных на одной оси с Софийским собором XI в., т. е. процессы глобализации в их визуальном компоненте. Стоит отметить, что слово «Великий» входило в название города в Средние века и вновь вернулось в 1999 г. стараниями местной элиты. Оно содержит очевидную отсылку к славному прошлому территории.

Именно в конце 1990-х годов, как отмечают исследователи, актуализируется вопрос о национальной и региональной идентичности в старорусских территориях. На уровне научного языка это нашло выражение в появлении таких исследовательских сюжетов, как «региональное самосознание», «региональная мифология», «региональная идеология» и собственно сама «региональная идентичность»¹. С. Кортунов, исследуя проблемы национальной идентичности, говорит о размывании идентичности большинства народов мира². Это касается и регионов России с богатым историческим прошлым, которые в социокультурном плане разделяют судьбу многих ему подобных на постсоветском пространстве. Так, например, в последние два десятилетия стала заметно сокращаться сфера использования шрифта кириллицы на постсоветском пространстве: отказ от кириллицы в неславянских регионах СССР, использование латиницы в текстах городской среды, рекламе и медиа, даже в названиях местных магазинов, кафе и гостиниц.

Известно, что смена алфавита – это не только разрыв с многовековой традицией, но и смена культурной ориентации, переход от греко-византийской традиции к традиции римско-католической в ее современном виде. Происходит не только внедрение брендов в визуальный облик старинных российских городов, но и внедрение в русское слово латиницы в публичном дискурсе в его нескольких вариантах:

- компонент русского слова;
- буква;
- знаки валют и другие знаки.

В сетевом проекте Международного института общественных наук “National identity of Russia in context of modernization and transition to an innovative type of development: regional dimension” («Национальная идентичность России в свете модернизации и перехода на инновационный тип развития: региональные измерения», 2009–2010)³ руководителем от Великого Новгорода была автор данной статьи. В рамках проекта было исследовано внедрение латиницы в ономастическое пространство городской среды на примере целого ряда городов России. Рассмотрение роли латиницы в ономастическом ландшафте современного города позволяет сделать следующие выводы.

1. За этим явлением стоит стремление видеть мировые бренды на языке оригинала, тем самым ощущая свой город в контексте глобальных процессов потребления и преодоления границ.

2. Это свидетельство довольно высокого уровня образованности горожан, их осведомленности в разных областях – от географии до музыки.

3. Это явление является модой на иноязычные элементы (языковая ксенофилия), проявляемой как реакция отрицания на абсолютную монополию шрифта кириллицы в городской среде советского периода.

Вместе с тем многие новые элементы контрастируют с привычным восприятием городов типа Великого Новгорода и Пскова как неизменных городов-памятников российской истории. Являясь культурными центрами общероссийского и европейского масштаба, такие регионы почти не имеют экономических ресурсов. Многие десятилетия после войны они отдавали население в миграционном обмене с другими регионами и не сумели восстановить военные потери населения. В результате численность населения по сравнению с 1920-ми годами в них сократилась почти вдвое и в 2012 г. продолжает сокращаться. Основным фактором сокращения численности населения остается естественная убыль, наблюдаемая с 1990 г., а также миграционный отток молодых людей преимущественно в Санкт-Петербург и Москву, куда уезжает каждый второй мигрант. Миграционная динамика не ведет к повышению качества человеческого капитала, поскольку прибывшие в область жители Узбекистана, Азербайджана, в меньшей степени Украины с более низким уровнем образования замещали миграционный отток хорошо образованных молодых людей.

При этом расширяются двусторонние связи с другими странами и возможности для «обычных людей» сопоставления стилей мышления и образов жизни. Данное сопоставление и процессы самоидентификации отражаются, в частности, в организации массовых мероприятий и в реализации масштабных, имеющих политическую значимость, событий. Политолог Й. Энгус выделяет три аспекта национальной идентичности, характерных для современных наций-государств: установление, риторика и деятель нации или народ. Риторика национальной идентичности как раз осуществляется посредством таких проектов. Она представляет собой «выбор и распространение особых символических маркеров, которые показывают содержание данной национальной идентичности»⁴.

В плане риторики идентичности прошедшее пятилетие, помимо кризиса, знаменательно для региона несколькими масштабными событиями – Великий Новгород отпраздновал 1150-летний юби-

лей (сентябрь 2009 г.) и стал очередной столицей празднования возобновленных Ганзейским союзом Европы Ганзейских дней Нового времени (июнь 2009 г.), одним из центров празднования 1150-летнего юбилея российской государственности (сентябрь 2012 г.). В региональных документах празднование юбилея города рассматривалось как важное событие для всей страны, поскольку «Великий Новгород воочию предстает перед нами как память Отечества, как город, максимально близкий к той системе ценностей, на которую последние годы ориентируется курс современной России»⁵.

При ответах на вопросы о некоторых изменениях ментальности, о взаимоотношении власти и общества практически все эксперты упомянутого проекта отметили влияние на эти процессы Дней Ганзы и юбилея Новгорода. «Это сыграло роль консолидирующего фактора как по отношению к элитам, так и к населению и на некоторое время придало антикризисную видимость жизнедеятельности города – оживление активности по реконструкции городского пространства, ожидание праздника и чувство своей значимости» – таков характерный ответ одного из экспертов⁶.

Кардинальные перемены в городском пространстве вызывают тревогу у мыслящей элиты, которая предупреждает об опасности потери привычного окружения, музыки и речи, которая вызывает кризис идентичности⁷. Эта потеря неизбежно связана с процессом глобализации.

В одну из задач проекта входило исследование концепта «глобализация». С целью выявить отношение региональных элит к процессу идентичности и глобализации в каждом из регионов проекта был проведен опрос более 100 человек – представителей верхних эшелонов власти, науки и бизнеса. Результаты опроса в этом аспекте таковы. Отвечая на вопрос о степени важности («актуальности») процессов глобализации для российского общества, респонденты показали, что они *достаточно рационально и реалистически* видят *существенные особенности глобализации*. Так, 60% опрошенных связывают актуальность глобализации для России с экономическими факторами, 90% – с информационной спецификой, и только 30% связывают глобализацию преимущественно с культурной унификацией. Показательна некоторая «имперская» размытость в представлениях о месте России в социальном пространстве («Россия не Запад и не Восток» – так думают 80% опрошенных).

Эксперты оценивали влияние глобализации на социальное пространство современной России: в целом оценка отрицательного

и положительного влияния достаточно сбалансированны. Так, «отрицательно» оценивают влияние на геополитическое пространство и этнические отношения 25–38%, «положительно» – 24–36, соответственно на российскую государственность: «отрицательно» – 26, и положительно – 22, на умонастроение и образ жизни: «отрицательно» – 28, «положительно» – 26%. Характерно, что рассматривают глобализацию положительным фактором для экономики – 38, и политики – 25% респондентов.

Показательно, что 60% респондентов видят значимость глобализации для «прав и свобод человека», не усматривая проблемы в унификации образа жизни (60%). В то же время оценка «глобализации» для прав и свобод человека плохо согласуется со значимостью глобализации для институтов и ценностей демократии (только 25% считают это важным). Вместе с тем более половины респондентов рассматривают позитивно влияние глобализации на политическую систему – 55%, негативно – 22%.

Среди лидеров мнений доминирует установка, *что мы не научились использовать глобализацию в интересах России* (от 30 до 40%), и хотя 55% видят негативные и разрушительные для духовно-нравственного уклада России последствия, присутствует и известный оптимизм. Отмечалось, что *социокультурная идентичность, духовно-культурный уклад России будут развиваться под влиянием глобализации и повысят свою конкурентоспособность* (43%).

Характерны такие суждения: *Нужно ее (глобализацию) использовать в России и для России. Не надуть щеки, а ставить паруса. Глобализация – как природное явление: ни хорошо, ни плохо*. Среди наиболее значимых факторов глобализации для нашей страны называются глобализация экономики (31 человек), глобализация прав и свобод человека (31 человек), глобализация информационно-коммуникативных процессов (47 человек).

При этом в вопросе при оценке характера влияния глобализационных процессов половина опрошенных придерживаются того мнения, что процессы глобализации оказывают негативное влияние на духовно-культурный уклад жизни (50%). В то же время видится исключительно позитивное влияние этих процессов на политическую систему страны (более 50%).

На основании результатов данного опроса можно сделать вывод о том, что глобализация в глазах региональной элиты постепенно перестает быть негативно-деструктивным фактором и угрозой национальной идентичности.

Однако постсоветской России и части постсоветской Европы часто не хватает новых ценностей и символов в семиотическом пространстве. С этим связана ностальгия «по советскому», которая проявляется в различных формах: римейки образцов советского искусства кино, новые интерпретации советских символов и их использование в сфере услуг. Авторы различных издательских проектов любят использовать советское наследие как момент идентичности со своим адресатом⁸. Ностальгия по тем советским моментам жизни очень популярна на страницах современных газет и журналов, в интернет-блогах. Стоит заметить, что слово «советский» в дискурсе СМИ стало использоваться в обозначении исторического периода только с 2006 г. Особенно часто ностальгия по советскому прошлому используется в оппозиционном дискурсе. Кроме экономических причин для ностальгии, ее причина в том, что у населения нет удовлетворения относительно запроса на идеал. Дискурсивно этот идеал не представлен властями, что побуждает искать его не в будущем страны, а в идеализированном советском прошлом. Распространено мнение, что в то время многими советскими людьми действительно двигала возвышенная общественная идея. Наконец, нельзя забывать также об особенностях российской ментальности, которая связана с идеей населения жить бедно, но спокойно в равенстве и уверенности в завтрашнем дне. При ответе на вопрос о выборе значимого периода в истории России XX в. историческим событием рассматривают брежневский период (70–80-е годы) – 20%, период стабилизации во время первого президентства В. Путина – 22%. Прошлое рассматривается в контексте позитивного опыта для стабильного существования в настоящем и будущем с точки зрения потенциала для модернизации. Это проявляется как в позитивной оценке советских модернизационных достижений, так и реформ Петра I (34%), столыпинской реформы (23%), реформ Путина (12%). Показательно, что современная Россия рассматривается как историческая правопреемница СССР (42%) и как «новая государственность» (35%).

Момент преодоления советского прошлого происходит через повсеместное переименование улиц и площадей в старинных городах и регионах, дискуссии об этом активизировались в течение последних 20 лет в прессе России и Европы. Так, например, Т.В. Шмелевой отмечено, что в советское время «была сформирована принципиально новая – семиотическая – ономастика, и за годы ее бытования сложилось новое – советское – ономастическое сознание. Главные его моменты: топоним должен увековечивать

кого-то достойного или представлять нечто достойное в рамках советской идеологии; он должен быть благозвучным и привлекательным»⁹. Процесс переименования как освобождение от советского наследия в Новгороде происходил решительно и радикально – в 1991 г. решением новгородской власти от 12 сентября 1991 г. были переименованы *40 улиц* исторической части города. Им были возвращены преимущественно именно средневековые наименования. Однако в 2005 г. в Великом Новгороде в канун празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне ветераны инициировали возвращение площади Софии ее советского названия – площадь Победы.

Концепция культурного капитала (*le capital cultural*), которая была впервые сформулирована Пьером Бурдьё, сегодня приобрела широкую популярность в российском властном дискурсе. Культурный капитал (часто переводится на русский язык как «символический капитал») каждой территории является ресурсом идентификации региона, ресурсом развития его политической и экономической культур в условиях глобализации. Сохранение культурного идентифицирующего ядра, несомненно, актуализируется в условиях унификации культурных особенностей по западным стандартам, вызванной глобализационными процессами.

Об использовании символического капитала Великого Новгорода в плане самопрезентации региона в среде историков и менеджеров от культуры споры ведутся не одно десятилетие. В последнее время возобладала тенденция ухода от традиционных «лекций на прогулке» по привычным туристским маршрутам региона, были предложены механизмы новой мифологизации историко-культурных фактов, приветствуется активность познающих эти факты¹⁰.

Так, в летние месяцы 2010–2012 гг. в Новгородском кремле проводилась новая интерактивная программа «Путешествие во времена новгородского вече», представляющая собой стилизованное действо, участниками которого могли стать все желающие. В рамках интерактивной программы можно пострелять из лука, поупражняться с мечом на военных древнерусских дворах. Здесь же можно примерить костюм новгородского ратника. Также на Грамотном дворе предоставлена возможность обучиться традиционному для новгородцев письму на бересте. Мероприятия вызвали большой интерес как у российских, так и зарубежных туристов, даже и у самих новгородцев. Еще один проект – «Театр времени», позволяющий каждому желающему совершить путешествие в

прошлое. Оказаться в X в. посетитель объекта может путем участия в археологических раскопках.

Для понимания особенностей глобализации во многих регионах России необходимо обратить внимание на духовные ценности их населения. Так, проведенный в Великом Новгороде опрос показал, что из 11 предложенных ценностей приоритетными для новгородцев являются «благосостояние семьи» (41%), «ценности знания, образования» (32%) и «социально-политическая стабильность» (28%). «Ориентация на западные либеральные ценности» по важности на последнем месте. Тот факт, что новгородские респонденты высоко ценят знания и образование, связан прежде всего с культурно-исторической традицией Великого Новгорода, с исторической преемственностью. Традиции просвещения, несомненно, являются маркером региональной идентичности. Средневековый Новгород был центром высокой книжной культуры, письменности и образованности.

Ситуация с идеальным имиджем региона, с имиджем-мечтой региональных элит, отличается от ситуации в мегаполисах. Стоит отметить, например, что самой значительной по составу (более 100 членов) и влиятельной в Великом Новгороде организацией общественных деятелей является Новгородское общество любителей древности, целью деятельности которого значится «изучение памятников старины, находящихся преимущественно в пределах Новгородской губернии, наблюдение в возможных случаях за их сохранностью и содействие правительственным учреждениям в охране их». Эта организация, объединившая в своих рядах историков, археологов и журналистов, иногда метафорически именуемая собранием «исторических экстремистов», не раз составляла оппозицию властям при их желании изменить облик города. Среди последних оппозиционных действий Общества большой отклик в региональном дискурсе вызвал протест против решения засыпать часть кольцевого рва вокруг старого города (с целью модернизировать коммуникации), завершившийся победой общественного мнения.

Интересно отметить, что региональная идентичность предполагает в Великом Новгороде солидаризацию с великим российским прошлым – прежней столицей государства российского, подчеркивание своей самодостаточности в культурном плане и противопоставление Москве как унифицирующему мегаполису. Об этом так говорится в независимой новгородской прессе: «Массовая смена чиновников на приезжих, зачастую некомпетентных, пока только нанесла удар по местным традициям. Город теряет свою

уникальность, унифицируется. Разрастается кампания по переделу собственности, проблемы загоняются вглубь, приобретая хронический характер»¹¹.

Следует отметить, что в регионе во многом сложились традиции определенных дискурсов, в том числе в медиа. Региональный пример такого рода – областной конкурс журналистских работ «Господин Великий Новгород», инициированный региональной властью.

Автору статьи в качестве члена жюри особенно бросился в глаза факт журналистской обращенности в прошлое (преимущественно средневековое), которая, разумеется, логична для города с многовековой историей.

Настораживает, однако, что те немногие журналистские работы из поступивших на конкурс, которые были связаны с актуальным настоящим города (его обновление, уборка или факты современного искусства), вообще не рассматривались многими членами жюри как достойные наград и поощрения.

В отношении общественного дискурса еще примечателен факт существования негласного канона достопримечательностей, которые воплощают региональную идентичность. К этим символам и достопримечательностям, которые тиражируются в медиатекстах, на сайтах, сувенирах, подарочных открытках, присутствуют на логотипах фирм и в презентациях для туристов офиса туризма «Красная изба», относятся: Памятник тысячелетию Руси (1862 г.), Софийский собор (XI в.), Георгиевский собор Юрьева монастыря (XI в.), Новгородский кремль, берестяная грамота¹², звонница кремля, торговые ряды Торговой стороны города, музей деревянного зодчества «Витославлицы». Как видно, все эти достопримечательности возникли в Средние или более ранние века истории России. Для моделирования новой реальности и сглаживания противоречий на пути глобализации власти необходимо совершенствовать свою риторическую стратегию.

Для риторической стратегии власти важны:

- 1) выбор темы и события из исторического прошлого для преодоления кризиса идентичности;
- 2) выбор исторического периода, образы которого могут содействовать формированию сегодняшней идентичности;
- 3) выбор образа национального деятеля, лидера, который может быть актуален сегодня.

Следует проводить «политику памяти» современных поколений: в частности, политики в сфере топонимики – наименования

культурных объектов должны носить идентифицирующий характер. Необходимо также развитие туризма как индустрии, а не только торговли готовым продуктом – визуальной культурой Средних веков.

Для смягчения идентификационных противоречий («свои–чужие») следует развивать отношения Россия–Запад на уровне межличностных контактов. Это развитие обменных программ и совместных творческих проектов между людьми различных поколений (по типу программы «Молодежная активность в Европе»). В плане информационной политики это предполагает создание неполитизированных сюжетов и документальных фильмов о жизни обычных людей, живущих в странах, которые воспринимаются частью населения как «недружественные» (страны Прибалтики, США и т. д.).

Данные меры не требуют больших финансовых вложений: необходимы лишь стратегическое планирование и политическая воля региональных властей.

Примечания

-
- ¹ См.: *Назукина М.В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009. С. 4.
  - ² См.: *Кортунов С.В.* Национальная идентичность: Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009.
  - ³ Режим доступа: <http://www.ino-center.ru/eng/mion/>
  - ⁴ Цит. по: *Попова М.К.* Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 36.
  - ⁵ Режим доступа: <http://culture.natm.ru/tree4.html?id=7249>
  - ⁶ Проект Международного института общественных наук «National identity of Russia in context of modernization and transition to an innovative type of development: regional dimension», 2009.
  - ⁷ См.: *Марков Б.В.* Философия как миссия и как профессия // Актуальные проблемы сквозь призму философии. Великий Новгород: НовМИОН, 2009. Т. 2. С. 20.
  - ⁸ См.: *Каминская Т.Л.* Образы советской эпохи и целевые аудитории медиаполюса // Вестник С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9. СПб., 2008. Вып. 4. Ч. 2. С. 325–330.
  - ⁹ См.: *Шмелева Т.В.* Ономастическая ностальгия. Режим доступа: <http://mion-journal.tomsk.ru/?cat=21>
  - ¹⁰ См., например: *Михайлова Е.В.* Механизмы и источники мифологизации историко-культурных фактов и объектов Новгорода для повышения его туристской

привлекательности // Новгородика-2008: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. С. 259–266.

- ¹¹ Конец знаменитого Новгородского бренда? // Новая Новгородская газета. 2010. № 2. Январь (речь в статье идет о закрытии ресторана «Детинец»).
- ¹² Симптоматично, что оборудованная современной техникой компьютерная лаборатория-библиотека философского факультета НовГУ называется «Берестяная грамота».

Н.Г. Осояну

КОНЦЕПЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ И ЭФФЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Проблема эффективной защиты прав и свобод человека в свете многосторонней глобализации современной жизни становится все более актуальной. Экономическая интеграция, миграция и сопутствующие им процессы приводят к возникновению разнообразных правовых коллизий, связанных как с различиями в правовом регулировании трансграничных частноправовых отношений, так и с необходимостью соблюдения прав и свобод, закрепленных на национальном и международном уровнях. Особое место в защите основных надпозитивных прав занимает международное частное право, содержащее нормы, направленные на разрешение коллизий между национальными правовыми порядками различных государств. Область, расположенная на стыке международного частного права и прав человека, представляет собой сложнейший конгломерат правовых, экономических и социальных конструкций, подверженных воздействию феномена идентичности во всем многообразии форм. Всестороннее изучение и надлежащая оценка идентичностей способны оказать влияние на формирование эффективных форм сотрудничества государств и на прогнозирование развития в условиях глобализации отдельных правовых институтов, существующих в области защиты прав человека и основных свобод.

Ключевые слова: международное частное право, коллизия права, права человека, идентичность, глобализация, сотрудничество государств.

Многосторонняя глобализация современной жизни, несмотря на провозглашение международным сообществом идеи о том, что права и свободы человека представляют собой основополагающие ценности, делает проблему защиты этих ценностей

все более актуальной с каждым днем. В определенном смысле этот феномен является закономерным следствием постоянно усиливающихся процессов экономической интеграции и миграции: с одной стороны, таковые процессы приводят к появлению конфликтов и правовых коллизий; с другой стороны, любое государство, все чаще сталкиваясь с иностранными физическими или юридическими лицами, должно в деталях определить и закрепить в законодательстве свое к этим лицам отношение, исходя из общепризнанных, международных принципов и норм о правах и свободах.

Нельзя не заметить, что спорные ситуации и разногласия по различным аспектам защиты прав человека не только возникают вновь и вновь, но и становятся все более разнообразными. Следует особо выделить тот факт, что многие явления в области соблюдения и защиты прав человека представляют собой не единичные эффекты каких-либо простых закономерностей, а сложносоставной результат неочевидных для глаз стороннего наблюдателя «подводных течений», которые имеют прежде всего социально-экономическую природу.

Например, право покидать свою страну и свободно передвигаться в пределах каждого государства, предусмотренное ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.¹ и ст. 13 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.², непосредственным образом связано с тем, что все больше людей переезжают в другие государства в целях временно-го или постоянного проживания и тем самым принимают участие в трансграничных частноправовых отношениях. В ходе этих отношений, в свою очередь, могут возникнуть коллизии, связанные с нарушением других прав и свобод – в частности, права на труд, свободный выбор работы, справедливые и благоприятные условия труда и защиту от безработицы (ст. 6, 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах³, ст. 23 Всеобщей декларации прав человека); права собственности (ст. 17 Всеобщей декларации прав человека); права на равную защиту закона и эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 7, 8 Всеобщей декларации прав человека). Трансграничные частноправовые отношения, охватывающие в том числе и перечисленные области, формируют предмет регулирования международного частного права как отрасли национальной правовой системы.

Международное частное право, содержащее нормы, направленные на разрешение коллизий между национальными правовыми порядками разных государств, включая и те коллизии, которые возникают в связи с нарушением прав человека, занимает особое место в защите основных надпозитивных прав. Можно утверждать, что международное частное право обладает гуманистическим характером, поскольку опирается на принцип национального режима, эквивалентный принципу равенства (ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст. 1 Всеобщей декларации прав человека). Таким образом, формирование эффективных методов и форм межнационального сотрудничества в области защиты прав человека связано с развитием систем международного частного права в каждом отдельно взятом государстве. Можно констатировать факт непосредственного участия профильной организации по международному частному праву – Гаагской конференции по МЧП – в развитии международно-правового регулирования прав и свобод человека⁴. Также следует упомянуть о растущей роли коллизионного принципа *lex benignitatis* (право, наиболее благоприятное для субъекта правоотношения) и о повышении значимости двусторонних коллизионных норм в противовес односторонним, дискриминационным с точки зрения принципа равенства, что было отмечено, например, такими авторами, как А.И. Муранов⁵ и П. Кинш⁶.

Рассматриваемая область, расположенная на стыке международного частного права и защиты прав человека, представляет собой сложнейший конгломерат правовых, экономических и социальных конструкций. В западной доктрине эта совокупность междисциплинарных связей активно изучается в последние полтора десятилетия – в частности, П.Р. Дубински отмечает, что в ходе исследования процесса трансформации международного права, случившегося в XX в., нельзя не выделить изменения, которые произошли как в области защиты прав человека, так и в области унификации частного права. В обеих сферах, по мнению автора, продвигалась «более либеральная и космополитическая концепция международного права», предполагающая международный правовой порядок, в котором не была бы столь сильна «традиционная монополия государства на определение прав и обязанностей»⁷.

Рассматривая взаимосвязь между правами человека и частноправовыми коллизиями, которые могут возникать в связи с ними, следует опираться на конкретные связующие элементы, своеоб-

разные «мосты» между двумя правовыми «берегами». В качестве одного из них предлагается *идентичность* – многоаспектный феномен, который складывается под влиянием объективных причин и определяется через фундаментальное сходство по ряду признаков, приобретенных в процессе исторической эволюции и имеющих значение для установления стратегии развития правовых конструкций в определенных условиях экономической действительности⁸. Понятия, близкие по значению к идентичности и призванные определить критерии и основания для оценки возможности выстраивания межгосударственных отношений, присутствуют в доктрине и праве Европейского союза. Из зарубежных представителей доктрины права ЕС, затрагивавших эту тему в своих работах, можно упомянуть Р. Леже⁹, М. Глоса¹⁰ и Дж. Шепфлина¹¹, из российских – Б.Н. Топорнина¹² и С.Ю. Кашкина¹³.

Можно говорить о существовании таких форм идентичности, как экономическая, историческая, правовая, геополитическая, языковая, этническая идентичности и т. д. Так, например, финансовое благополучие общества, рассматриваемое на национальном, региональном или международном уровне, невозможно без *экономической идентичности*, которая, по общему правилу, относится к результату определения человеком своего положения в системе экономических отношений, и прежде всего отношений собственности, включенных в категорию центральных базовых отношений личности¹⁴. Этот вид идентичности в контексте исследования можно подразделить на два подвида – внутригосударственную и трансграничную экономические идентичности. Внутригосударственная экономическая идентичность зарождается в среде, где ведут активную деятельность коммерсанты, и служит фактором, способствующим сближению частного права. Как совершенно справедливо указывает Дж. Лоу, занятая в международной торговле фирма несет дополнительные затраты двух видов – «затраты на информирование об иностранном праве» и «затраты на соответствие иностранному праву», и поэтому можно сделать вывод, что она является субъектом, заинтересованным в сближении систем международного частного права¹⁵. Также можно согласиться с позицией Дж.Дж. Герингса и А.Дж. Каннинга, которая заключается в том, что, «сочетая информацию об экономических взаимосвязях между отдельными юрисдикциями с результатами сравнительно-правовых исследований в области частного права, можно получить новое представление о том, почему гармонизация частного права на глобальном уровне является полезной»¹⁶.

Трансграничный аспект экономической идентичности реализуется в различных организационно-правовых формах. В качестве примера может выступить деятельность европейских сообществ и Европейского союза, направленная на достижение, укрепление и совершенствование Общего рынка. Уже в преамбуле Договора о Европейском сообществе 1957 г. говорилось, что к числу его целей относятся «обеспечение экономического и социального прогресса путем общих действий, направленных на устранение разделяющих Европу барьеров», «укрепление единства экономики» стран-участниц, «содействие с помощью общей торговой политики постепенному устранению ограничений в международном товарообмене»¹⁷. Обратным примером служит тот факт, что деятельность Всемирной торговой организации многими подвергается критике именно в контексте прав и свобод человека – в частности, считаются недостаточно эффективными экономические санкции против стран, систематически нарушающих эти права и свободы¹⁸.

Если экономическая идентичность нарушается в результате объективно обусловленного или искусственно спровоцированного кризиса, то негативные последствия в ходе цепной реакции распространяются и на область прав человека. Примером может служить экономический кризис в Европейском союзе, вынудивший государства-члены предпринимать крайне непопулярные меры в виде, например, урезания зарплат работникам бюджетной сферы и ужесточения налогового законодательства. Все эти действия вступают в опасную реакцию с правом на социальное обеспечение и социальную защиту и рядом других прав и свобод. Примером еще более существенного влияния недостаточной экономической идентичности может служить усиливающееся обособление некоторых европейских стран и регионов, к числу которых относится, в частности, Шотландия, где осенью 2014 г. должен состояться «референдум о независимости»¹⁹. Цитируя историка и публициста Нила Эшчерсона, понадобился кумулятивный эффект Великой депрессии, развала шотландской промышленности и коллапса Британской империи в середине XX в., чтобы заново распалить общественное мнение и распространить идею о том, что сделка, о которой шотландский поэт Роберт Бернс говорил как о купле-продаже Шотландии за английское золото, больше себя не оправдывает²⁰. Аналогичные тенденции имеют место и в Каталонии, чье стремление отделиться, основанное на более высоком уровне экономического развития по сравнению с другими регионами Испа-

нии, ведет если не к независимости, то к углублению политических и экономических проблем всей страны²¹.

Еще один немаловажный аспект экономической идентичности в контексте защиты прав человека относится к *деятельности транснациональных корпораций*. Транснациональная корпорация (ТНК) – известный в международном частном праве субъект, обладающий особым статусом в силу того, что с формально-юридической точки зрения она представляет собой совокупность самостоятельных национальных юридических лиц, контролируемых из единого центра – материнской компании. В доктрине проблема соотношения защиты прав человека и компетенции ТНК поднималась неоднократно. Отмечено, что права человека, которые могут нарушаться в результате прямых или косвенных действий ТНК, различны (право на жизнь, право на защиту частной собственности, право на благоприятную окружающую среду и т.д.)²². При этом ТНК обладают такими резервами и финансовыми возможностями, что обеспечить соблюдение прав человека для них в принципе не должно составить труда. Ключевым инструментом в вопросе правового регулирования обязанностей транснациональной корпорации могло бы стать международное частное право, но этот инструмент, как указывает В. Ван ден Экхоут, может быть использован и во зло: территориальная привязка ТНК к определенному правопорядку одновременно с фактическим функционированием в пределах действия другого правопорядка дает все возможности сильной стороне получить для себя благоприятное решение любого вопроса²³.

Таким образом, главная на данный момент проблема заключается именно в том, чтобы обеспечить использование институтов международного частного права в рамках прав и свобод человека, а не ради защиты ТНК. В этом контексте предпринимались меры на уровне ООН в виде разработки проекта норм об ответственности транснациональных корпораций и других коммерческих предприятий в отношении прав человека²⁴, согласно которому предполагалось, что «в рамках своих соответствующих сфер деятельности и влияния транснациональные корпорации и другие предприятия обязаны поощрять, гарантировать осуществление, уважать, обеспечивать соблюдение и защиту прав человека, признанных как в международном, так и во внутреннем праве, включая права и интересы коренных народов и других уязвимых групп». В доктрине было отмечено, что эти нормы опираются на публично-правовую модель ТНК, противоположную ныне признаваемой частноправовой модели²⁵, за что некоторыми авторами они и были раскритикованы.

Так, в частности, Д. Кинли, Дж. Нолан и Н. Зериал указывают, что наиболее противоречивое свойство норм состоит в их очевидной попытке возложить основные обязательства напрямую на компании, наряду с параллельными обязательствами для государств. Как предполагалось, тем самым можно было преодолеть один из существенных барьеров, препятствующих регулированию ТНК: ведь они ввиду своей транснациональной природы очень часто действуют в правовом вакууме, в частности в странах, которые сами нарушают права человека или слишком слабы, чтобы воспрепятствовать нарушениям. Однако столь неортодоксальное решение проблемы вызвало «растерянность в научных кругах, скептицизм на государственном уровне и открытую враждебность со стороны корпораций»²⁶. В настоящее время существенных успехов в этой области нет: в 2011 г. Совет ООН по правам человека «закрепил статус-кво: мир, в котором компании могут, хотя и не обязаны соблюдать права человека»²⁷, в то время как международная неправительственная организация Human Rights Watch продолжает вести учет нарушений этих прав, возникших в связи с коммерческой и производственной деятельностью корпораций²⁸.

Интересным примером комбинированного воздействия *экономической и геополитической идентичностей* на права человека может послужить история принятия «Закона об обеспечении равенства» в Республике Молдова, представляющего собой реализацию одного из основных требований ЕС²⁹. Тот факт, что часть его положений направлена на защиту сексуальных меньшинств, вызвал настоящую лавину социальных протестов, политических акций и публичных заявлений³⁰. Можно говорить в данном случае об отсутствии не только экономической, но и социальной идентичности между РМ и практически любой отдельно взятой страной «Старой Европы» – например, Голландией, Германией или Францией, – в силу чего не происходит гармонизация правовых конструкций, которой препятствует историческая и социальная инерция.

Примером другого рода является соотношение национальных и международных норм в области защиты интеллектуальной собственности с правом на свободное распространение информации, которое обусловлено тем, что можно назвать эффектом *информационно-технологической идентичности*, возникшим в результате взрывного развития технологий копирования информации на рубеже XX–XXI вв. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека предусматривает свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государ-

ственных границ; ст. 19 ч. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах содержит соответствующее положение: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору»³¹. С одной стороны, нельзя спорить с тем, что приземленно-утилитарное понимание этого права способно подорвать и уничтожить саму концепцию интеллектуальной собственности; с другой стороны, лавинообразный рост компьютерного пиратства и других нарушений интеллектуальной собственности говорят не столько о росте правового нигилизма, сколько о проблемах глубинного характера. Информационно-технологическая идентичность – это общность, которая заставляет людей из разных стран объединяться в знак протеста против принятия закона США о борьбе с пиратством в Интернете³² (SOPA), торгового соглашения о борьбе с контрафактной продукцией (АСТА)³³, а также создавать Пиратские партии³⁴, под эпатажным названием ведущие борьбу не только за реформирование законодательства в области интеллектуальной собственности, но и за соблюдение права на свободное распространение информации в Интернете. Именно эта форма идентичности привела к широкому распространению лицензий Creative Commons, которые представляют собой начальный этап формирования своеобразной параллельной системы защиты интеллектуальной собственности³⁵.

Сложно отрицать, что упрощение копирования нематериальных объектов до той степени, когда оно вообще не требует никаких специальных знаний, привело к изменению парадигмы в области интеллектуальной собственности. В зарубежных юридических и философских журналах опубликовано немало статей на эту тему. Заслуживает внимания позиция Л.Р. Хелфера³⁶, который, анализируя противоборство и взаимозависимость прав человека и интеллектуальной собственности, приходит к логичному и справедливому выводу о том, что существуют три потенциально возможных пути развития в данной проблематичной сфере:

- 1) расширение и усиление защиты интеллектуальной собственности в ущерб правам и свободам частных лиц (потребителей), что представляет собой антиутопический вариант, ведущий к так называемой власти корпораций;

- 2) обратный вариант, ограничение прав владельцев интеллектуальной собственности в результате обоснованного применения

судебными инстанциями института «свобода выражения мнения», о котором и шла речь в процитированных выше документах, Международном пакте о гражданских и политических правах и Всеобщей декларации прав человека;

3) поиск компромиссного решения, которое должно исходить из того, что у прав человека и интеллектуальной собственности в их изначальном, неискаженном варианте существует *единая цель* – обеспечение общественного блага; в этом случае интеллектуальная собственность как правовое явление должна быть изменена, но не ограничена, а к отдельным ее институтам должен быть разработан новый подход, опирающийся прежде всего на права человека – например, «право на здоровье подразумевает обязательство государств поддерживать медицинские исследования и предоставлять доступ к надлежащему лечению, включая необходимые лекарства»³⁷, а не обязанность строго и исключительно соблюдать права фармацевтических компаний, которые владеют соответствующими патентами.

Эффективное сотрудничество государств в области защиты прав человека может быть реализовано только в том случае, если будут приняты во внимание как факторы, оказывающие влияние на осуществление и развитие этих прав, так и факторы, представляющие для них угрозу. Особое место в этой классификации занимает идентичность – феномен, который может играть противоречивую роль. С одной стороны, идентичность определяет условия для возникновения и осуществления некоторых прав и свобод; с другой стороны, она же способна привести к их нарушению. Всестороннее изучение и надлежащая оценка этого явления способны оказать влияние на прогнозирование развития отдельных правовых институтов, существующих в области защиты прав человека и основных свобод, в условиях глобализации.

Примечания

-
- ¹ Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата посещения 20.08.2012).
  - ² Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата посещения 20.08.2012).

- ³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата посещения 20.08.2012).
- ⁴ Помимо международных конвенций, посвященных разрешению правовых коллизий и определению права, применимого к трансграничным частноправовым отношениям, Гагская конференция по международному частному праву приняла также ряд документов, направленных на защиту семьи. См.: Официальный сайт Гагской конференции по МЧП [Электронный ресурс] URL: http://www.hcch.net/index_en.php?act=text.display&tid=10#family (дата посещения 20.08.2012).
- ⁵ *Миранов А.И.* Права человека и международное частное право: Terra Legis – Проект Фонда Аметистова [Электронный ресурс] URL: <http://www.terralegis.org/terra/lek/pravacheloveka.zip> (дата посещения 20.08.2012).
- ⁶ *Kinsch P.* Choice of Law Rules and the Prohibition of Discrimination Under the European Convention on Human Rights (January 13, 2011). *Nederlands Internationaal Privaatrecht*, No. 1, Forthcoming; University of Luxembourg Law Working Paper No. 2011-01 [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/abstract=1739810> (дата посещения 20.08.2012).
- ⁷ *Dubinsky P.R.* Human Rights Law Meets Private Law Harmonization: The Coming Conflict [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/abstract=756584> (дата посещения 20.08.2012).
- ⁸ См.: *Осояну Н.* Тенденции и перспективы развития международного частного права Республики Молдова. Кишинев: Графема Либрис, 2011. С. 9.
- ⁹ *Леже Р.* Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Пер. с фр. [А.В. Грядов]. 2-е изд., перераб. М.: Вольтерс Клувер, 2010. С. 123.
- ¹⁰ *Glos M.* „Imperial Overstretch“: Eine europäische Zukunft für die Türkei? // *Internationale politik*. 2000. № 11. P. 19–20.
- ¹¹ *Schöpflin G.* Ethnische Minderheiten in Mittel- und Osteuropa: Das Verhältnis von Staat, Zivilgesellschaft und Ethnie. // *Ibid*. 1997. № 10. P. 5–6.
- ¹² *Топорнин Б.Н.* Европейское право. М.: Юристъ, 1999. С. 33–39.
- ¹³ См., например: *Право Европейского союза: учеб. пособие / С.Ю. Кашкин, А.О. Четвериков, П.А. Калининченко [и др.]; отв. ред. С.Ю. Кашкин.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2010. С. 21.
- ¹⁴ См., например: *Хашенко В.А.* Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // *Психологический журнал*. 2004. №5(25). С. 33.
- ¹⁵ См.: *Low G.* How and Why We Are (Not) Bothered by the Costs of Diversity: A Behavioral approach to the harmonization of the European contract law // *Tilburg institute of Comparative and transnational law. Working paper*. 2009. No. 8. P. 5.

- ¹⁶ *Herings P. J.-J., Kanning A.J.* Harmonization of private law on a global level // International Review of Law and Economics. 2008. №28. P. 256.
- ¹⁷ Договор, учреждающий Европейское сообщество, от 25 марта 1957 г. // Сайт кафедры права Европейского союза МГИОА [Электронный ресурс]. URL: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/uchred_docs/evr_soob_nice.htm (дата посещения 20.08.2012).
- ¹⁸ Этот и другие аргументы подробнее см.: *Sykes A.O.* International Trade and Human Rights: An Economic Perspective (June 2003). U Chicago Law & Economics, Olin Working Paper No. 188. Available at SSRN. [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/abstract=415802> (дата посещения 20.08.2012).
- ¹⁹ “Salmond calls for independence referendum in 2012”, 10.01.2012 [Электронный ресурс] URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-scotland-16478121> (дата посещения 20.08.2012).
- ²⁰ *Ascherson N.* Will Scotland go its own way? “The New York Times”, 26.02.2012 [Электронный ресурс] URL: http://www.nytimes.com/2012/02/27/opinion/independence-for-scotland.html?_r=1 (дата посещения 20.08.2012).
- ²¹ «Каталония не покинет Испанию, но осадок остался». 27.11.2012 // Информационное агентство Финмаркет [Электронный ресурс] URL: <http://www.finmarket.ru/z/nws/hotnews.asp?id=3142925> (дата посещения 03.12.2012).
- ²² См. подробнее, например: *Paust J.J.* Human Rights Responsibilities of Private Corporations (February 4, 2010) [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/abstract=1548112> (дата посещения 20.08.2012).
- ²³ *Van Den Eckhout V.* Corporate Human Rights Violations and Private International Law – The Hinge Function and Conductivity of PIL in Implementing Human Rights in Civil Proceedings in Europe: A Facilitating Role for PIL or PIL as a Complicating Factor? (July 26, 2011) [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/abstract=1895690> (дата посещения 20.08.2012).
- ²⁴ Проект норм об ответственности транснациональных корпораций и других коммерческих предприятий в отношении прав человека. Документ ООН E/CN.4/SUB.2/2003/12 (2003) [Электронный ресурс] URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1294916> (дата посещения 20.08.2012).
- ²⁵ См., например: *Backer L.C.* Multinational Corporations, Transnational Law: The United Nation’s Norms on the Responsibilities of Transnational Corporations as Harbinger of Corporate Responsibility in International Law [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/abstract=695641> (дата посещения 20.08.2012).
- ²⁶ *Kinley D., Nolan J., Zerial N.* The Politics of Corporate Social Responsibility: Reflections on the United Nations Human Rights Norms for Corporations [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/abstract=962981> (дата посещения 20.08.2012).
- ²⁷ UN Human Rights Council: Weak Stance on Business Standards [Электронный ресурс] URL: <http://www.hrw.org/news/2011/06/16/un-human-rights-council-weak-stance-business-standards> (дата посещения 20.08.2012).

- ²⁸ Business: Rights at Risk in the Global Economy [Электронный ресурс] URL: <http://www.hrw.org/en/news/2008/02/18/business-rights-risk-global-economy> (дата посещения 03.12.2012).
- ²⁹ Как указано в преамбуле, этот закон «создает необходимую базу для применения Директивы 2000/43/ЕС Совета от 29 июня 2000 г. об обеспечении выполнения принципа равенства лиц независимо от расовой или этнической принадлежности, опубликованной в Официальном журнале Европейского союза № L180 от 19 июля 2000 г., и Директивы 2000/78/ЕС Совета от 27 ноября 2000 г. о создании общих стандартов в поддержку равноправия в сфере занятости и труда, опубликованной в Официальном журнале Европейского союза № L 303 от 2 декабря 2000 г.». Закон РМ №121 от 25.05.2012 «Об обеспечении равенства». Дата вступления в силу: 01.01.2013 [Электронный ресурс] URL: <http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=2&id=343361> (дата посещения 20.08.2012).
- ³⁰ Новостной портал «Publica.md» [Электронный ресурс] URL: http://ru.publika.md/tag/link_50371 (дата посещения 20.08.2012).
- ³¹ Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата посещения 20.08.2012).
- ³² How SOPA would affect you: FAQ. CNET takes an in-depth look at the controversial Stop Online Piracy Act, backed by Hollywood and opposed by the largest Web companies and civil liberties groups [Электронный ресурс] URL: http://news.cnet.com/8301-31921_3-57329001-281/how-sopa-would-affect-you-faq/ (дата посещения 20.08.2012).
- ³³ Stop ACTA [Электронный ресурс] URL: <http://www.stopacta.info/> (дата посещения 20.08.2012).
- ³⁴ The Pirate Parties International [Электронный ресурс] URL: <http://www.pp-international.net/> (дата посещения 20.08.2012).
- ³⁵ Creative Commons. Официальная российская страница [Электронный ресурс] URL: <http://creativecommons.ru/> (дата посещения 3.12.2012).
- ³⁶ *Helper L.R.* Toward a Human Rights Framework for Intellectual Property [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/abstract=891303> (дата посещения 20.08.2012).
- ³⁷ *Ibid.* См. также: *Helper L.R.* Human Rights and Intellectual Property: Conflict or Coexistence? [Электронный ресурс] URL: <http://ssrn.com/abstract=459120> (дата посещения 20.08.2012).

Е.С. Острирова

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КОЛУМБИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XIX В.

В статье рассматривается процесс формирования национальной колумбийской историографии XIX в. на примере изучения самой известной доиспанской цивилизации на территории страны – чибча-муисков. Огромное влияние на этот процесс оказали политические взгляды исследователей, их оценка столкновения индейской и европейской цивилизаций в XVI в., а также их видение путей консолидации колумбийской нации, затянувшейся почти на целое столетие.

Ключевые слова: Колумбия, национализм, идентичность, историография, чибча-муиски.

Становление исторической науки в Колумбии начала XIX в. было напрямую связано с социально-политической ситуацией, сложившейся на тот момент в мире и на Южноамериканском континенте. Именно эта страна подняла всю Латинскую Америку на борьбу с Испанией. И последующая история Колумбии – это цепь постоянных внутренних и внешних конфликтов, поиск путей самоопределения и консолидации зарождающейся нации. Изначально колумбийская элита претендовала на то, чтобы возглавить политическое объединение всех латиноамериканских государств, затем занимала ведущее положение в Великой Колумбии, объединявшей нынешние Колумбию, Панаму, Венесуэлу и Эквадор (1819–1830), а после ее распада оказалась расколотой между двумя основными

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (госконтракт № 14.740.12.1356 «Эпиграфическое наследие доколумбовых культур Америки: новые подходы в изучении древних цивилизаций»)

политическими и идеологическими течениями – либералами и консерваторами. Обе соперничающие партии оформились в одно и то же время: Либеральная – в 1848 г., Консервативная – в 1849 г. В зависимости от того, какая партия находилась у власти, политический курс менялся радикально. В XIX в. страна пережила более 50 военных конфликтов различной степени интенсивности и 8 полномасштабных гражданских войн¹.

До начала XIX в. об истории колумбийских индейцев рассказывали только хроники и сообщения испанцев². К концу колониального периода ситуация меняется. На колумбийскую литературу конца XVIII в. огромное влияние оказали авторы эпохи Просвещения и деятели Французской революции. От хроник и сообщений исследователи переходят к произведениям революционно-патриотического классицизма, а чуть позже романтизма. Колумбийские писатели-романтики, переняв европейское увлечение идеями о «национальном духе», особое внимание уделяли пейзажам, быту и нравам. Истории об индейцах, их борьбе с испанскими захватчиками идеально вписывались в «национальный колорит». Именно в это время в русле романтической традиции возникло движение «индихенизма», представители которого высоко оценивали доиспанское прошлое. Важную роль в этом сыграл зарождающийся национальный театр, в котором представлялись драмы из индейского прошлого³.

В 1795 г. появилось исследование, во многом определившее дальнейшее развитие историографии культуры муисков, – «Диссертация о календаре муисков» Доминго Дукесне⁴. В ней автор предложил возможную расшифровку нескольких надписей на камнях, имевших, с его точки зрения, астрономическое значение, а также доказывал, что у муисков в доколумбову эпоху существовали иероглифическая письменность и календарь. Аргументы Дукесне были приняты одними колумбийскими авторами и вызвали жесткую критику других.

XIX век сыграл огромную роль в развитии историографии индейских цивилизаций и стал переходным этапом между колониальной литературой (хрониками и сообщениями) и профессиональной научной литературой XX в. Основы развития историографии, доминирующие проблемы изучения и даже подходы к реконструкции прошлого обозначились именно в этот период. В первой четверти XIX в. интерес к изучению индейских культур несколько угасает, что обусловлено сложной политической и эко-

номической ситуацией, а также военными действиями на территории страны. Кроме того, опасность индейских восстаний охладил пыл креольской элиты. «Отец нации» Симон Боливар не предполагал активного участия индейцев и презрительно относился к идеализации древней истории, а Антонио Нариньо, колумбийский политический лидер начала XIX в., заявлял, что борьба за независимость не означает отказ от испанских корней, испанского языка, соблюдения европейских традиций.

Новая волна интереса к доиспанским культурам поднимается в середине XIX в. Освобождение от колониального гнета и создание независимого государства стали началом процесса формирования колумбийской нации: появились общие границы, общий язык, необходимо было создать общую культуру и написать национальную историю. Поэтому особое значение приобретает проблема «воссоединения» истории разных периодов и разных групп населения, поиска корней. Она же, в свою очередь, породила множество вопросов, среди которых наиболее важными были:

- 1) вопрос об «индейской расе»: проблема оценки уровня развития доиспанского населения;
- 2) роль культуры муисков (и индейской культуры в целом) в процессе формирования колумбийской нации; оценка потенциала индейской и метисной составляющих;
- 3) оценка конкисты и ее последствий.

После Войны за независимость многие либерально настроенные исследователи обратились к идеализации индейской истории и образа доиспанского населения. Эта идеализация была орудием в борьбе с католической церковью, так как подобная идея неизменно влекла за собой отрицательное отношение к конкисте, христианизации «огнем и мечом», деятельности орденов в Новом Свете и уничтожению автохтонного населения. В то же время авторы, придерживавшиеся консервативных воззрений, считали, что христианизация, так же, как и привнесенные язык и культура, стали главными факторами объединения колумбийской нации⁵. Таким образом, они отстаивали идею положительной роли церкви и последствий конкисты.

Проблема становления колумбийской нации и проблема самоопределения, которая не могла не существовать в стране, четырежды менявшей свое название в течение столетия, также по-разному рассматривалась в исторических произведениях. Либерально настроенные авторы делали акцент на индейской или метисной составляющей колумбийской нации. Они отсчитывали становле-

ние нации от доколумбовых культур (прежде всего муисков как культуры, считавшейся самой развитой на территории Колумбии на момент конквисты). Консерваторы делали акцент на европейской (креольской) составляющей и настаивали на идее неполноценности индейцев и метисов⁶. Однако стоит отметить, что и либералы и консерваторы понимали необходимость обоснования идеи национального единства и преемственности исторического развития.

Во второй половине XIX в. проблема вышла уже на государственный уровень и либеральные правительства приняли несколько законопроектов о защите национального наследия. В 1850 г. была создана Колумбийская картографическая комиссия, а в 1853 г. открыт Национальный музей. Началась публикация хроник и документов, появились первые монографии, посвященные индейским культурам, среди которых особо следует выделить труды Х. Акоста, И. Урикоичеа, Л. Серды и В. Рестрепо.

Хоакин Акоста (1800–1852) был инженером по образованию, учился в Европе, а вернувшись на родину, начал политическую карьеру и в 1843–1845 гг. был министром иностранных дел в консервативном правительстве Педро Алькантара Эррана. После этого Акоста вновь отправился в Европу, где занялся историей и картографией, работал в Архиве Индий в Севилье и издал в Париже «Историческое изложение открытия и колонизации Новой Гранады в XVI веке» (1848)⁷. Автор стремился к «пониманию того, в каком состоянии Европа обнаружила различные регионы Америки в эпоху завоевания»⁸. Он описывает раннеколониальные институты и показывает их дальнейшую эволюцию. Все это, по его мнению, «оказывает огромное влияние на характер многих независимых государств нового континента и... является значимым в современных социальных и политических дискуссиях»⁹. Акосту поражает тот факт, что «мудрый и трудолюбивый» народ муисков смог прекрасно организовать свою жизнь и быт без многих открытий, определивших развитие европейской цивилизации, в частности в отсутствие тягловых животных, гончарного круга и т. д.

Исикьер Урикоичеа (1834–1880), основатель Колумбийского сообщества натуралистов, один из организаторов журналов «Эль Мундо Американо» и «Эль Американо», издал свой основной труд «Записки о древностях Новой Гранады» в 1854 г. в возрасте 20 лет¹⁰. Это первая работа, практически полностью посвященная культуре муисков и разностороннему ее анализу. Автор использовал в своем анализе не только хроники (в том числе неопубликованные), но

и памятники искусства (золотые амулеты) и коллекцию муисских черепов, прорисовки которых он впервые опубликовал.

Урикоичеа последовательно анализирует данные по этнологии и этногенезу чибча, рассматривает проблему заселения нынешней территории, а также оценивает ее доиспанские размеры и границы. По его мнению, территория «королевства чибча» и плотность населения на момент прихода испанцев были приблизительно на том же уровне, что и во многих государствах Европы XVI в. Важно отметить, что автор считает экологические особенности данного региона залогом высокого уровня развития местного населения.

Главная идея его труда заключается в том, что муисками правили вожди, наделенные неограниченной властью, принимавшие «мудрые законы», например против роскоши или призванные сохранить поголовье оленей¹¹, и стоящие на пути к созданию сильной империи, аналогичной инкской, но им помешало испанское завоевание.

Либорио Серда, ученик Х. Акосты, в течение шести лет (1892–1898) был министром народного образования в консервативном правительстве. Его работа «Эль Дорадо», посвященная культуре муисков – исследование истории, этнографии и археологии древнейших обитателей Боготинского плоскогорья, а также их соседей, – печаталась в течение трех лет начиная с 1882 г. в издании «Папель Периодико Илюстрадо»¹².

Целью работы для автора был «анализ традиций, мифологии, политической системы»¹³. Изучение доиспанской истории, по мнению Серды, – это не только научная, но и национальная проблема. Он большое внимание уделил связям между мифологией, традициями и языком местного населения и других народов; происхождению индейцев Колумбии и населения Америк в целом.

В своем анализе истории чибча Серда выделил несколько центральных проблем:

1. *Являлся ли народ чибча в середине XVI в. единой нацией?* Автор считает преувеличением мнение о том, что чибча на тот момент были единым этносом (Серда употребляет термин «нация»): «нация чибча – это множество народов». Безусловно, имело место культурное единство, связанное прежде всего с тем, что индейцы, населявшие территорию Боготинского плато, говорили на языках, принадлежащих к одной семье, а также с разнообразием климатических зон и высокоразвитым обменом.

2. *Что представляла собой политическая система муисков?* Этот вопрос имел огромное значение для автора, так как был

напрямую связан с проблемой оценки уровня развития чибча. Как и другие авторы, Серда использовал сообщения хроник о политическом устройстве этих земель: «Их власть, далекая от того, чтобы назвать ее централизованной, какой была, например, теократическая монархия Куско, очень похожа на федеративную систему»¹⁴. Он акцентирует внимание на взаимоотношениях светских правителей чибча и религиозных лидеров: «Политические и социальные институты чибча, как и у многих других народов, находившихся в похожих условиях, были самыми простыми, так как у индейцев не были развиты представления о независимости светской власти от духовной...»¹⁵. В итоге автор приходит к выводу о незрелости политического строя и децентрализованности правления. Как сторонник идеи унитарного государства, он считает, что сильная власть и централизация – это синонимы и залог высокого уровня политического развития государства.

3. *Что стало причиной более высокого уровня развития муисков по сравнению с другими племенами, населявшими Колумбию?* Для Серды этот вопрос является центральным, так как его особенно интересуют культурные различия между народами, которые объяснялись их принадлежностью к различным стадиям исторического прогресса. Основным фактором он считает географическое положение. Промежуточное положение между Северной Америкой и Карибами, с одной стороны, и Южной Америкой – с другой, расселение местных индейцев на территории, где пересекались волны миграций, – все это было причиной смешения разных культур и традиций, притока «новой крови», что, по мнению Серды, является главным стимулом культурного развития. Кроме того, Серда, как сторонник идей диффузионизма и идеи обусловленности уровня развития народа его средой обитания, задается и более глобальным вопросом: «Почему развитые и продвинутые цивилизации, такие как цивилизация инков и цивилизация чибча, появляются именно в Андском регионе?»¹⁶.

Висенте Рестрепо (1837–1899), колумбийский историк и политический деятель, создал несколько значимых для колумбийской историографии работ¹⁷, одна из которых – «Индейцы Чибча до испанской конкисты» (1895). Этот труд состоит из пролога и 19 глав, в которых автор дает самое полное и систематизированное описание доиспанской культуры Колумбии на то время.

Целью автора было написание «правдивой истории» цивилизации чибча. Рестрепо выступал против излишнего и надуманного восхваления этой культуры, считая, что подобные суждения

строятся в основном на догадках и предположениях, и акцентировал внимание на критике самых частых заблуждений и ошибок. Прежде всего эта критика была направлена против работ Дукесне¹⁸. Рестрепо считает, что все «смелые выводы» Дукесне были основаны исключительно на его богатом воображении. Эту черту (по определению Рестрепо – «изобретательный метод») наследовала и так называемая школа Дукесне. Главный постулат ее авторов, воспроизводивших тексты Дукесне и хрониста Пьедраиты, – идея о высоком уровне развития цивилизации чибча: «Превозносились ученость их жрецов, продвинутое познание в архитектуре, особые свойства духовной и материальной культуры, способствовавшие развитию цивилизации»¹⁹.

Поэтому, по мнению автора, необходимо было задать новое направление исследования истории и культуры чибча и Колумбии в целом, потому как иначе история так и будет запутанной и полной домыслов. Одной из центральных проблем сочинения Рестрепо является оценка уровня развития автохтонного населения накануне конкисты. Он пытался ответить на вопрос, находилось ли общество муисков в начале XVI в. на пике развития или же, наоборот, было в упадке. Прежде всего он подверг сомнению гипотезу Л. Серды о существовании некоей дочибчанской цивилизации, которой чибча обязаны своими достижениями²⁰. Эти достижения, по мнению Серды, померкли, так как цивилизация чибча была ослаблена постоянными территориальными конфликтами. Рестрепо возражает, что в XV в. эта цивилизация достигла своего апогея и стремилась к объединению и централизации зависимых от нее территорий. Ссылаясь на сочинение Х. Акосты, Рестрепо делает вывод о том, что если бы не приход испанцев и конкиста, чибча полностью подчинили бы себе территории к северу и западу, значительно увеличив свои земли²¹.

Отношение к доиспанскому прошлому было одной из ключевых проблем в формирующейся идеологии Колумбии. С одной стороны, индейское население в Колумбии не было столь многочисленным, как в Мексике, Гватемале, Перу или Боливии. С другой – чибча-муиски, самая развитая доиспанская культура Колумбии, казались достойным примером древней цивилизации, сравнимой с мексиканскими или перуанскими.

Несмотря на то что среди ученых, внесших наибольший вклад в развитие колумбийской историографии чибча XIX в. преобладали консерваторы (либералом был лишь И. Урикоичеа), примечательно, что все они склонны были идеализировать древнюю культуру.

Даже те, кто, как В. Рестрепо, решительно боролся с «чрезмерным восхвалением», не были чужды романтизации образа индейца. Большинство исследователей полагали, что чибча-муиски как самая развитая индейская культура Колумбии могут стать (или уже стали) базой или важным элементом формирующейся нации. Проблема роли индейской составляющей в обществе была прямым отражением позиции авторов по вопросу оценки этой культуры: чем выше оценивалась доиспанская культура, тем увереннее автор полагал, что она активно и плодотворно инкорпорируется в современное общество, и колумбийская нация наследует положительные черты индейцев. Причиной подобного подхода было отсутствие в колумбийском обществе сформированной идентичности. Сложная траектория истории независимого государства оказала сильное влияние на специфику колумбийского национализма и существенно затормозила процесс консолидации и оформления национальной идеологии. В такой ситуации поиск корней колумбийской нации в доевропейском прошлом становится единственным «общим полем» для соперничающих идеологических концепций. Культура муисков интересовала колумбийских историков не сама по себе, а как зеркало, в котором они пытались разглядеть черты новой нации. Тех индейцев, которые появляются на страницах сочинений Урикоичеа, Серды или Рестрепо, можно, используя термин, предложенный П.Ю. Уваровым, назвать «идентитарными муисками»²².

Примечания

- ¹ Подробнее о Войне за независимость в Колумбии и последующей истории страны см.: *Посконина О.И.* Война за независимость в Венесуэле и Колумбии // *Война за независимость Латинской Америки* / Отв. ред. Е.А. Ларин. М., 2011. С. 54–105; *Ильина Н.Г.* Колумбия в 30–60-е годы XIX века // *История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века*. М., 1991. С. 326–344; *Она же.* Колумбия в 1870–1917 годах // *История Латинской Америки: 70-е годы XIX века – 1918 год*. М., 1993. С. 169–192.
- ² См.: *Ximenez de Quezada G.* Epítome de la Conquista del Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1972; *Castellanos J. de.* Historia del Nuevo Reino de Granada. Bogotá, 1955; *Simon P.* Noticias Historiales de las Conquistas de Tierra firme en las Indias Occidentales. Bogotá, 1881; *Fernandez de Piedrahita L.* Noticia Historial de las Conquistas del Nuevo Reino de Granada. Amsterdam, 1666; *Aguado P. de.* Recopilación Historial. Bogotá, 1956; и др.

- ³ Многие из них остались неизданными до середины XIX в.: «Акимин» (Aquimin, 1819), «Сугамуси» (Sugamuxi, 1824), «Сакесагипа» (Saquesagipa) и «Немекене» (Nemequene), «Сульма» (Zulma или Sulma, 1834) Хосе Ортиса Borda J. Sulma.
- ⁴ *Duquesne J.D.* Disertación sobre el calendario de los muiskas, indios naturales de este Nuevo Reino de Granada, dedicada al Sr. D.D. José Celestino Mutis, Diector General de la Expedición Botánica por S. M. // *Acosta J.* Compendio histórico del descubrimiento y conquista de La Nueva Granada en el siglo décimo sexto. P., 1848. P. 405–417.
- ⁵ *Langebaek K.H.* La élite no siempre piensa lo mismo // *Muiscas: Representaciones, cartografías y etnopolíticas de la memoria.* Bogotá, 2005. P. 183; *Lleras R.* Los Muiscas en la literatura histórica y antropológica // *Boletín de historia y antigüedades.* Bogotá, 2005. Vol. 92, No. 829. P. 310.
- ⁶ *Lleras R.* Op. cit. P. 311.
- ⁷ *Acosta J.* Compendio histórico del descubrimiento y colonización del Nuevo Reino de Granada en el siglo decimosexto. P., 1848.
- ⁸ *Ibid.* P. IX.
- ⁹ *Ibid.* P. IX, X.
- ¹⁰ *Uricoichea E.* Memoria de las Antigüedades Neogranadinas. Bogotá, 1854.
- ¹¹ *Ibid.* P. 16.
- ¹² *Zerda L.* El Dorado, Estudio Histórico, Etnográfico y Arqueológico de los Chibchas, habitantes de la antigua Cundinamarca, y de algunas otras tribus. Bogotá, 1883.
- ¹³ *Ibid.* P. 8.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 15.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 20.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 16.
- ¹⁷ *Restrepo V.* Estudio sobre las minas de oro y plata de Colombia. Bogotá, 1888; *Idem.* Crítica a los trabajos arqueológicos del Dr. José Domingo Duquesne. Bogotá, 1892; *Idem.* Los chibchas antes de la conquista española. Bogotá, 1895.
- ¹⁸ См.: *Restrepo V.* Crítica a los trabajos arqueológicos...
- ¹⁹ *Restrepo V.* Los chibchas... P. 156.
- ²⁰ *Ibid.* P. 171.
- ²¹ *Ibid.* P. 208–209.
- ²² Термин «идентитарные франки» по отношению к образу франков во французской историографии XIX в. был использован П.Ю. Уваровым на конференции «Шестое Средневековье, или Зачем нам сегодня Средние века?» (Высшая школа экономики, Москва, 25 мая 2012 г.).

С.В. Гришачёв

ОБЪЕКТ И ПРОСТРАНСТВО: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ЯПОНИИ В ЭПОХУ ТОКУГАВА (1600–1867)

Статья посвящена анализу политики изоляционизма в Японии периода Токугава. Рассматриваются также геополитические традиции, сложившиеся в древности, но сохранившие свое влияние в период Нового времени и повлиявшие на формирование принципов колониальной политики в период Мэйдзи.

Ключевые слова: Япония, история, международные отношения, внешняя политика, Токугава, период Эдо, сакоку, Восточная Азия.

Взаимоотношения цивилизации с внешним миром подчас говорят о ее имманентных свойствах намного больше, чем анализ ее внутреннего развития. В этом плане Япония – один из самых интересных примеров. Не секрет, что японская культура отличается высокой степенью психологической закрытости. У этой закрытости есть свои объяснения и последствия. В ней четко противопоставляется мир внутренний, свой, знакомый, упорядоченный – миру внешнему, сложному и непонятному, а потому странному. В настоящей статье прослеживаются особенности исторического развития Японии, повлиявшие на традиции восприятия окружающего пространства, что позволяет по-новому взглянуть на политику изоляции периода Токугава.

В Средневековье Япония редко становилась важным внешнеполитическим фактором в регионе. За пределами же Восточной и Юго-Восточной Азии эта страна мало кому была известна. Если о существовании Китая европейцы знали уже в эпоху античности, то первое упоминание о Японии в Европе относится только к XIII в.

Что же касается посещения островов европейцами, то это произошло уже в Новое время – в середине XVI в.

При этом информация о внешнем мире всегда очень интересовала ее правителей. Япония о мире всегда знала больше, чем мир о Японии. И знания эти использовались правящей элитой для создания определенного имиджа государства – как в своих глазах, так и в глазах соседей. На этапе становления государственности – VI–VIII вв. – японцы перенимают знания и опыт государственного строительства сначала из стран Корейского полуострова, а затем из Китая. В том числе и специфические представления о собственном месте в мире.

В Китае, особенно начиная с эпохи Хань, сложилась оригинальная система геополитических представлений. Центром этой системы являлся сам Китай – Чжунго, Срединное царство. Соответственно, весь окружающий мир делился на культурный центр и варварскую периферию, классифицированную по четырем сторонам света. Варварские народы, разумеется, не были одинаковыми. Титулатура была разнообразной, она могла со временем уточняться и изменяться. Но в основе своей она оставалась уничижительной по отношению к соседям. Поэтому все попытки японских дипломатов представить своего государя как равного китайским владыкам наталкивались на неприятие и считались несоблюдением ритуала¹.

Важно то, что в Японии прижились многие концепты китайской политической науки, в том числе и идея «культурный центр – периферия». Эта идея была значима особенно в пору становления государства – в VII–VIII вв. Культурным центром становится столичный город (сначала Нара, а позже Хэйан), а роль варваров играют племена эмиси (айнов) на севере и хаято – на юге. Японское государство создает собственный мир с культурным центром и варварской периферией (яп. *ка-и но сэкай*). Предпринимается ряд мероприятий, которые свидетельствуют об этом. Совершаются походы на юг Кюсю для покорения племен хаято, а также на северо-восток о. Хонсю для покорения эмиси. Тех из них, кто признал власть японского государя, частично переселяют во внутренние районы страны. Практикуется ритуал принятия государями даров от покоренных народов². И хотя актуальность этих практик довольно скоро сходит на нет, в целом представление о разделении мира на культурный и варварский так или иначе сохраняется.

Подобное отношение к иным народам экстраполировалось и на европейцев в эпоху Токугава. Период правления сёгунов из дома Токугава часто называют одним из самых мирных и спокойных

в истории страны. Немаловажными обстоятельствами оказались изменение внешнеполитического курса и начало политики изоляционизма, которая позднее, в XIX в., будет названа термином «сакоку» (страна на цепи).

Политика закрытия страны – не уникальное японское явление, оно стало традиционным для государств Восточной Азии в Новое время. Так или иначе к ней прибегли все страны региона. Причины, степень и особенности изоляционизма в каждой стране несколько различались. Последовательное и тотальное преследование христианства, например, стало отличительной чертой именно японского изоляционизма. Приверженцами этой религии в Японии были потенциальные противники сёгуната. В Китае судьба христианства и иезуитской миссии сложилась совершенно по-другому. Маньчжурская династия Цин, особенно в первые десятилетия своей власти, пользовалась услугами иезуитов. Они стали проводниками европейских знаний и даже помогли в ведении дипломатических дел с некоторыми европейскими державами, в частности при заключении Нерчинского трактата с Россией в 1689 г. В Корее же преследование христиан не было заметным вплоть до начала XIX в. и многие представители аристократии были христианами.

Изоляционизм также не означал отсутствия экспансионистской политики. Параллельно с вводом ограничений для европейцев империя Цин вела активную политику по присоединению северных, северо-западных и западных территорий – Приамурья, Внешней Монголии, Джунгарии, Тибета. Что касается Японии, то она в большей степени была склонна к самоизоляции и нерасширению в силу своего географического положения. Однако и здесь имели место некоторые тенденции к увеличению своей сферы влияния, в частности в отношении айнов на Хоккайдо, Сахалине и Курильских островах. Они были вызваны продвижением российских рубежей на Тихом океане.

Изоляционизм был прежде всего направлен на ограничение экономического влияния европейской торговли. В Китае в годы правления Цинской династии, как и в Японии, существовали лимитированные торговые отношения с Западом. И в этом смысле российскую приграничную торговлю с Китаем в Кяхте в XVII – первой половине XIX в. можно уподобить голландской торговле в Нагасаки. И та и другая были ограничены в размерах, хотя проникновение на территорию страны – в обоих случаях регламентированное – все-таки было разрешено и сохранялось как неизменная традиция.

Универсалией для стран Восточной Азии стал принцип фактической самодостаточности, самообеспеченности, и в этом отношении был достигнут определенный прогресс. В то время как европейская модель развития экономики становилась все более интернациональной, дальневосточная изыскивала возможности самообеспечения. Поэтому внешняя торговля играла в период изоляционизма и в Китае, и в Японии роль подчиненную. Единой тенденцией для этих стран стало постепенное сокращение внешне-торговых связей.

Существует несколько упрощенное представление о Японии эпохи Токугава как о стране, закрытой для посещения иностранцами, за исключением голландцев. Действительно, в значительной степени это было так, однако ряд особенностей, обычно неупомянутых, обедняет общую картину, делает ее несколько ограниченной. Не только в зарубежной, но и в отечественной историографии, посвященной периоду Эдо, уже неоднократно отмечалась необходимость взглянуть на политику изоляции по-новому³. Можно говорить об ограничениях, вызванных рядом обстоятельств и сформулированных определенным образом, а не о полном закрытии страны. Кроме того, учитывая эти особенности, можно предположить, что их влияние обнаруживается в более позднее время, в период Мэйдзи (1861–1912).

Как уже было сказано, Токугава Иэясу в своей внешнеполитической деятельности еще не был настроен так однозначно враждебно против европейцев и проявлял заинтересованность в них. В годы его правления и первые годы правления его сына довольно интенсивно развивалась торговля с англичанами и голландцами, открывшими свои фактории в Японии. Глава английской фактории Ричард Кокс смог добиться расположения самого Иэясу. От имени сёгуна было послано несколько писем английскому королю Якову I, а также был передан в подарок комплект самурайских доспехов, которые и сейчас находятся в лондонском Тауэре⁴.

Дважды по приказу сёгуна отправлялись посольства из Японии в Мексику и Европу. В 1613 г. даймё из северо-восточной Японии, Датэ Масамунэ, по приказу сёгуна послал своего вассала Хасэкура Цунэнага в Европу. Целью его было установление непосредственных торговых контактов между Испанией и Японией.

Восстанавливались торговые и дипломатические отношения и с соседними странами. В частности, были предприняты небезуспешные попытки наладить отношения с Кореей, разрушенные походами Тоётоми Хидэёси. Наконец, Иэясу Токугава пытался

нормализовать связи с Китаем в годы последних правителей династии Мин. Официальные контакты так и не были установлены, но частная торговля развивалась, несмотря на официальные запреты китайских властей. Следует также добавить, что японские корабли в начале XVII в. можно было встретить во многих странах Юго-Восточной Азии. По оценкам историков, японские торговые колонии в этих странах насчитывали до 100 000 человек⁵.

Таким образом, при жизни Токугава Иэясу велась интенсивная внешнеполитическая и внешнеторговая деятельность. Власть бакуфу при первом сёгуне была заинтересована в восстановлении торговли. Страна была только что объединена, и требовались значительные средства – финансовые и материальные – для ее укрепления, а внешняя торговля была для этого хорошим дополнительным источником. Она способствовала и международному признанию новой власти, так как отныне все вопросы решались при участии сёгуна, его чиновников и эмиссаров. Поэтому на данном этапе о закрытии страны речь еще не шла.

Основные ограничения были сделаны в годы самостоятельного правления Хидэтада и его сына – Иэмицу. В 1622 г. из страны было выслано 120 христианских миссионеров, а через два года изгнаны испанские торговцы. В 1623 г. английские купцы сами свернули торговлю, не видя в ней больших перспектив. Окончательно политика закрытия страны была установлена лишь в период 1635–1641 гг. В 1635 г. было запрещено возвращаться в страну японцам, жившим за рубежом. На следующий год португальские купцы были ограничены в небольшой фактории на о. Дэдзима в бухте Нагасаки. Параллельно с этим правительство начало наступление на христианство. В 1639 г. португальцы – последние представители католической Европы – были выдворены из страны. С 1641 г. голландцам, единственным европейцам в Японии, была дозволена торговля, но лишь на о. Дэдзима. Голландцам, таким образом, досталась бывшая португальская фактория в Нагасаки⁶.

Контакты Японии с внешним миром после 1641 г. резко сократились. Строгость запретов со временем несколько смягчилась, но сам принцип оставался неизменным вплоть до середины XIX в. Единственными европейцами в стране были немногочисленные голландцы. Но с соседями по региону поддерживались определенные отношения.

Сами внешнеполитические и торговые партнеры не обязательно расценивали это именно так, как японцы, ибо, например, у Кореи и королевства Рюкю существовали свои даннические отношения

с Китаем, построенные подобным образом. Как это будет видно из дальнейшего изложения, Япония пыталась выстроить отношения с соседями на уровне супрематизма, пусть формального и неоднозначно толкуемого обеими сторонами, но от этого не менее важного с точки зрения внутренней идеологии.

Отношения с Кореей в конце XVI в. были осложнены последствиями вторжений 1590-х годов, организованных Тоётоми Хидэёси. Токугава Иэясу начал выстраивать отношения с Кореей в совершенно ином русле. Проводником новой политики стал Со: Ёситоси, даймё островов Цусима, лежащих в непосредственной близости от Корейского полуострова. В 1609 г. было заключено соглашение между Кореей и княжеством Цусима, которое восстанавливало отношения между двумя странами. Правда, условия прибытия японцев в Корею были тоже довольно жестко лимитированы – не менее жестко, нежели позднее установили японцы в отношении голландцев в Нагасаки: не более 20 кораблей княжества Цусима ежегодно могли приходить в единственный порт – Пусан, посещение Сеула запрещалось. Жить японцы могли лишь в фактории Вакан (дом для людей из страны Ва), территория которой была огорожена стеной.

Цусимские даймё также смогли добиться прибытия корейского посольства уже непосредственно ко двору сёгуна, что являлось для японской стороны официальным доказательством вассальной зависимости. В общей сложности за период Эдо ко двору сёгуна прибыло 12 корейских посольств. Состав посольств насчитывал в среднем от 400 до 500 человек⁷. Все они прибывали через Цусиму на Кюсю, затем следовали морем до Осаки, далее по суше до Эдо. Некоторые из них отправлялись даже в Никко, на поклонение к могиле основателя династии – Токугава Иэясу⁸. Идеологическая актуальность таких посольств для сёгунов Токугава существовала на раннем этапе. Со временем значение этих визитов утрачивается. Последнее посольство прибыло в 1811 г., но не проследовало дальше Цусимы. Корея оставалась частью знакомого, упорядоченного мира и в каком-то смысле – частью мира собственно японского.

Отношения с королевством Рюкю складывались примерно в той же вассально-сюзеренной плоскости, хотя и не без драматизма. Начиная с 1604 г. даймё княжества Сацума, очевидно с ведома бакуфу, стал принуждать короля Рюкю, чтобы тот отправил посольство ко двору сёгуна. Не добившись этого уговорами, он организовал экспедицию на Окинаву, в результате чего установил

там свой контроль, требуя фактически вассальных отношений. Король Рюкю, Сё Нэй, был вынужден теперь уже лично совершить поездку в Эдо к сёгуну Хидэтада.

Династия Мин в Китае, сюзерен Рюкюского королевства, в это время уже была не настолько сильна, чтобы контролировать твердо и эту территорию. Поэтому обе стороны – и Япония и Китай, – предпочитали считать территорию своей, не встречаясь друг с другом. Так сложилась довольно странная ситуация двоякого сюзеренитета. В отличие от Кореи королевство Рюкю на протяжении периода Токугава послало в Эдо 18 посольств. Помимо визитов, связанных с восшествием нового сёгуна, присылались также посольства для подтверждения инвеституры при восшествии нового рюкюского короля. Таким образом, королевство Рюкю, пусть и формально, на уровне документальном, стало также восприниматься как часть территории, имеющей «японское притяжение».

К числу соседних народов японцы относили жителей севера – айнов. В отличие от «окультуренных» Кореи и Рюкю айны, или эдзо, были народом диким. Контакты с ними, разумеется, предполагали не дипломатические отношения, а только вассальное изъявление покорности. В самом северном из японских княжеств – Мацумаэ – был установлен порядок, в соответствии с которым старейшины айнских племен должны были ежегодно являться с подарками на поклон главе клана. Однако функция окультуривания туземцев не предусматривалась. Очевидно, это было связано с отсутствием геополитической необходимости. Аборигенам запрещалось говорить и учиться письму на японском языке. Исключением стал период на рубеже XVIII–XIX вв., когда у берегов Японии стали появляться русские корабли.

С 1799 по 1821 г. бакуфу взяло под свой прямой контроль земли Эдзо, айнов стали обучать японскому языку, обычаям, одежде⁹. Были также организованы несколько экспедиций для обследования Сахалина и Южнокурильских островов. Земли Эдзо стали частью внутренней территории Японии¹⁰. Однако ожидаемого с севера нападения русских так и не произошло, поэтому в 1821 г. действие прежней политики было приостановлено, а князю Мацумаэ были возвращены земли на Хоккайдо. Но сам пример прямого правления бакуфу показывает попытку вовлечь земли айнов в орбиту влияния Японии, пусть даже и в качестве периферии.

Отношения Японии с Китаем и Голландией являют собой пример несколько иного характера. Связи с Китаем представляли для Токугава бакуфу, пожалуй, самый сложный сюжет. Они не имели

официального характера – ни в последние годы династии Мин, ни позднее, с Цинской империей, хотя первые сёгуны Токугава пытались установить дипломатические контакты, так как торговля с Китаем всегда была выгодной.

Изменения, произошедшие в Китае, в частности падение династии Мин и установление власти иноземной династии Цин, стали своеобразным поводом для представлений о превосходстве Японии. Поскольку Китай был покорен кочевыми племенами северо-востока, это дало повод бакуфу считать, что страна утратила статус культурного центра: произошло смешение культурного центра и варварского начала (яп. *кайхэн хэнтай*)¹¹.

Китайские торговцы ввозили товар не только из Китая, но и из китайских поселений, разбросанных по территории всей Восточной и Юго-Восточной Азии – Таиланда, Вьетнама и даже из Индии. Таким образом, они выполняли функцию внутрирегиональных перевозчиков. Понятие «китайский корабль» далеко не всегда означало «корабль из Китая». Это могли быть торговцы из китайских колоний Вьетнама, Малайзии или Филиппин.

В 1689 г. в Нагасаки был создан так называемый «китайский двор» (яп. *то:дзин ясики*)¹². Он был обнесен довольно высокой стеной¹³. Штат японских переводчиков, работавших с китайскими партнерами, был намного больше, чем переводчиков с голландского. Основными статьями импорта из Китая и стран Юго-Восточной Азии стали шелк и сахар. Но Японию все меньше интересовали внешние связи: она продолжала изыскивать собственные ресурсы, пытаясь культивировать ввозимые товары у себя. На протяжении XVIII в. торговый оборот с Китаем падает. Количество допускаемых в Нагасаки кораблей в 1740 г. было ограничено двадцатью в год, а в 1791 г. – десятью. В 1840-х годах количество прибывших китайских кораблей сократилось до 4–5 в год¹⁴.

Голландские торговцы оказались единственными европейцами в токугавской Японии. Их фактория была переведена из Хирадо на Дэдзима. Голландцы должны были платить ежегодную ренту за использование фактории¹⁵. Одиннадцать японцев, переводчиков с голландского, также были переведены на новое место службы из Хирадо в Нагасаки. Здесь была создана закрытая родственно-профессиональная корпорация, где переводческие навыки передавались по наследству. Сами же члены этой корпорации являлись официальными чиновниками бакуфу. Переводчики одновременно выполняли функции таможенников и контрагентов¹⁶.

Выгода от голландской торговли со временем сходила на нет, а значение присутствия голландцев несколько изменилось: все более важной становилась их роль как носителей информации. Голландцы должны были составлять ежегодный отчет о происходящем в мире (яп. *фусэцугаки*). Японские власти узнавали таким путем о событиях за пределами страны. Помимо этого, особенно в XVIII в., в страну начинают доставляться голландские естественно-научные книги – по медицине, астрономии и математике.

Со временем жесткость запретов, связанных с европейцами, несколько ослабла. Если португальская миссия 1641 г. была казнена, то визиты иностранцев к берегам Японии в XVIII в. уже не имели таких трагических последствий. Российские, английские, американские и французские суда все чаще появлялись у ее берегов. Местные власти обычно просили иностранных моряков покинуть пределы страны, но никаких жестких мер к ним не применялось.

Причиной их появления чаще всего было стремление установить торговые контакты, а поводом – возвращение японских моряков, унесенных бурей к берегам Америки или Азии. И если ранее привезенных японцев ждала бы смерть, то теперь их оставляли в живых, подробно допрашивали и оставляли жить под полицейским надзором в городах, удаленных от места их рождения. Мир изменялся, а возвращаемые моряки были источником информации о западных странах. К середине XIX в. в Японии было накоплено достаточное знание об окружающем мире, носивших, правда, несколько абстрактный характер.

Япония в середине XIX в., едва отказавшись от изоляции, перешла к политике модернизации. Эпоха Мэйдзи (1868–1912) стала временем европеизации, создания современных институтов власти и установления новых связей с внешним миром. Отношения с европейскими странами выстраивались уже в новом русле.

Страна совершила невиданный в своей истории поворот – началось создание колониальной империи наподобие европейских. Фактически впервые в своей истории Япония поставила в качестве одной из основных задач проведение активной (и даже агрессивной) внешней политики. Казалось бы, это были совсем новые задачи, но их решение несло на себе отпечаток ментальных реалий прошлого. Традиционные пространственные модели, имевшие столь долгую историю в период изоляции, продолжали оказывать воздействие и в эпоху модернизации. Это находит свое выражение и в колониальной политике.

Европейские колониальные державы в Новое время создавались на пространствах, сильно удаленных от метрополий. «Жемчужиной британской короны» стала Индия, а колонией Голландии – Индонезия. На путях к этим заморским колониям выстраивались цепочки из перевалочных пунктов на небольших островах.

Построить колониальную империю трансокеанического типа в XIX в., каковыми были Великобритания, Франция или Голландия, когда сферы влияния уже были в значительной степени поделены, для Японии не представлялось возможным. Поэтому при построении своей колониальной системы она сначала обратилась к миру ближнему – Хоккайдо, Рюкю и Корею. Эти территории, пусть лишь умозрительно, все же воспринимались ранее именно как часть «японского мира». Япония стала не завоевывать далекие заморские колонии, а «собирать» свои, соседние земли. Японский мир расширялся, становился больше, чем в эпоху Токугава, но его расширение шло вокруг традиционного «культурного центра».

Примечания

-
- ¹ См.: *Воробьев М.В.* Япония в III–VII вв. М., 1980. С. 123.
  - ² См.: *Мещеряков А.Н., Грачев М.В.* История древней Японии. М., 2003. С. 380–381.
  - ³ В отечественных исследованиях, посвященных периоду Эдо, уже неоднократно упоминалась необходимость пересмотреть точку зрения об исключительной закрытости в эпоху Токугава и взглянуть на политику изоляции по-новому. См.: *Arano Yasunori.* The Formation of a Japanocentric world order // *International Journal of Asian Studies.* 2005. № 2. P. 185–216; *Tashiro Kazui.* Foreign Relations During the Edo Period: Sakoku Reexamined // *Journal of Japanese Studies.* 1982. № 2 (Vol. 8). P. 283–306; *Лещенко Н.Ф.* Япония в эпоху Токугава. М., 1999.
  - ⁴ См.: *Massarella D.* James I and Japan // *Monumenta Nipponica.* 1983. № 4 (Vol. 38). P. 378–379.
  - ⁵ См.: *Сато Макото, Гоми Фумихико и др.* Нихонси кэнкю. Токио, 2008. С. 250.
  - ⁶ Там же. С. 251.
  - ⁷ Там же. С. 254.
  - ⁸ См.: *Jansen M. B.* The making of Modern Japan. Harvard Univ. Press, 2002. P. 69.
  - ⁹ См.: *Арутюнов С.А., Щебеньков В.Г.* Древнейший народ Японии: Судьбы племени айнов. М., 1992. С. 80.
  - ¹⁰ См.: *Howell D.L.* Territoriality and Collective Identity in Tokugawa Japan // *Daedalus.* 1998. № 3 (Vol. 127). P. 119–120.
  - ¹¹ См.: *Сато Макото, Гоми Фумихико и др.* Указ. соч. С. 253.

- ¹² То:дзин (или карабито, карахито) переводится как «люди из Тан». Выходцы из Китая в Японии обозначались тем иероглифом, которым записывалось название династии Тан (618–907). Термин также имел и более широкое значение – просто иностранец.
- ¹³ См.: *Cullen L.M.* A History of Japan: Internal and external worlds. Cambridge Univ. Press, 2003. P. 40–41.
- ¹⁴ Там же. С. 45–46.
- ¹⁵ См.: *Jansen M. B.* The making of Modern Japan. Harvard Univ. Press, 2002. P. 80.
- ¹⁶ См.: *Cullen L.M.* Op. cit. P. 39.

О.А. Пичугина

ТРАНСФОРМАЦИЯ МАССОВОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Современная коммуникативная реальность сегодня переживает процесс трансформации благодаря появлению новых медийных каналов – социальных медиа или социальных сетей. Благодаря своим уникальным функциям и свойствам социальные сети сегодня составляют сильную конкуренцию традиционным СМИ и формируют систему массовых социальных коммуникаций, в основе которых лежит именно социальность канала коммуникации и контента. Эти новые медийные каналы комплексно влияют на процесс этих изменений – начиная от коммуникативной культуры и заканчивая коммуникаторами.

Ключевые слова: социальные медиа, социальные сети, мозаичная культура, Маклюэн, Интернет, коммуникации, демассификация.

По данным TNS-исследований, более 76% всей аудитории Интернета в России (70 млн чел.) пользуются им ежедневно. Интернет превосходит по среднесуточному охвату все остальные медиа, включая телевидение. Социальными сетями пользуются 30,9 млн человек. В среднем российский пользователь проводит в социальной сети 12,8 ч в месяц – это самый высокий показатель в мире¹. Социальные сети сегодня являются самым востребованным и распространенным каналом коммуникации в мире: их возможности активно используются для решения коммуникативных задач в бизнесе, политике, межличностном общении. Ввиду столь стремительного развития социальных сетей в последнее время активно ведется дискурс о перспективах вымирания традиционных каналов коммуникации, как печатные СМИ.

Социальные сети – это сообщество пользователей на определенном интернет-сайте, которые объединены по различным признакам и осуществляют коммуникативное взаимодействие². Социальные сети сегодня представляются полноценными медиа и в силу того, что они обладают следующими базовыми медийными свойствами: содержат в себе различную информацию и транслируют ее аудитории. Это обуславливает использование в настоящей статье понятий «социальные сети» и «социальные медиа» как синонимичных.

Понимание медиа как транслятора и носителя, как связующего звена между отправителем информации и реципиентом (а это медийное свойство куда важнее, чем просто понимание медиа как канала коммуникации, так как подразумевает и хранение, и распространение, и частично – сам носитель информации) не пользовалось особой популярностью. Под термином «медиа» традиционно понимаются СМИ: газеты, журналы, телевидение, радио. Однако М. Маклюэн под этим термином в равной степени понимал и все средства массовой коммуникации, и знаковые коммуникативные системы – визуальные культурные и коммуникативные коды (одежда и др.)³. Именно такое понимание социальных медиа сегодня дает возможность рассматривать их как определяющие канал коммуникации в современных условиях, эффективно сочетающие в себе и традиционную функцию трансляции и информации, и работу на уровне символическом: они дают возможность пользователям самим определять коммуникативные коды и использовать их в непосредственном процессе коммуникации.

Рассматривая социальные сети в качестве СМИ, можно предположить, что на сегодняшний день они представляют собой вершину эволюции средств массовой информации. Это утверждение базируется на том, что социальные сети:

- сочетают в себе все разнообразные типы информации: текстовую, визуальную, аудиальную, таким образом, одновременно воздействуя на различные системы восприятия аудитории;

- эффективно решают проблему обратной связи, потому что полностью интерактивны и сокращают разрыв между отправителем и реципиентом;

- менее затратны именно потому, что социальные, основаны на принципе UGC (user generated content, пользовательский контент), наполнены большим количеством бесплатного и условно-бесплатного контента;

– самоорганизующиеся и самообразующиеся медиа из-за функции UGC и коммуникативных кодов, которые приводят к сегментации аудитории и самого медиа.

Социальные медиа не столько своим появлением, сколько своим развитием несколько трансформировали существующее понимание медиа, однако это понимание куда ближе к трактовке М. Маклюэна, нежели остальные.

Социальные сети сегодня вполне соответствуют законам медиа, которые предложил Маклюэн⁴.

Первый закон медиа предполагает символическое усиление той или иной медийной функции. Так, социальные сети усиливают и развивают коммуникативные навыки, расширяют кинестетические возможности, усиливают функцию немассового, личного взаимодействия.

Согласно второму закону появление нового медиа приводит к выводу из употребления устаревших медиа. Конечно, сегодня нельзя в полной мере говорить о полном отходе от традиционных СМИ, однако, по данным исследований, за 2003–2008 гг. число нечитающих газеты увеличилось на 21% по сравнению с предыдущим периодом. На рынке журналов похожая ситуация – количество нечитающих возросло на 22%⁵. Печатные СМИ, безусловно, вряд ли в ближайшее время полностью исчезнут, однако они меняются в угоду современным тенденциям, становятся более целенаправленными, отраслевыми и фактологичными.

Соответствуя третьему закону Маклюэна, социальные сети воссоздают ранее устаревшие коммуникативные функции медиа – речь идет о практике межличностной коммуникации, которая не была свойственна традиционным коммуникативным каналам, за исключением специальных мероприятий.

Социальные сети работают на принципе постоянного вовлечения в коммуникацию аудитории, что эффективно достигается созданием такой коммуникативной среды, где адресатом и отправителем может выступать каждый индивидуальный пользователь. Если газеты транслируют сообщение определенной группе, определенной массе людей, что выражено прежде всего в трудностях реализации процесса обратной связи от каждого отдельного адресата, то социальные медиа, основанные, как уже упоминалось выше, на интерактивности и сокращении дистанции между отправителем и реципиентом, дают возможность пользователям осуществлять хоть и опосредованную, но личную, адресную коммуникацию.

Социальные медиа меняют характер современной коммуникации, тем самым оказывая свое влияние на те или иные социальные процессы. М. Маклюэн, как известно, предлагает принцип разделения медиа на холодные и горячие. Руководствуясь этой логикой, можно сделать вывод о том, что социальные сети есть холодные медиа, чья основная функция – вовлечение в процесс коммуникации. Если горячие медиа транслируют большие объемы информации и воздействуют первоочередно на определенный способ восприятия, то холодные медиа дают меньше явной информации, вследствие этого человеку приходится додумывать те фрагменты, которые нужны для полной картины происходящего, заполнять образовавшиеся пробелы своим воображением. При обращении к большинству сообщений, появляющихся в социальных медиа, пользователь, помимо восприятия самого сообщения, которое, как правило, происходит визуально, обрабатывает ряд иной информации – закодированной: обращается к профилю отправителя, отслеживает цепочку дискуссии вокруг сообщения, имеет возможность ознакомиться с мнением других пользователей. Это дает возможность пользователю в конечном итоге составить личную трактовку исходного сообщения. Это свойство социальных медиа во многом отличает их от традиционных СМИ и, соответственно, влияет на способы кодировки информации, процесс определения реакции на сообщение, увеличивает количество шумов.

Социальные сети являются одновременно и каналом, и социальным сообщением, и получателем–отправителем этого сообщения. Определение «медиа – это не просто средство для передачи информации, это целая среда, в которой производятся, эстетизируются и транслируются культурные коды⁶, в случае с социальными медиа можно понимать буквально. Массовая аудитория сегодня стала не просто реципиентом, но полноправным отправителем, социальное расширение происходит естественно и, по сути, преодолевает географические, временные и иные барьеры. Коммуникация в социальных сетях, основанная на взаимодействии виртуальных профилей пользователей, по сути своей, дает возможность любому пользователю стать полноценным медиа и генерировать тот контент, который будет востребован той или иной аудиторией.

Социальные сети подразумевают, что медийные каналы стали социальными по своей сути – они подразумевают, что аудитория вовлечена в процесс производства и тиражирования информации. В противовес популярному мнению о том, что для успешной коммуникации достаточно социальной природы сети, необходимо,

чтобы контент был распространяемым: без этого он в лучшем случае будет просто потребляться. Если же сделать это, то контент, по словам Х. Маклеода, превращается в социальный объект: при вхождении в эпоху социализации мы должны задумываться о тех рычагах, которые превращают пассивную массовую аудиторию в кураторов и создателей⁷. Социальные сети только тогда социальны, когда в них делятся информацией и разгорается общение. В противном случае это традиционные медийные средства, действующие под видом социального измерения, тут нет взаимовлияния, никто не пересказывает услышанное, отсутствует эхо.

Одна из основных тенденций, которые сегодня порождают социальные медиа, резкая и очевидная демассификация коммуникации через подключение форм личного общения, адресность коммуникации, личную обратную связь. Организованные в глобальном медийном пространстве, социальные медиа не стремятся охватить наибольшее число людей: они нацеливаются на более узкие сегменты аудитории, что оказывает существенное влияние на их развитие. Логика демассификации очевидна: дифференциация социальной структуры служит отправной точкой для сегментации аудитории по интересам, ценностям, убеждениям, образу жизни.

В средствах массовой информации демассификация проявлялась в росте числа теле- и радиопрограмм, в падении тиражей, а нередко и закрытии массовых газет и журналов и одновременно росте числа небольших (по объему и тиражу) газет и журналов, электронных книг и СМИ – тем самым росло многообразие, расширялся спектр предлагаемой медийной продукции, она становилась все более адресной, рассчитанной на потребности и интересы конкретных потребителей⁸. М. Кастельс, одним из первых оперируя понятием «демассификация», пишет о том, что массовое общество эволюционирует к «сегментированному обществу», результатом чего являются новые коммуникационные технологии, сосредоточенные на диверсифицированной, специализированной информации, так что аудитория становится все более сегментированной по идеологиям, ценностям, вкусам и стилям жизни⁹. Социальные медиа в этом контексте оформили и закрепили эту тенденцию, существенно изменив само традиционное понимание СМИ.

Несмотря на преобладание личной коммуникации в социальных сетях, коммуникативные цепочки удлиняются. Длинные и короткие цепочки коммуникации зависят от количества посредников, таким образом, при осуществлении коммуникации в Интернете можно обнаружить различное количество коммуникаторов¹⁰.

Коммуникация в социальных медиа практически всегда предполагает присутствие обезличенных субъектов коммуникации, а также потенциально обладает свойством удлинения коммуникативных цепочек за счет скорости распространения информации и системы быстрого структурирования и тиражирования контента.

За счет демассификации и системы структурирования информации контент в социальных медиа эффективно проходит информационные барьеры, которые выстраивает современный человек. Образование этих барьеров, безусловно, связано с увеличением количества различной информации в современном обществе, в которой часто у адресата нет прямой потребности. Персонализация коммуникации, возможность быстрого получения обратной связи, средства, позволяющие сегментировать и сортировать нужную пользователю информацию в необходимой ему последовательности, постоянное видимое расширение коммуникативного пространства, когда на первый план выходит только актуальная информация, и четкое видение актуальности и неактуальности той или иной информации приводят к преобладанию взаимобратимых коммуникаций и практически полному исчезновению коммуникации односторонней, на идее которой, по сути, и выстраивалась система традиционных медийных политических коммуникаций.

Трансформация массовой коммуникации сегодня затрагивает аспект и трансформации самой формы информации, главным критерием качества которой являются фактологичность, логический порядок и читабельность¹¹. Так, популярная сегодня инфографика является прямым результатом изменения процесса коммуникации и изменения самих коммуникаторов, которые:

- иначе смотрят и видят в привычной для них ситуации перенасыщенности наглядными визуальными образами;

- иначе читают, с трудом удерживая внимание в пределах однородного информационного ряда, но легко и привычно переключая его; как никогда, становятся способными к многозадачности и гештальту;

- динамичны, мобильны, технологически оснащены и, располагая мощными информационно-поисковыми инструментами, в условиях открытости информационной среды легко преодолевают зависимость от конкретных СМИ в удовлетворении своих информационных потребностей (новостных, аналитических, литературно-художественных);

- не испытывают информационного голода, наоборот, живут в условиях информационной избыточности, что при постоянном

дефиците времени делает их внимание важнейшим ограниченным и невозполнимым ресурсом, за который идет решительная борьба между многочисленными СМИ;

– более не являются пассивными потребителями профессионального контента, обретают свой голос в медиа и возможность сформировать и высказать свое, пусть даже некомпетентное мнение¹².

Говоря об изменении массовой коммуникации, нельзя не затронуть аспект трансформации современной гуманитарной культуры, которая сложилась во многом под влиянием СМИ. В современную эпоху можно говорить о том, что преобладающим типом культуры является мозаичная, концепция которой была сформулирована социопсихологом Абраамом Модем.

Мозаичная культура – социокультурная ситуация, характеризующаяся случайным, хаотическим восприятием разнородной информации большинством субъектов, в результате чего эта информация не организуется сознанием субъекта в иерархически упорядоченные структуры, а состоит «из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей»¹³. Социальные медиа предоставляют пользователю огромное количество сжатой информации, которая распространяется с огромной скоростью. Современный потребитель соцмедийного контента имеет возможность получить информацию по любой интересующей его тематике, более того, очень часто у него есть возможность и потреблять ту информацию, в которой он потенциально заинтересован не был в тот или иной временной отрезок.

Любая новостная лента в социальных сетях устроена так, что выдает весь обновленный контент в соответствии с созданной системой сегментации – таким образом, единовременно пользователь может быть, к примеру, в курсе спортивных, политических, развлекательных, культурных новостей. Моль пишет, что эти обрывки знаний не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования. В современном мире, где ежедневно ведутся дискуссии на тему негативного влияния Интернета и социальных сетей на массовое и индивидуальное сознание, такое сопоставление университетской и мозаичной культуры является весьма актуальным. Тем не менее такое положение вещей не дает права утверждать, что социальные медиа

негативно влияют на процессы усвоения и апробации информации у современного потребителя контента: реально оценить эффект от влияния социальных медиа на гуманитарную культуру возможно лишь тогда, когда появится еще одно новое медиа, отличное от социальных, или мы подвергнем анализу репрезентативный срез поколения, чье становление и развитие полностью происходили в эпоху социальных сетей, что пока является невыполнимой задачей.

Следует отметить, что ключевым принципом функционирования мозаичной культуры является принцип цитирования. Сообщения, переданные в современных медиа, дробясь на фрагменты при передаче, восприятии и вторичном распространении, образуют гетерогенный коллаж социокультурной реальности, потому что элементы, его составляющие, имеют разную структуру, стилистику, содержание, а также время создания и восприятия, что делает этот коллаж к тому же гетерохронным¹⁴. Благодаря скорости распространения информация в социальных медиа усиливает эти процессы, формируя социокультурную реальность таким образом, что любые идеи могут быть извлечены и трансформированы любым пользователем для того, чтобы в конечном итоге они снова были извлечены и ретранслированы.

Таким образом, социальные сети, будучи на сегодняшний день новым медийным каналом, комплексно трансформируют массовую коммуникативную реальность, влияя одновременно на отправителя информации, реципиента, характер информации и сообщений, формируя новую коммуникативную среду, принципиально отличную от той, которую создавали традиционные СМИ.

Примечания

- ¹ См.: Российская аудитория социальных сетей в апреле 2012 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.slideshare.net/remarkableru/2012-12879549#btnNext>
- ² См.: Прохоров А. Социальные сети и Интернет // Компьютер Пресс [Электронный ресурс] Электрон. журн. №10. 2006. URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=16723&iid=776>
- ³ См.: Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. 2-е изд. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007.
- ⁴ См.: McLuhan M., McLuhan E. Laws of Media: The new science. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1988.
- ⁵ См.: Кузьмин Е.И., Орлова Э.А., Урмина И.А. Оценка социальной эффективности деятельности по продвижению чтения // Справочник руководителя.

- Учреждение культуры [Электронный ресурс] Электрон. журн. 2011. № 2. URL : <http://www.cultmanager.ru/magazine/archive/58/1312/>
- ⁶ См.: *Кириллова Н.Б.* Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., 2005. С. 22.
- ⁷ См.: *Солис Б.* Инфорграфика не является стратегией продвижения в социальных сетях // Searchengines [Электронный ресурс] М.: 2012 URL: http://www.searchengines.ru/articles/infografika_ne_.html
- ⁸ См.: *Тоффлер Э.* Третья волна. М.: АСТ, 2010. С. 586.
- ⁹ См.: *Кастельс М.* Галактика Интернет. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 220.
- ¹⁰ См.: *Леонтьева Э.О.* Социальная философия. Хабаровск: ХГТУ, 2003.
- ¹¹ См.: *Эрреа Х.* Инфографика: что это такое и с чем ее едят // КАК.ру [Электронный ресурс] М.: 1996–2012 . URL: <http://kak.ru/columns/masterclass/a1044>
- ¹² См.: *Концевой М.* Интерактивная журналистская инфографика: феномен, традиции, инструментарий // Библиотека БГУ [Электронный ресурс] Брест: 2012. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/19508/1/Koncevoj.PDF>
- ¹³ См.: *Моль А.* Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973.
- ¹⁴ См.: *Тимирева Э.В.* Мозаичная культура в структурах коммуникации// Профессия «журналист»: вызовы XXI века: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск, 26 ноября 2008 г. / Мин. печати и информации УР, Союз журналистов Удмуртии, ГОУВПО Удмурт. гос. ун-т. Фак. журналистики. Ижевск: УдГУ, 2008. С. 155–159.

Abstracts

I.B. Antonova

PRESIDENTIAL AND POLITICAL RHETORIC: THE TOOL TO MOULD POLITICAL REALITY (THE ISSUE TO BE CONSIDERED)

The focus of the paper is on the political and presidential rhetoric as a means to describe, create, and interpret any political action. The rhetorical role of the presidency as well as the policy implications of presidential language are the most evident in presidential inaugurations, as well as crisis and war rhetoric, when word becomes action in the process of its articulation (only a president can issue a presidential inauguration and, in the process, become “the president”).

Inauguration, crisis, and war rhetoric of the USA traditionally often use positive symbols of progressive politics aimed at interpreting political and social reality imposing a specific conception of the surrounding world in accordance with the political strategy chosen by the authorities.

Russian presidential rhetoric employs concepts similar to the American ones (legal state, civil society, etc), but this neither provides adequate interpretation of Russian social and political reality nor moulds a new post Soviet ideological model.

Key words: presidential rhetoric, political rhetoric, memorable phrases, concepts, social and political reality, interpretation.

E.A. Arkhipova

M. WEBER IN THE RUSSIAN HUMANITIES OF THE XXTH CENTURY

The article deals with the perception of M. Weber's «Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism» in the Russian humanities of the XXth century (pre-revolutionary period, Soviet period and the 1990s). The author argues that only the 1990s gave rise to favourable socio-political and intellectual conditions to research and practically apply Weber's conception. The last has become the starting point of public

and academic discussions about the past and present of the Russian capitalism and entrepreneurship, including that of Old Believers.

Key words: capitalism, entrepreneurship, work ethics, Protestantism, the Orthodoxy, Old Belief.

E.V. Baryshev

INTERNET AND PROSPECTS OF DEMOCRACY

Internet mass distribution signifies a new form of informational sphere. Some social and political movements are increasingly used as a specific instrument to mobilize masses and put pressure on governance. New information and communications technologies have a considerable impact on all sectors of life in the contemporary society. The article considers the perspective of improving democracy by means of information and communications technologies.

Key words: political information, Internet, e-democracy, information and communications technologies

S.I. Boyko

STABILITY VS AMBIVALENCE: VARIANTS OF POLITICAL ALGORITHMS

The article considers the dependence of the sustainability of the political system on the political ambivalence of citizens. Political ambivalence in Russia is most clearly manifested in two ways: firstly, in the citizens' evaluation of the election campaigns and, secondly, in the citizens' attitude to the political parties in the context of the traditional personification of state administration. People's hopes for social and economic development are associated with the state leader, not with a political party. Putin – Medvedev political union is not a tandem. It is a political catamaran. The author undertakes an attempt of a comparative analysis of the algorithms used in Spain, USA, Belarus and other countries to ensure the oscillations of political stability in the state extremes possible for sustainable management. Multiparty system in Russia is in a turbulent state which objectively reduces the level of political stability.

It is no good to copy Western or Anglo-Saxon algorithms of modernizing public administration and political party construction, as well

as algorithms of legislation and rules of administering political parties in Russia at the current stage of democratic development. It might result in increasing political ambivalence.

Key words: political ambivalence, stability, state administration, the algorithms of election campaigns and party systems

E.A. Dolgova

DEBATING THE DIVERSITY OF METHODS IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE (THE 1920S)

The article considers the issue of revealing factors and mechanisms of modeling a scientific tradition. Referring to the definition of science as a competition of ideas (scientific positions and groups), the author analyzes the concept of crisis in the historical science of the 1920s, concluding that in the problem field of the 1920s there existed several approaches which mutually excluded each other.

Key words: humanitarian knowledge, crisis of positivism, theory and methodology of history, Marxism.

I.A. Gordeeva

THE EMERGENCE OF THE INDEPENDENT PEACE MOVEMENT IN THE USSR IN THE 1980S

The independent peace movement appeared in the USSR in 1982. It was founded by the scientists, jews-refuseniks, hippies and the representatives of some other marginal groups of Soviet society. This movement was represented by two informal organizations – the Group for Establishing Trust between the USSR and the USA and “Independent Initiative” group. They proclaimed the aim of preventing a nuclear war by the means of contacts ‘from below’, citizen diplomacy and other methods of development of trust between the ordinary people of the capitalist and socialist blocks. The concept of “trust” was absolutely new in the spiritual background of the late Soviet society, where a quality of closeness had been cultivated for a long time and the struggle for peace within the official organizations was not taken seriously. One of the intellectual roots of idea of trust appeared among the Soviet scientists – the founders of the Trust Group can be found in the works of

the English mathematician and Quaker Lewis Fry Richardson, who was one of the founders of the Peace and Conflict studies.

Key words: pacifism, struggle for peace, trust, citizen diplomacy, Soviet hippy, Soviet dissident movement, Group for Establishing Trust between the USSR and the USA, Independent Initiative, Soviet Peace Committee, Quakers, Lewis Fry Richardson, conflict analysis

S.V. Grishachev

OBJECT AND SPACE: TRADITIONS AND GEOPOLITICS IN JAPAN DURING EDO PERIOD (1600–1867)

The aim of the article is to analyze the policy of Tocugawa shoguns toward neighbouring countries, tribes and Europeans as well. Foreign relations of Japan in that period – sakoku polisy (isolation) – are analysed as part of complex system based on traditional Chinese ideas.

Key words: Japan, history, international relations, foreign policy, Tokugawa, Edo period, sakoku policy, East Asia.

N.V. Illeritskaja

CONSTRUCTING THE PAST IN THE CONTEXT OF THE INTELLECTUAL DIVERSITY

The author of the article argues that referring to one's experience in historiography is the most effective argument in favor of research opportunities of modern historians. Employing the historiography experience in historical practice was fixed during the "historiography revolution" in the second half of XXth century. It is the main condition under which to construct the modern image of historical science.

Key words: historiography, historiography experience, to construct the past, information theory, historical reality.

Y.V. Irhin

LONG-RANGE FORECASTING AND PROJECTING OF THE GLOBAL AND SOCIAL DEVELOPMENT

The article analyses the essence and significance of the megatrends in global social development with the emphasis on the geopolitical interests of Russian Federation. The author considers its potential and its role as a global actor, describing possible variants and megatrends of the world development.

Key words: global megatrends, economic and financial crisis, geopolitics, geopolitical interests of Russian Federation, G8, G20, BRIC, BRICS.

T.L. Kaminskaya

GLOBALIZATION SIGNS IN THE SOCIAL SPACE OF OLD RUSSIAN TERRITORIES

This article is devoted to globalization process that influences the identity of old Russian cities dwellers. The reason of this work is a fact, that signs of new way of life became especially noticeable among former USSR members and European cities with great historic past.

A lot of new elements contrast with usual perception of city and it's way of life. It creates new social reality that often leads to the dwellers identity crisis.

The author makes conclusion based on professional canvass held in Novgorod the Great that it's necessary to bring into focus images of great past in speech strategies of regional government to overwhelm identity crisis.

Key words: social space, globalization, identity crisis, Veliky Novgorod.

S.V. Klyagin

ON THE MEDIA OF DIVERSITY AS THE SOCIETAL MESSAGE

The article deals with the "media" phenomenon as the specific pre- and for- communication area. The model of social diversity media is put forward. It is argued that media of social and cultural diversity can

provide additional reasons and factors for developing pluralistic social integrity.

Key words: media, communication, social diversity.

A.J. Kosheleva

LAW LANGUAGE: SYMBOL FORMATION AND INFLUENCE UPON REALITY

Law is one of the means to mould public relations and humanitarian reality. Simultaneously with determining the surrounding reality by written law there exists a counter-impact on law by the determinators of the objective reality. Mutual determination of public relationship and law manifests through language which is an instrument of their mutual influence. Reality demonstrates *the signified* (designatum), law language demonstrates *the signifier* (symbol). Such a role of language in written law makes juridical language is artificial one which is based upon a natural language. Thus, links between *the signified* and *the signifier* amongst the regulatory and the protective law functions might be revealed.

Key words: law language; artificial language; regulative law function; protective law function; law methodology; language of science.

N.N. Lityagin

RUSSIAN STATE: SIMULATION OF REALITY IN THE SPACE OF DIVERSITY.

With the transition to a market economy the economic role of the state has considerably changed: the state regulation of economic relations ceased to be comprehensive and detailed. Now it is more of a strategic character. This is evident in the investment field. The paper deals with improving the legal aspects of public investment policy, as well as the institutional and legal prerequisites for its implementation.

Key words: economic role of the state, state regulation of the economy, market regulation of economic processes, investment relations, investment policy, legal aspects of investment policy.

D.V. Lukyanov

HISTORICAL STRATEGY OF CONSTRUCTING THE NOWADAYS REALITY

The paper analyzes the initial research of the historical practice of constructing reality in today's social and humanities. The modern historiography is viewed as a "total environment" (M. Foucault) for the Humanities, the central object of which is now a search for "theory of the present." The author reveals the substantial characteristics of principles applied in historical mentality, which determine the practice of constructing reality are. These are the historicization, representation and performativity.

Key words: historical epistemology, historiographical knowledge, historical mentality, patterns of historical consciousness, historicization, representation, performativity, constructing reality.

E.S. Melkumyan

ARAB MONARCHIES: CONSTRUCTING OF REGIONAL ENVIRONEMENT AND "ARAB SPRING"

In the course of mass protest rallies many Arab monarchies did their best to preserve the ruling regimes in power. However, the change in the balance of forces encouraged them to augment their efforts aimed at increasing their position in the region and stabilize the internal situation. Moreover, the Arab monarch states increased their activity to maintain security of the Middle East region. Some of them were directly involved in the process of confrontation between the authority and the opposition in some Arab countries.

Key words: Arab monarchies, "Arab spring", stability, consolidation, security, influence.

N.A. Medushevsky

TAIWAN THINK TANKS AS AN OBJECT
AND SUBJECT OF POLITICAL REALITY
MODELING PROCESS

Taiwan's expert community is characterized by a number of specific features: it is systematic, commercially orientated, politically involved, etc.

These characteristics indicate that the national expert community perceives the think tanks concept as the original one and bound to be adapted to the national conditions.

The think tanks system has already passed three stages of creation, but have not yet found the final structure. The dynamic investigation of the Taiwan's expert community can help to understand future direction of political institutional development in the country.

Key words: think tank, transformation of public institutions, three stages of expert community development.

A.M. Osavelyuk

FORM OF GOVERNMENT AND STATE REGIME:
SEARCH OF OPTIMUM

The article considers such issues of modern constitutional law as forms of government as well as various forms of government regime in Russia and some foreign countries. The author analyses real models of different state regimes within the same form of government.

Key words: form of government, government regime, president, parliament, legislative power, executive power.

N.G. Osoianu

CONCEPTION OF IDENTITIES
AND EFFECTIVE FORMS
OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

Effective protection of human rights and freedoms is becoming an even bigger challenge in the multilateral globalized modern life. Economical integration, migration and the accompanying processes tend to lead to various legal conflicts related either to the differences in legal

regulation of trans-border private legal relationships or to the necessity of abundance of human rights and freedoms, stipulated on national and international levels. International private law is of specific importance in protecting basic super-positive rights. It contains norms aimed at solving conflicts between national legal orders of different states. The domain, located at the junction of international private law and law of human rights, is by itself an intricate aggregation of legal, economical and social constructions, subject to the influence of identity phenomenon in the whole variety of its forms. A comprehensive study and an appropriate evaluation of identity are capable of shaping effective forms of collaboration between states and forecasting the development in the conditions of globalization of certain legal institutions, which exist in the sphere of human rights and freedoms protection.

Key words: international private law, conflict of laws, human rights, identity, globalization, cooperation between states

E.S. Ostrirova

COLUMBIA'S HISTORY IN THE IDEOLOGICAL DISCOURSE OF THE SIXTH CENTURY

The article deals with the process of forming a national Colombian historiography of the XIX century by studying the most famous pre-Spanish civilization in the country: the Chibcha (or Muiscas) civilization. Political opinions of the explorers, their assessment of the Indian-European conflict of the XVI century and their attitude to the ways of consolidating the Colombian nation made a great impact on the process.

Key words: Colombia, nationalism, historiography, identity, Muiscas, Chibcha.

O.A. Pichugina

TRANSFORMATION OF MASS COMMUNICATION REALITY DURING THE ERA OF SOCIAL MEDIA

Nowadays the communication reality is going through the transformation process driven by developing new social media communication channels and social networks. The new social media provide powerful

alternative to the traditional mass media and make a system based on the social nature of communication channels and communication content. These new media show the integrated nature of the transformation process affecting communication culture as a whole and communicators themselves.

Key words: social media, social networks, mosaic cultures, MacLuhan, internet, communications

V.E. Putyrskiy

EKOPOLITOLOGICAL MODELING STUDIES

The paper describes how to study political problems through modeling techniques. The author considers international issues of sustainable development based on the quantitative analysis of environmental and economic factors and solves specific issues in the field of environmental protection.

Key words: sustainable development, natural resources, human impact.

M.A. Shteynman

ANATOMY OF PROTESTING MASK: COMMUNICATIVE ASPECT

Present-day political discourse is closely connected with phenomenon of mask. Being an important part of protesting activity mask is also included into performance. Performance itself tends to be chosen as one of the most effective ways of delivering the message. Moreover the channel of communication is rather significant. Protest movements choose YouTube as a part of new media society. YouTube transforms the video into a completed statement, making the message clear.

In the article two most representative cases are analysed – the group of hacker activists Anonymous in the USA and the women punk band Pussy Riot. The rise of popularity of protesting masks could be explained by means of myth and identity. Mask marks the group identity of protesting movements and uses New Media as a channel promoting their messages. Moreover, protesting activity visualized as masks is transforming into brand-management.

Key words: political discourse, myth, performance, hacker activists, semiotics of mass communication, New Media, brand.

D.V. Sokolov

EUROPEAN INTEGRATION AND EASTERN EUROPE: FROM UNIFICATION TO DIVERSITY

The article provides a brief overview of the two projects of European integration which were worked out in the period of the Cold War – by the Soviet “socialist bloc” and by Western European “area of economic cooperation”. The author compares some aspects of these projects and provides an overview of the further development of integration in Europe after the the Soviet bloc was dismantled.

Key words: integration, European Union, Eastern Europe, Western Europe.

E.N. Sokolova

“FAR-EASTENERS”: THE ROLE OF IDENTITY IN THE PROCESSES OF THE MACRO-REGION'S DEVELOPMENT

The article is based on the materials of a special study carried out in the Far East in 2011. It analyses the cognitive component of the community: its members' idea of themselves and “others”, i.e. “westerners” and Muscovites; it also identifies the nature of and bottlenecks in the communication between the political and administrative elite of the constituent entities of Far Eastern Federal District and the Federal administration.

Key words: identity, identity community, communication, decision making, Far East.

E.V. Sushyi

GLOBAL TRANSFORMATION AS A CHALLENGE FOR STRATEGIC GOVERNANCE

Global transformations are considered to be a challenge for the strategic governance and development of society and the state. The

new social and historical conditions give rise to a psychological and sociocultural factor which is becoming of great importance in sorting out social issues and public administration.

Key words: hybrid regimes, state development, democratization, identity, cultural code, modernization, global transformation.

Сведения об авторах

Антонова Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; heidel@rambler.ru

Архипова Екатерина Анатольевна – преподаватель кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ; arkhekaterina@yandex.ru

Барышев Егор Владимирович – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; baryshev.egor@gmail.com

Бойко Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; bsi1952@yandex.ru

Гордеева Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нового времени факультета истории, политологии и права РГГУ; nep1@yandex.ru

Гришачёв Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ; grayskyway@gmail.com

Долгова Евгения Андреевна – аспирант кафедры истории и теории исторической науки, преподаватель Учебно-научного Межамериканского центра имени Ю.В. Кнорозова факультета истории, политологии и права РГГУ; dolgova-evg@rambler.ru

Иллерицкая Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ.

Ирхин Юрий Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС

(Российской Академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте РФ), академик Академии гуманитарных наук РФ; Irkhine@mail.ru

Каминская Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики Новгородского государственного университета; преподаватель новгородского филиала РГГУ (Великий Новгород); tlkam1@mail.ru

Клягин Сергей Вячеславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; sklyagin@gmail.com

Кошелева Анна Юрьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права факультета истории, политологии и права РГГУ; akosheleva@inbox.ru

Литягин Николай Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права факультета истории, политологии и права РГГУ; lit-nn@rambler.ru

Лукьянов Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нового времени факультета истории, политологии и права РГГУ; lukadmiv@mail.ru

Медушевский Николай Андреевич – кандидат политических наук, преподаватель кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; lucky5659@yandex.ru

Мелкумян Елена Суреновна – доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ; g.kosach@mail.ru

Осавелюк Алексей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор, зам. завкафедрой конституционного и муниципального права Российского государственного торгового экономического университета; профессор кафедры истории

и теории государства и права факультета истории, политологии и права РГГУ; osaveluk@mail.ru

Осояну Наталья Георгиевна – кандидат юридических наук, постоянный член Российской Ассоциации международного права, директор Института исследований в области защиты прав человека (ICDPDO – Institut Cercetări în Domeniul Protecției Drepturilor Omului); osoianu.natalia@gmail.com

Острирова Елена Сергеевна – преподаватель Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова факультета истории, политологии и права РГГУ; maraveriza@gmail.com

Пичугина Ольга Анатольевна – преподаватель кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ; o-pichugina@yandex.ru

Пустьрский Владимир Евгеньевич – доктор географических наук, профессор кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; ведущий научный сотрудник Института водных проблем РАН; putyrsky1@yandex.ru

Соколов Дмитрий Васильевич – аспирант, Институт Всеобщей истории РАН; g-m-f@mail.ru

Соколова Екатерина Никитична – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; katerina.sokolova@gmail.com

Суший Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент Национальной академии государственного управления при Президенте Украины; a_s_y2000@yahoo.com

Штейнман Мария Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; philology@mail.ru

General data about the authors

Antonova Irina B. – PhD (Methods of Teaching), Associate Professor at the Chair of Communication Studies and Public Affairs, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; heidel@rambler.ru

Arkhipova Ekaterina A. – Lecturer at the Chair of History and Theory of Historical Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; arkhekatserina@yandex.ru

Baryshev Egor V. – post-graduate student at the Chair of Culture of Peace and Democracy of the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; baryshev.egor@gmail.com

Boyko Sergey I. – PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of Theoretical and Applied Political Science of the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; bsi1952@yandex.ru

Dolgova Evgeniya A. – post-graduate student at the Chair of History and Theory of Historical Science, Lecturer at the Knorozov Center for Mesoamerican Studies, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; dolgova-evg@rambler.ru

Gordeeva Irina A. – PhD (History), Associate Professor at the Chair of the Modern Russian History, Russian State University for the Humanities; nepl@yandex.ru

Grishachev Sergey V. – PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern East of the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; grayskyway@gmail.com

Illeritskaja Natalia V. – Doctor of History, Professor at the Chair of History and Theory of Historical Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities

Irhin Yuriy V. – Doctor of Philosophy, Professor at the Chair of Political Science and Political Governance of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor at the Chair of Theoretical and Applied Political Science of the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; Academician of the Russian Liberal Arts Academy and the Russian Political Sciences Academy; Irkhine@mail.ru

Kaminskaya Tatyana L. – Doctor of Philology, Head of the Chair of Journalism, “Yaroslav-the-Wise Novgorod State University” (NovSU); Associate Professor at Russian State University for the Humanities (Velikiy Novgorod); tlkam1@mail.ru

Kosheleva Anna J. – PhD (Jurisprudence), Senior Lecturer at the Chair of History and Theory of State and Law, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; akosheleva@inbox.ru

Klyagin Sergey V. – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Communication Studies and Public Affairs, Department of History, Political Sciences and Law, Russian State University for the Humanities, sklyagin@gmail.com

Lityagin Nicholay N. – PhD (Economic Sciences), Associate professor at the Chair of History and Theory of State and Law, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; lit-nn@rambler.ru

Lukyanov Dmitry V. – PhD (History), Associate Professor at the Chair of the Modern Russian History, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; lukadmiv@mail.ru

Medushevsky Nikolay A. – PhD (Political Science), Lecturer at the Chair of Culture of Peace and Democracy, Department of His-

tory, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; lucky5659@yandex.ru

Melkumyan Elena S. – Doctor of Political Science, Professor at the Chair of Modern East of the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; g.kosach@mail.ru

Osavelyuk Alexey M. – Doctor of Jurisprudence, Professor at the Russian State University of Trade and Economics; Professor at the Chair of History and Theory of State and Law, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; osaveluk@mail.ru

Osoianu Natalia G. – PhD (Jurisprudence), Permanent member of Russian Federation Association of International Law, Director of Institute of Research in Domain of Human Rights Protection (ICDPDO – Institut Cercetări în Domeniul Protecției Drepturilor Omului); osoianu.natalia@gmail.com

Ostrirova Elena S. – Lecturer at the Knorozov Center for Mesoamerican Studies, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; maraveriza@gmail.com

Pichugina Olga A. – Lecturer at the Chair of Social Communications and Technologies, Department of History, Political Science and Law; Russian State University for the Humanities; o-pichugina@yandex.ru

Putyrskiy Vladimir E. – Doctor of Geography, Professor at the Chair of Culture of Peace and Democracy of the Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; leading researcher, Institute of Water Problems, Russian Academy of Sciences; putyrsky1@yandex.ru

Shteynman Maria A. – PhD (Philology), Associate professor at the Chair of Communication Studies and Public Affairs, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; philology@mail.ru

Sokolov Dmitry V. – post-graduate student, Institute of Global History, Russian Academy of Sciences; g-m-f@mail.ru

Sokolova Ekaterina N. – PhD (Political Science), Senior Lecturer at the Chair of Culture of Peace and Democracy, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; katerina.sokolova@gmail.com

Sushyi Elena V. – PhD (Philosophy), Associate Professor at the National Academy of Public Administration by the President of Ukraine; a_s_y2000@yahoo.com

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *О.Н. Картамьшева*
Компьютерная верстка *Г.И. Гаврикова*

Формат $60 \times 90 \frac{1}{16}$
Усл. печ. 18,5 л. Уч.-изд. 19,0 л.
Тираж 1050 экз. Заказ № 14
Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.uu